

ЗАРУБЕЖНАЯ
ФАНТАСТИКА

НИТОЧКА К СЕРДЦУ

Э. Ф. РАССЕЛ
НИТОЧКА
К СЕРДЦУ

Сборник
научно-фантастических
рассказов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИР

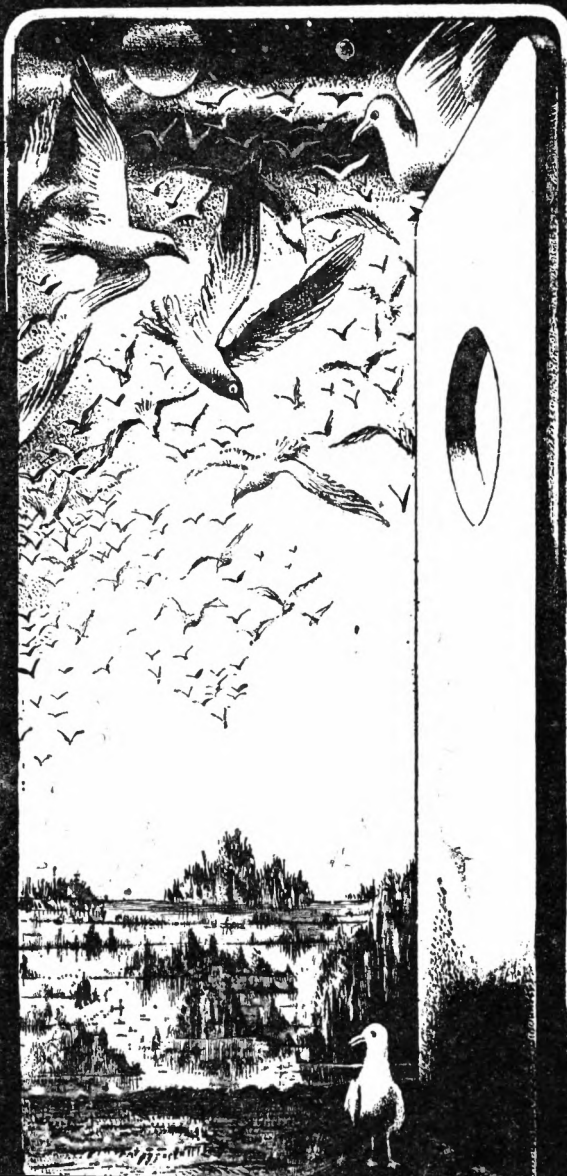
МОСКВА
1973

Э. Ф. РАССЕЛ

- * Ниточка к сердцу
- * Небо, небо...
- * Кресло забвения
- * Эл Стоу
- * Свидетельствую
- * Будничная работа

- * Конец долгой ночи
- * Мыслитель
- * Вы вели себя очень грубо
- * Мы с моей тенью
- * Аламагуса
- * Немного смазки

Эрик Фрэнк Рассел

НИТОЧКА К СЕРДЦУ

Сборник научно-фантастических
рассказов

Перевод с английского

Составитель Р. Рыбкин
Предисловие Е. Брандиса

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
МОСКВА 1973

Рассел Э. Ф.

- Р 24 Ниточка к сердцу. Сборник науч.-фантаст. рассказов. Сост. Р. Рыбкин. Пер. с англ. Предисл. Е. Брандиса. М., «Мир», 1973.
320 стр. (Зарубежная фантастика.)

Первый в нашей стране авторский сборник известного английского фантаста Эрика Фрэнка Рассела включает в себя глубоко гуманные рассказы на самые разные темы.

Р $\frac{0734-194}{041(01)-73}$

С63

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

Э. Ф. Рассел

НИТОЧКА К СЕРДЦУ

Редактор Е. Ванслова
Художественный редактор Ю. Максимов
Технический редактор Н. Толстякова

Славо в набор 8/XII 1972 г. Подписано к печати 22/III 1973 г. Бум. № 3. 70×108¹/₃₂—5 б. л. Печ. усл. л. 14. Уч.-изд. л. 14,82. Изд. № 12/6808, Зак. 807. Цена 74 коп.

Издательство «Мир»
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ярославский полиграфкомбинат «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, Ярославль, ул. Свободы, 97

Эрик Фрэнк Рассел, чьи избранные рассказы впервые выходят у нас отдельным изданием, относится к старшему поколению современных английских писателей. Он родился в 1905 году, получил техническое образование, с юных лет увлекался теорией «звездоплавания», был активным членом Британского межпланетного общества, в журнале которого пропагандировал идеи Циолковского. Его первые рассказы появились в 1937 году, когда на прочном фундаменте, заложенном Гербертом Уэллсом, уже возводился массивный «корпус» англо-американской фантастики — обособленной отрасли литературы, со своими канонами и традициями.

Коллективными усилиями английских и американских фантастов разработана условная схема «галактической истории» человечества. Концепция складывалась постепенно, под пером многих писателей, но законченные очертания придал ей Айзек Азимов в трилогии «Основатели» (1942—1949), где намечены важнейшие вехи поэтапного освоения Вселенной.

В изложении Дональда Уолхейма, автора книги «Создатели Вселенной. Научная фантастика сегодня»*, галактическая история разворачивается по такой схеме:

Космические путешествия в пределах Солнечной системы. Первые колонии на планетах, их взаимоотношения с Землей. Полеты к звездам. Решение проблемы сверхсветовых скоростей. Иные цивилизации, столкновения с ними, взаимодействие культур, земные колонии за пределами

---

* Donald A. Wolheim, *The Universe Makers, Science Fiction today*, N. Y., 1971.

Солнечной системы. Возникновение Галактической империи под главенством землян. Ее расцвет, расширение, конфликты с другими цивилизациями на окраинах Галактики или внегалактическими. Распад Галактической империи вследствие внутренних противоречий. Деграция и регресс. Возвращение бывших колоний к варварству. Разрушение космических связей. Новый подъем галактической цивилизации. Восстановление единства. Исследование других галактик и всей Вселенной. Выход в другие измерения. Попытки проникнуть в сокровенные тайны мироздания. Конец Вселенной. Начало нового цикла...

Эта своеобразная «мифология», принятая по молчаливому соглашению почти всеми западными фантастами и миллионами читателей фантастических книг, в которых человеческие деяния по отношению к реальным возможностям — примерно такая же гипербола, как и превосходство олимпийских богов над простыми смертными, вмещает в свои подвижные рамки бесчисленное множество сюжетных вариантов. Однако при всей ее широте и масштабности «галактическая история» отнюдь не свободна от стереотипов буржуазного мышления. Помимо того что в ней сохраняется идея творящей силы, то бишь бога, и развитие совершается по замкнутым циклам, человечество, овладевая Вселенной, последними тайнами бытия, не может расстаться с «призраками» — социальными институтами, психологией, предрассудками давно минувших эпох. Правда, иногда это кажется нарочитой условностью, позволяющей как бы осветить прожектором неприглядные стороны действительности. Но метафизические представления о неизменности человеческой природы все равно остаются незывлемыми.

«Галактическая традиция» подчиняет себе все жанры, от философской фантастики до «космической оперы» с ее нелепыми приключениями и картонными персонажами, кочующими из книги в книгу. Вместе с тем «космизация художественного мышления», о которой пишет советская

исследовательница Т. Чернышева *, — такая же закономерность XX века, как и «картина мира», построенная релятивистской физикой.

История, перекинутая в будущее, измеряется в научной фантастике миллионами лет. Что же касается ближайшего столетия или даже десятилетий, то многие западные фантасты вслед за социологами и футурологами предрекают всевозможные катастрофы, которые будут вызваны демографическим взрывом, загрязнением окружающей среды или атомным оружием. У сторонников «теории трех барьеров» разногласия вызывает лишь вопрос, уцелеет ли хотя бы часть человечества. Но сами «барьеры» считаются непреодолимыми. Так думает, кстати, и Дональд Уолхейм, влиятельный редактор фантастических книг (американская серия Ace Books), во многом определяющий издательскую «политику». В зависимости от отношения к последствиям он делит писателей-фантастов на оптимистов и пессимистов, безоговорочно присоединяясь к первым.

Что бы ни случилось на Земле, утверждают «оптимисты», человеческий род не исчезнет. Люди расселятся в космосе, колонизируют планеты ближних звездных систем, будут проникать все дальше в глубь Галактики, основывая новые поселения и новые популяции *Homo sapiens*. Иными словами, «галактическая история» осуществится на практике.

Оставив себе это слабое утешение, «оптимисты» не принимают в расчет коренных социальных преобразований, возможности восстановления экологического равновесия, действительности антивоенных соглашений и мирной политики коммунистических стран — совокупности факторов, которые делают катастрофы необязательными и открывают перед человечеством неограниченные перспективы на Земле, независимо от расселения в космосе.

---

* См. статью Т. Чернышевой «О космизации художественного мышления в научной фантастике» («Сибирь», 1972, № 2).

Пессимисты же считают битву за будущее заранее проигранной. Критикуя их пораженческие взгляды, тот же Уолхейм с раздражением говорит о так называемой «новой волне», модернистской группе английских и американских фантастов (М. Муркок, Д. Баллард, Б. Олдисс, С. Деланей, Д. Бруннер и др.). Самый одаренный из них — англичанин Баллард. Его излюбленная тема — конец мира, тотальная катастрофа со всеми ужасами, какие только можно вообразить. Ни один из его романов не поддерживает галактическую традицию. Брайан Олдисс — тоже англичанин — публикует в последние годы «самые непонятные из когда-либо написанных фантастических произведений». Джойсовский стиль, галлюцинации, двоящиеся образы — под стать хаотическому сознанию. Объединяет этих писателей ощущение безысходности. Человечество-де зашло в тупик, роковой конец неизбежен, и потому незачем придерживаться «моральных стандартов».

Нигилизм противоречит самим принципам научной фантастики. «Новая волна» уже успела схлынуть. Несмотря на профессиональную изоционность, «авангардисты» не имеют большого успеха и до широкой публики не доходят. Читатели устали от катастроф. Они требуют фантастических произведений, вселяющих веру в человека, в его будущее.

На этом литературном фоне легче определить позиции Эрика Фрэнка Рассела, в отличие от большинства англо-американских фантастов убежденного оптимиста. Оптимиста не по Уолхейму, без кавычек, в полном и наилучшем смысле слова! А если к тому же учесть и другие привлекательные особенности его творчества — неиссякаемый юмор, хороший язык, умение лепить характеры, строить интересные сюжеты, создавать эмоциональный настрой, помогающий протягивать «ниточки к сердцу», — то популярность Рассела легко объяснима.

Он пишет много и на разные темы. Из десяти романов и примерно ста рассказов, составивших несколько сборни-

ков, значительная часть произведений, соответствует концепции галактической истории, хотя некоторые из них появились еще до «Основателей» Азимова. Не будучи «первооткрывателем», Рассел черпает свои замыслы из обширного фонда современных научно-фантастических идей, связанных с этой традицией. Но было бы несправедливо видеть в нем всего лишь интерпретатора. В некоторых случаях Рассел работает с упреждением. Например, серия его рассказов о гигантском биороботе по имени Джэй Скор («Механистрия», «Симбиотика» и др.) возникла в начале сороковых годов, задолго до того, как тот же Азимов сформулировал в книге «Я, робот» знаменитые законы «роботехники». Поведение Джэя Скора, попадающего в труднейшие переделки, не только не противоречит этим «законам», но во многом превосходит их. Один из рассказов серии, озаглавленный в переводе «Эл Стоу», входит в настоящий сборник.

Современная англо-американская фантастика создавалась на глазах у Рассела и при его непосредственном участии. Исследователь этой литературы Сэм Москович считает его «предтечей» современного научно-фантастического рассказа *. Применительно к раннему Расселу определение кажется верным. «Эл Стоу» по композиции напоминает классическую новеллу с неожиданной концовкой в манере О. Генри. Весь замысел держится на последней фразе. Что же касается содержания, то здесь — и новаторство, и архаика. Биоробот, каким он изображен Расселом, для начала сороковых годов — восхитительная находка. И тут же — спрутообразные марсиане, придуманные когда-то Уэллсом...

Рассел мастерски владеет малой повествовательной формой — рассказом и короткой повестью, но успех после длительной полосы неудач закрепили за ним романы

---

* Книга «Искатели завтрашнего дня» (S. Moskowitz, The Seekers of Tomorrow, N. Y. — Cleveland, 1968).

(«Зловещий барьер», «Часовые космоса», «Странное устройство» и др.). Как писатель-фантаст, он — последователь надежных традиций послеуэллсовского периода, чуждых формалистическим изыскам, нередко прикрывающим бессодержательность. Для него естествен усвоенный в юности добротный бесхитростный стиль. Как только речь заходит о Расселе, критики ставят его в ряд с «ветеранами» (в Англии — Уиндэм, Кларк) и решительно отделяют от «новой волны». При том, что он больше печатается в Нью-Йорке, чем в Лондоне, склонность к психологическим парадоксам, прирожденное остроумие и беззлобный, типично британский юмор все же не настолько приводят его к «общему знаменателю», чтобы в нем нельзя было распознать англичанина.

Сюжетные варианты, разработанные Расселом, исключительно многообразны. Он противник «узкой специализации», привязывающей к одному жанру или какой-то постоянной теме. Он с одинаковой легкостью владеет приемами классической «сайенс фьикшн» — фантастики с логическими обоснованиями причин и следствий, представимых возможностей научно-технического прогресса, — и приемами «фэнтези», фантастики «ненаучной», не требующей жестких мотивировок. К такого рода произведениям относится полусказочный роман «Конец радуги», где действуют фольклорные персонажи, обладающие волшебными свойствами, как в «Заповеднике гоблинов» К. Саймака. В жанре «фэнтези» написаны и некоторые из рассказов, включенные в этот сборник.

Как и все англо-американские фантасты, верные «галактической традиции», Рассел моделирует «свои» миры на основе социологических допущений, как правило наивных и произвольных. Правда, такая «социология» имеет сатирический подтекст или обращается в шутку. Например, в романе «Великий взрыв» расселение человечества в космосе происходит по идеологическим признакам. Одну из планет колонизируют гандисты, другую — анархисты,

третью — нудисты и т. д. Легковесный логический парадокс влечет за собой легковесные допуски. Так, на планете гандистов, исповедующих непротivление злу, преступникам просто-напросто нечего делать: они «дисквалифицируются».

В столь же парадоксальной форме Рассел разрабатывает неисчерпаемую тему «контактов», взаимообмена культур или столкновений инопланетных цивилизаций. Сюжеты соответствуют разным этапам «галактической истории», начиная с романа «Часовые космоса», где колонизованные Землю Марс и Венера ведут освободительную борьбу с помощью телепатии и гипноза, отчасти компенсирующих недостаточность военного потенциала, и вплоть до рассказа «Хоббиист», где Рассел не без юмора отдает дань традиционным в западной фантастике представлениям о «высшем творящем разуме». Космический разведчик находит на одной из планет своеобразную фабрику, где некое высшее существо, наделенное божественной силой, изготавливает по прихоти единичные образцы животных и растений (это и есть его «хобби»), которыми населяет миры. В откровенно пародийной, комической интерпретации Рассел обыгрывает ту же тему в рассказе «Вы вели себя очень грубо».

Профессиональная «всеядность», вольные или невольные уступки коммерческим вкусам порой мешают ему раскрывать в полной мере свое незаурядное дарование. Об этом нужно прямо сказать, так как при всем уважении к писателю, создавшему за тридцать с лишним лет литературной работы немало хороших произведений, мы вовсе не хотим его приукрашивать. Пусть читатель воспринимает его таким, каков он есть, с присущими ему недостатками и сильными сторонами творчества.

Если для романов Рассела более характерны масштабные «галактические сюжеты» с пестрыми приключениями в духе «космической оперы», то рассказы привлекают не столько грандиозностью замыслов, сколько резкими столк-

новениями характеров, психологическими и нравственными конфликтами, задушевым лиризмом и романтикой. И здесь в полной мере проявляется его индивидуальность.

Рассказы, представленные в нашем сборнике, в большинстве своем относятся к сороковым — пятидесятым годам, периоду творческого расцвета Рассела, и за немногими исключениями обращены к далекому будущему. Но отпечаток на них накладывает не время действия, а время написания.

В труднейшей для прогрессивных писателей политической обстановке, в самый разгар так называемой «холодной войны» Рассел призывает к благоразумию, человечности, мирному сотрудничеству, «контактам» без пролития крови; с открытым забралом выступает он против «общества безумцев», тормозящих прогресс; противопоставляет устойчивые моральные ценности тупому фанатизму военных и гражданских чиновников, прокламирующих право силы, ненависть к инакомыслящим, расовую нетерпимость.

Со свойственным ему оптимизмом Рассел утверждает веру в конечное торжество добрых начал: настанет же когда-нибудь такое время, когда между всеми народами воцарятся мир и согласие, исчезнут национальные предрассудки и будут устранены все препятствия, мешающие общечеловеческому прогрессу!

Декларативны в этом смысле рассказы «Конец долгой ночи», «Пробный камень», «Свидетельствую». В первом из них мы находим не столь уж частое в англо-американской фантастике соединение резкой критики негативных сторон действительности с выдвижением позитивных идей, трактуемых, как и следовало ожидать, в наивно-утопическом плане.

Командор Круин, возглавляющий боевую флотилию звездолетов с Гульда, — олицетворение бездумной жестокости, агрессивного упорства завоевателей, явившихся с единственной целью — покорить чужую планету, привести туземцев к повиновению. Ничто не устоит перед огневой

мощью космических кораблей! Все до последних мелочей предусмотрено уставом, и вдруг случилось непредвиденное... Чистосердечие, доброта, мягкость, радушие аборигенов, справедливые порядки на этой странной планете «обезоруживают» экипаж флотилии. «Сила права» побеждает «право силы». Заразительный пример всеобщего согласия, братской любви и сотрудничества оказывается сильнее оружия, сильнее боевого устава. «Нам понадобились тысячелетия, — говорит один из «туземцев», — чтобы понять, что единственным непобедимым оружием является идея. Идею никто не может взорвать, сжечь, раздавить. Идею может победить только другая идея, более высокая, более разумная». Итак, земля будущего показана как школа воспитания подлинной гуманности. Красивая аллегория, выдержанная в пасторальных тонах... О всеобщем мире и благоденствии мечтать может каждый, если он не безумец и не отъявленный человеконенавистник. Вопрос лишь в том, как достичь благих результатов. Рассел, естественно, уклоняется от ответа. Дурной действительности и людям типа Круина противостоит абстрагированный идеал, идея счастья и равенства, «очищенная» от суровой борьбы за достижение цели, идиллическая утопия в духе Морриса. Но на общем фоне современной англо-американской фантастики, омраченном «глобальными катастрофами» и многочисленными «антиутопиями», произведения, подобные «Концу долгой ночи», светятся огоньками надежды.

...Разделяющие людей расовые предрассудки, негритянский вопрос, — страшнейшее зло современности. Великолепно построенная новелла «Пробный камень» — антирасистское кредо Рассела. Самое интересное — действие происходит в то время, когда из лексикона людей давно и окончательно выпали бранные слова и презрительные клички, порожденные расовой ненавистью*.

---

* См. Библиотека современной фантастики, т. 10, М., 1967, стр. 219—238.

«Свидетельствую» — вариация той же темы. На этот раз действие происходит на Земле, по-видимому в Соединенных Штатах. Обнаружен уродливый кактусоподобный «пришелец» — Мэт с Проциона, которого обвиняют в шпионаже в пользу неведомых инопланетных агрессоров. Начинается громкий процесс. Формалисты-законочники и смехотворная процедура суда изображены в саркастических тонах. В ходе судебного разбирательства всем становится ясно, что «пришелец» попал на Землю случайно и без всякого умысла. Любопытно, что нелепый процесс мировая общественность прекращает вопреки судебским чиновникам, отнесшимся к безобидному существу с предвзятых расовых позиций и вознамерившимся извлечь из этого дела прежде всего личные выгоды.

Социальную остроту замысла усиливает соотнесение с действительностью. Ничего бы по сути не изменилось, очутись на месте «пришельца» кто-нибудь из негритянских лидеров. Судебный процесс со всеми фальшивыми ходами и заранее рассчитанными уловками развивался бы точно так же. Это ясно каждому читателю.

От обратного допущения Рассел исходит в интересном рассказе, вернее небольшой повести «Будничная работа», написанной с незаурядным искусством в жанре психологического детектива. А что было бы, если б и в самом деле вдруг появился «пришелец» со злостными намерениями?

Неуязвимый разведчик, инопланетянин Хараша Вэнеш, испытавший свои способности к гипнозу и мгновенным перевоплощениям на пятидесяти «враждебных планетах», терпит поражение на пятьдесят первой — Земле. Самый ход расследования — поиски улики, сопоставление разрозненных фактов и показаний свидетелей, хитроумный способ поимки таинственного преступника с помощью новейших технических средств — все это выстраивается в логическую цепь умозаключений, где каждое звено спаяно с предыдущим и последующим. Финал повести звучит как гимн человеческому разуму и науке.

Пристрастие Рассела к логическим парадоксам и вытекающим из них причинно-следственным связям несколько не мешает обрисовке характеров. Приблизительно сходный способ поимки преступника, завлеченного в психологическую ловушку, намечен в более раннем рассказе «Кресло забвения». Сюжет, безусловно, навеян безудержным ростом бандитизма в Соединенных Штатах после второй мировой войны. В данном случае преступник обладает возможностью произвольно менять свой облик с помощью особого прибора, изобретенного гениальным ученым. Психологический конфликт определяется столкновением двух характеров — непрактичного слабодушного ученого и ловкого бандита-хищника. «Транспортер душ» позволяет человеку, владеющему прибором, почти мгновенно переселиться в другую телесную оболочку, что делает его практически неуловимым, — мотив, столь же распространенный в современной фантастической литературе, как и тема ответственности ученого, чье изобретение в зависимости от того, кто им воспользуется, одинаково может служить и добру, и злу. Рассказ этот, менее оригинальный, чем другие произведения Рассела, ничуть не потерял злободневности.

Рассел, тонкий психолог, в логических построениях ставит перед собой и шуточные, и очень серьезные задачи. Ставшая своего рода классической новелла «Аламагуса» напоминает по замыслу «Поручика Киже» Тынянова. Вполне допустимо, что повесть советского писателя могла натолкнуть Рассела на этот сюжет.

Слово «аламагуса» не имеет смыслового значения, это — «абракадабра». Подобно тому как канцелярская описка, породившая несуществующего поручика Киже, дала повод показать казарменный бюрократизм при Павле I, так и у Рассела описка в инвентарной книге космического корабля и ее смехотворные последствия позволили высмеять непробиваемую рутину, казенщину, формализм, укоренившиеся в армиях англосаксонских стран. Сатири-

ческий эффект как раз на том и основан, что действие перенесено в далекое будущее. Люди летают к звездам, а порядки на флоте не изменились. Глупость и тупость неистребимы! Здесь логический парадокс сводится к шутке, но далеко не беззлобной.

По-своему парадоксален и рассказ «Немного смазки», где ставится в психологическом плане проблема комплектования космического экипажа. Придирчиво отобраны лучшие из лучших. Почему же среди них оказался недотепа, у которого все из рук валится, глуповатый чудак, потешающий команду шутовскими выходками? Как могли взять на борт корабля такого человека, да еще в качестве психолога? Над этой загадкой ломают голову участники звездного перелета, прошедшие бок о бок почти четыре года. Но все они скованы железным запретом: «Никто не должен расспрашивать других или пытаться хоть краем глаза заглянуть в их прошлое. Когда жизнь человека неизвестна... труднее найти повод для иррациональной вражды, придирок и оскорблений». Нечего и говорить — это был хорошо разработанный и вполне оправдавший себя психологический эксперимент. Шутник-недотепа прекрасно справился со своей ролью психолога. Его талантливая игра и была той «смазкой», которая помогла людям притереться друг к другу, сгладить шероховатости длительного общения в замкнутом пространстве. Конечно, постановка и решение проблемы далеко не бесспорны, но рассказ наводит на размышления и написан с таким блеском, что его смело можно отнести к лучшим произведениям Рассела.

Рассказы такого типа мы назвали бы социально-психологическими. Но не менее характерны для писателя и новеллы-«фэнтези» в форме философско-аллегорической сказки, возродившейся в современной фантастике.

Старинный фольклорный сюжет о взаимоотношениях человека и его тени, развитый в свое время романтиками (Шамиссо, Андерсен), по-новому переосмыслен Расселом в новелле «Мы с моей тенью». Идею, определяющую замы-

сел, можно передать так: если жалкий, приниженный человек, жертва социальной несправедливости, обретет душевную стойкость и поверит в свои силы, ему не страшны будут никакие препятствия.

Новелла «Мыслитель» с ее мексиканской спецификой, действием, происходящим возле Паленке, где рядом с памятниками культуры майя якобы находится гора, напоминающая исполинскую статую в позе роденовского «Мыслителя», полна иносказаний и недомолвок. Кто этот пробудившийся исполин? Символ отвлеченного мышления? Порождение инопланетной жизни? Прихотливая игра природы или древнее изваяние? Не связан ли его легендарный образ с преданиями о гигантах, спустившихся некогда с небес? Все вместе взятое и создает нужную автору атмосферу неопределенности, таинственности.

Увидев у своих ног козявку — человека (то был неграмотный, суеверный пеон), Мыслитель обещает пощадить его, если человеческий ум ни в чем ему не уступит. И тогда несчастный крестьянин задает загадку, заставившую Мыслителя вновь погрузиться в тысячелетние размышления:

— Кому сказал бог: «Да будет свет!»?

Изначальные слова Библии приобретают в контексте богоборческий смысл, воспринимаются как прославление непреоборимой мысли, стирающей грани между самим человеком и им же придуманным богом... В самом деле, где тот предел, у которого остановится пытливая мысль?

При том, что Эрик Фрэнк Рассел во многом — типичный представитель англо-американской фантастики, он писатель с индивидуальным творческим почерком, по складу своему романтик и лирик, поэтизирующий безграничные созидательные возможности человечества, грядущие завоевания Разума. Но в какие бы дали «галактической истории» ни уносило писателя воображение, его герои всегда остаются земными людьми и по сути своей нашими современниками. Любой из фантастов, обращаясь к условному

будущему, привязан к своему веку. Иначе и не может быть.

Высокая гуманность, сплавленная с оптимистическим мироощущением, придает и лирическим новеллам Рассела — их также можно выделить в особую группу — жизнеутверждающую романтическую окраску.

В образе подростка, ученика пекаря, который грезит о звездах и впоследствии становится капитаном космического корабля, запечатлены светлые мечты молодого поколения, выдвинувшего из своей среды первых людей, преодолевших земное притяжение. Конечно, есть своя внутренняя логика в том, что новелла «Небо, небо...» была написана незадолго до запуска первого искусственного спутника, ознаменовавшего в истории человечества начало космической эры. Ведь Рассел с первых лет своей деятельности находился среди энтузиастов, торопивших ее приход.

...Мысль фантаста опережает столетия. На маленькой планетке, отдаленной от Земли невообразимым океаном пространства, построен космический маяк, обслуживающий звездную трассу. Смотритель маяка должен провести в одиночестве десять томительных лет. Но люди, пославшие человека в такую отчаянную даль, все-таки находят способ протянуть ему «ниточку к сердцу».

По заглавию этой поэтичной новеллы и назван сборник, знакомящий советских читателей с избранными произведениями Рассела.

Е. Брандис

Стрелка измерителя выхода прыгнула, замерла на миг, дрожа, и упала. Через тридцать секунд снова скачок, снова остановка в середине шкалы, падение... Еще тридцать секунд — и опять все сначала... И так недели, месяцы, годы.

Вершина легкой металлической мачты возле здания, сложенного из каменных глыб, уходила высоко в небо, подымая к звездам плоскую металлическую чашу. Из этой чаши два раза в минуту выплескивался беззвучный, пронизывающий пространство крик:

— Бунда-1! Бип-бип-боп!.. Бунда-1! Би-бип-боп!..

Его повторяли восемь синхронизированных репитеров на пустынных островках залитой водой планеты — восемь спиц гигантского колеса — мира, медленно поворачивающегося вокруг своей оси.

В черной пустоте бессолнечных миров, среди мертвых, погасших звезд одинокий корабль ловил голос Бунды, корректировал свой вертикальный и горизонтальный курс и уверенно летел дальше. Сколько этих кораблей прошло мимо! А он по-прежнему один, по-прежнему указывает путь людям, от которых никогда не слышит в ответ: «Спасибо, друг!» Далекие, неразличимые глазом ракеты прочерчивали темноту провалов между завитками галактик мгновенными вспышками выброшенного пламени и исчезали. «Корабли, проходящие ночью...»*.

Бунда-1... Маяк в глубине Вселенной, мирок с почти земной атмосферой и почти лишенный почвы, планета бесконечных океанов, с крошечными скалистыми островками, на которых нет ни одного живого существа, с кем мог бы

---

* Строка из стихотворения «Легенды придорожной гостиницы» американского поэта Г. Лонгфелло (1807—1882).

подружиться человек, но сущий рай для рыб и прочих водных тварей.

Этот островок был самым большим клочком суши среди бесконечной водной пустыни: двадцать две мили в длину, семь миль в ширину для планеты Бунда-1 — настоящий континент. Континент, на котором нет ни животных, ни птиц, ни деревьев, ни цветов, только низкие, карабкающиеся по камням кустики с узловатыми скрюченными ветками, лишайники и грибы, да с полсотни видов насекомых, которые пожирают друг друга и потому не могут расплодиться в слишком большом количестве. И все — больше ничего здесь нет.

Над планетой застыла тишина, и это было самое страшное — тишина, в которой нет никаких звуков. Легкий ветерок никогда не вздыхал, затихая, никогда не ревела, негодуя, буря. Море во время прилива нехотя напозало на скалы и потом бессильно опадало — десять дюймов вверх, десять дюймов вниз, точное, как часы, без единого всплеска, без шума, без шипения лопающейся пены. Насекомые были немые; из пятидесяти видов ни одно не умело ни жужжать, ни стрекотать, ни щелкать. Бледные тела лишайников и корявые руки кустов никогда не певелились. Казалось, это не растения, а причудливые живые существа, коченеющие в вечном безмолвии.

За домом был огород. Строители маяка превратили в подобие почвы пол-акра скалистой поверхности острова на три фута в глубину и посадили земные растения. Из цветочных семян не взшло ни одно, а вот некоторые сорта овощей оказались более неприхотливыми. У него было пятьдесят грядок свеклы, шпината, капусты и лука. Луковицы вырастали с футбольный мяч. Он не ел лука, потому что терпеть не мог эту вонючую гадость, но все равно постоянно сажал его и ухаживал за ним так же заботливо, как за другими овощами, — все-таки занятие, и потом ведь приятно же слышать знакомый звук лопаты, входящей в грунт...

Стрелка дернулась, замерла и упала. Если смотреть на нее часто и подолгу, то словно попадаешь под гипноз. Иногда у него появлялось сумасшедшее желание изменить привычный ход стрелки, нарушить код передачи и услышать что-то новое, отрадно-бессмысленное — пусть чаша выплеснет в изумленные звезды тарабарщину: «Дандас троп шентермпф. Бим-бам-бом! Дандас троп шентермпф. Бим-бам-бом!»

Так бывало уже не раз. Возможно, это повторится снова. Совсем недавно легкий крейсер чуть не врезался в одну из планет системы Волка, потому что тамошний маяк стал передавать что-то невразумительное. Безумие одного человека едва не стоило жизни двум тысячам пассажиров межпланетного лайнера. Если задуешь свечу, трудно не сбиться с пути во мраке.

Работа на маяке означала десять лет полного одиночества, очень высокое жалованье и гордое сознание, что делаешь важное для общества дело. Все это очень заманчиво, когда ты молод, легок на подъем и под ногами у тебя надежная твердь планеты Земля. Действительность оказывается жестокой, беспощадной и для многих невыносимой. Человек не может быть один.

— Вы с Гебридских островов? Превосходно! Нам требуется смотритель маяка на станцию Бунда-1, и вы — как раз тот человек, который нам нужен. Вам будет там гораздо легче, чем другим. Представьте, что вы очутились в полном одиночестве на острове Бенбекула: примерно то же самое ждет вас на Бунде. А городских жителей посылать туда бессмысленно: со всей своей технической подготовкой они там рано или поздно сходят с ума из-за одного только отсутствия фонарей. Уроженец Гебридских островов просто создан для Бунды. Человек ведь не тоскует о том, чего у него никогда не было, а на Бунде-1 вы увидите то, что вас всю жизнь окружало, — скалистые острова, морские просторы. Совсем как у вас на родине!

Совсем как на родине!

На родине...

Здесь — берег, который никогда не лизут волны, галька, пестрые ракушки, крошечные существа, похожие на крабов. Под водой сонно колышутся поля водорослей, стайками проплывают рыбы, совсем такие, как на Земле. Он не раз закидывал с берега удочку и ловил их, а потом снимал с крючка и кидал в море, на свободу, которой у него самого нет.

Здесь не встают из зеленой воды старые плиты каменного мола, не снуют по заливу озабоченно пыхтящие буксиры, никто не смолит баркасы на берегу, не чинит сети. Не катятся с грохотом бочки по булыжникам мостовой, краны не поднимают в воздух сверкающие глыбы льда, не выскакивает из полного трюма на палубу серебряная бьющаяся рыбина. И в воскресный вечер никто не думает о тех, кто в море.

Ученые Земли творят чудеса, когда перед ними ставят какую-нибудь техническую задачу. Например, главная станция Бунды-1 полуавтоматическая, ее восемь репитеров полностью автоматизированы, их питают атомные генераторы, рассчитанные на сто лет работы без подзарядки. Могучий голос станции летит в астральную бездну, к звездной пыли бесчисленных миров. Единственное, чего не хватало Бунде-1 для обеспечения стопроцентной надежности, было контрольное устройство, умное, энергичное и решительное, аварийный механизм, который превратил бы станцию в абсолютно самоуправляемую систему. Иными словами, нужен был человек.

Вот здесь-то ученые мужи и дали осечку. Нужен человек. Но ведь человек — не деталь, его нельзя рассчитать, обработать и соединить с другими деталями — пусть функционирует! Они поняли это с некоторым опозданием, после того как сошел с ума третий смотритель маяка и его пришлось увезти на Землю. Три случая психического расстройства на организацию, ведающую четырьмястами станциями на необитаемых планетах, — сравнительно немного,

меньше одного процента. Но три — на три единицы больше нуля, и никто не может дать гарантии, что число это не увеличится: кого-то безумие настигает скорее, кто-то противится ему дольше. И тогда ученые переменили тактику. Кандидатов стали подвергать беспощадным экспериментам, пропуская через жесточайшие испытания, в которых должны были сломиться слабые и закалиться сильные — те, кто годен для работы на маяках. Но скоро от проверки пришлось отказаться. Слишком нужны были люди, слишком немногих соблазняла должность смотрителя маяка, слишком многие выходили из игры во время проверки.

Ученые предлагали то один выход, то другой, но все их теории терпели крах.

Последним их изобретением была так называемая «ниточка к сердцу».

Человек, рассуждали они, дитя Земли, от его сердца к сердцу Земли должна тянуться ниточка. Пока эта ниточка существует, его разум ясен. Он проживет десять лет в одиночестве и ни разу не ощутит приступа тоски.

Но как найти эту ниточку к сердцу?

— *Cherchez la femme*, — заявил один из них, торжественно глядя на своих коллег поверх очков.

Стали обсуждать этот вариант и отклонили: воображению ученых представились самые ужасные последствия такого шага — от убийства до рождения младенцев. Кроме того, ради неслужебной единицы потребовалось бы удвоить запас продуктов, которые приходится доставлять на такое огромное расстояние.

Исключено!

Может быть, собака? Для многих планет, где собака сама сумеет найти себе пищу, это, пожалуй, хорошо. Но как быть с Бундой и другими планетами, подобными Бунде? Груз космических кораблей рассчитывается до грамма, и не пришло еще время развозить по просторам Вселенной корм для псов.

Первая «ниточка к сердцу» оказалась жалким механическим эрзацем, хотя и обладала одним бесспорным достоинством: она нарушила безмолвие, проклятием тяготеющее над Бундой. Корабль, привозящий раз в год запас продуктов, сбросил ему магнитофон и пятьдесят катушек с пленками. Два месяца он слушал звуки — не только музыку и человеческую речь, но и родные голоса Земли: рев пригородного шоссе у заставы в субботний вечер, грохот поездов, колокольный пересвон церквей, веселый шум школьного двора в перемену — слабое эхо жизни, которая идет где-то недостижимо далеко. Когда он в первый раз включил магнитофон, он был счастлив. Десятый раз навел на него скуку, двадцатый привел в отчаяние. Тридцатого раза не было.

Стрелка прибора прыгнула, задрожала и успокоилась. — Бунда-1. Бип-бип-боп!..

Магнитофон пылится в углу. Где-то там, за звездными туманностями, живут его братья, такие же одинокие, как и он. Они не слышат его, и он не слышит их. Они недосыпаемы, их миры движутся, вращаясь по своим орбитам, проходя назначенный им путь. А он сидит, глядя на стрелку, оглушенный противоестественной тишиной.

Восемь месяцев назад, если мерить мерой земного времени, ракета принесла ему доказательство того, что ученые мужи на Земле все еще порываются протянуть к его сердцу ниточку. В грузе, который сбросил на поверхность Бунды корабль, прежде чем кануть в пустоту, оказался небольшой ящичек и книжка. Освободив ящичек от маленького парашюта, он открыл крышку и увидел чудовище с выпученными глазами. Оно повернуло треугольную головку и впилося в него холодным неподвижным взглядом. Потом зашевелило длинными, нелепыми конечностями — хотело вылезти. Он поспешно захлопнул крышку и взял руководство.

Там говорилось, что его нового друга зовут Джейсон, это прирученный богомол, на редкость смиренное существо,

которое само будет находить себе пищу: когда ему на Земле в виде проверки предложили нескольких насекомых из фауны Бунды, он их с удовольствием съел. В заключение авторы руководства радостно сообщали, что во многих странах на Земле дети очень любят богомолы и играют с ними.

Значит, вот куда завели ученых упорные поиски: они решили, что ниточкой к сердцу должно быть живое существо, рожденное на Земле и способное жить в чужом мире. Но при этом они не учли одного: на чужбине человек тоскует о том, к чему он привык. Уж лучше бы они прислали ему кота! Правда, на Бунде нет молока, зато моря полны рыбой. Не то чтобы он любил кошек, но ведь коты умеют мяукать. Они мурлыкают и воют. А это ужасное существо в коробке не издает ни звука. Господи, ну кто из жителей Гебридских островов хоть раз в жизни видел богомола, это похожее на крошечного марсианина чудовище, какие преследуют тебя в кошмарном сне! Ему, во всяком случае, не приходилось, и он об этом ничуть не жалеет.

Он ни разу не взял Джейсона в руки, ни разу не выпустил его из ящика. Богомол стоял на своих длинных тонких ножках, следил за ним ледяным взглядом, зловеще поворачивал голову и молчал. В первый день он дал богомолу кузнечика, которого поймал среди липайников. Когда Джейсон оторвал своей жертве голову и стал ее пожирать, к его горлу подкатила тошнота. По ночам ему стал сниться гигантских размеров богомол, раскрывающий над ним хищную голодную пасть.

Через две недели он почувствовал, что больше не выдержит. Он отнес коробку за несколько миль от дома, открыл ее и выбросил богомола. Джейсон поглядел на него взглядом василиска и исчез в кустах. Теперь на Бунде было двое землян, но помочь друг другу они не могли.

— Бунда-1! Бип-бип-боп!..

Скачок, остановка в середине шкалы, падение... И ни слова привета от летящего в темноте корабля, ни звука во-

круг, только пятьдесят молчащих механических записей в углу. Чуждая, призрачная жизнь в чуждом, призрачном мире, который с каждым днем становится все более неправдоподобным.

Может, привести станцию в негодность и заняться починкой, чтобы создать хоть видимость работы, оправдывающей человеческое существование? Нет, за это заплатят жизнью тысячи людей там, среди звезд, — слишком дорогая цена за лекарство от скуки.

А можно, когда он отсидит возле приборов положенное время, пойти на север искать крошечного уродца и звать, звать его, надеясь, что он никогда не прибежит на крик:

— Джейсон! Джейсо-о-он!..

Где-нибудь в расщелине, среди камней, повернется острая треугольная головка с огромными завораживающими глазами. Если бы Джейсон хоть умел трещать, как цикада, он, может быть, смирился бы с ним, даже привязался к нему, зная, что это смешное стрекотание — богомолий язык. Но Джейсон молчал так же враждебно и непроницаемо, как замкнутый, настороженный мир Бунды.

Он поверил передатчик и автоматы восьми рывкающих в пустоту репитеров, лег в постель и в тысячный раз стал думать, выдержит он эти десять лет или сойдет с ума.

Если он сойдет с ума, врачи вцепятся в него и станут мудрить, попытаются найти причину болезни и лекарство от нее. Они хитрые, ох, какие хитрые! Но где-то их хваленая хитрость оказывается бессильной...

Он заснул тяжелым, мучительным сном.

То, что сначала принимаешь за глупость, иной раз обрачивается неторопливой мудростью. Самую сложную проблему можно решить, если раздумывать над ней неделю, месяц, год, десять лет, хотя ответ нам, может быть, нужен сегодня, сейчас, немедленно. Настал черед и того, что называли «ниточкой к сердцу».

Грузовой корабль «Хендерсон» вынырнул из звездных

россыпей, стал расти, увеличиваться, загудели включившиеся антигравитаторы, и он повис над главным передатчиком на высоте двух тысяч футов. На посадку и взлет ему не хватило бы горючего, поэтому он просто остановился на минуту, сбросил то, что было результатом последнего достижения ученых, протягивающих ниточку к сердцу, и снова взмыл в черный провал. Груз полетел в окутывающую Бунду темноту вихрем больших серых снежинок...

Он проснулся на рассвете, не зная о ночном госте. Ракету, завозящую ему раз в год продукты, он ждал только через четыре месяца. Он взглянул ослепшими со сна глазами на часы у кровати, наморщил лоб, пытаясь понять, что разбудило его так рано. Какая-то смутная тень вползла в его сон.

Что это было?

Звук... Звук!

Он сел, прислушался. Снова звук, приглушенный расстоянием и толщей стен, похожий на крик бездомного котенка... на горький детский плач...

Нет, слышалось. Видно, он уже начал сходить с ума. Четыре года он продержался, остальные шесть придется коротать здесь тому добровольному узнику, который займет его место. Он слышит звуки, которых нет; это верный признак душевного расстройства.

Но звук прилетел снова.

Он встал, оделся, подошел к зеркалу. Нет, лицо, которое глянуло на него оттуда, нельзя назвать лицом маньяка: оно взволнованное, осунувшееся, но не тупое, не искажено безумием.

Опять заплакал ребенок.

Он пошел в аппаратную, поглядел на пульт. Стрелка все так же методично дергалась, застывала на секунду и падала.

— Бунда-1! Бип-бип-боп!..

Здесь все в порядке. Он вернулся в спальню и стал напряженно слушать. Что-то... кто-то рыдал в рассветных

сумерках над беззвучно поднимающейся водой. Что это, что?

Отмокнув запор непослушными пальцами, он толкнул дверь и встал на пороге, дрожа. Звук кинулся к нему, налетел, прильнул, хлынул в сердце. Он задохнулся. С трудом оторвавшись наконец от косяка, он бросился в кладовую и припался совать в карманы печенье.

В дверях он упал, но не почувствовал боли, вскочил и побежал, не разбирая дороги, не замечая, что всхлипывает от счастья, туда, где белела галька прибрежной полосы. У самой кромки воды, лениво наползающей на камни, он остановился, широко раскинув руки, с сияющими глазами, и чайки, сотни чаек закружились, заметались над ним. Они выхватывали протянутое им печенье, суетились у его ног на песке, шумели крыльями, пронзительно кричали...

В их крике он слышал песню пустынных островов, гимн вечного моря, дикую ликующую мелодию — голос родной Земли.

Он широко распахнул литые чугунные дверцы, всмотрелся в открывшееся огнеупорное чрево печи и вздохнул полной грудью. Словно глядишь в машинный отсек космического корабля. Тут, за дверцами, должны быть пламя и грохот, а по другую сторону огня — звезды. Пол под ногами сотрясается. На куртке у него — серебряные пуговицы, на воротнике и погонах — маленькие серебряные кометы.

— Ну вот, — рявкнуло над ухом. — Опять ты как открыл дверцы, так сразу и остолбенел. Что же такого необыкновенного в этой печи?

Куртка с серебряными пуговицами и кометами исчезла, остался лишь замасленный белый халат. Пол под ногами больше не сотрясался, только скрипели половицы. Звезды погасли, точно их никогда и не было.

— Ничего, мосье Трабо.

— Тогда внимание! Разведи огонь, как тебя учили.

— Сейчас, мосье Трабо.

Он взял охапку душистых сосновых веток, сунул их в печь и длинной железной кочергой затолкал поглубже. Потом подобрал с пола десяток маленьких, клейких от смолы сосновых шишек и по одной закинул туда же, в самую середину. И задумчиво оглядел дело рук своих. Ракета, заряженная сосновыми иголками и шишками. Вот глупость-то!

— Жюлы!

— Сейчас, мосье Трабо.

Он стал поспешно хватать сосновые ветки, сучки и крохотные поленца и засовывать их в печь, пока она не наполнилась до отказа. Ну вот, все готово.

Теперь, чтобы взлететь, кораблю нужна одна только искра. Кто-то на самом верху должен зорко следить, раз-

бежалась ли вся наземная команда, не попадет ли кто под пламя, которое сейчас вырвется из дюз. Вот искусная многоопытная рука чуть тронула пурпурную кнопку. И сразу где-то под ногами рев, яростное содрогание и подъем, сначала медленный, потом быстрее, быстрее, быстрее...

— Вот горе-то! Опять он словно окаменел! И за что только судьба послала мне такого разиню!

Трабо рванулся мимо него к печи, сунул в нее пылающий бумажный жгут и захлопнул дверцы. Потом обернулся к своему помощнику, грозно сдвинул косматые черные брови.

— Жюль Риу, тебе уже шестнадцать. Так?

— Да, мосье Трабо.

— Значит, ты уже достаточно взрослый и должен понимать: для того чтобы хлеб испекся, в этом пекле должно быть по-настоящему жарко. А для этого нужен огонь. А для того, чтобы был огонь, его нужно зажечь. Верно я говорю?

— Да, мосье Трабо, — пристыженно согласился он.

— Так почему же ты заставляешь меня повторять тебе все это тысячу раз подряд?

— Я болван, мосье Трабо.

— Если бы ты был просто болван, все было бы понятно и я бы тебя простил. Господь бог для того и создает дураков, чтобы людям было кого жалеть.

Трабо уселся на доверху набитый, припорошенный мукой мешок, волосатой рукой притянул к себе мальчика и доверительно продолжал:

— Твои мысли блуждают, как отвергнутый влюбленный где-то в чужой стороне. Скажи мне, дружок, кто она?

— Она?

— Ну да, эта девушка, это божественное создание, которое тебе заморочило голову.

— Никакой девушки нет.

— Нет? — Трабо искренне изумился. — Ты томишься, страдаешь, и здесь не замешана девушка?

— Нет, мосье.

— Так о чем же ты мечтаешь?

— О звездах, мосье.

— Сто тысяч чертей! — Трабо беспомощно развел руками и с немой мольбой уставился в потолок. — Подмастерье пекаря. И о чем же он мечтает? О звездах!

— Я ничего не могу с собой поделывать, мосье.

— Ясно, не можешь. Тебе всего шестнадцать. — Трабо выразительно пожал плечами. — Я задам тебе два вопроса: как жить людям, если никто не станет печь хлеб, и как лететь к звездам, если на свете не станет людей?

— Не знаю, мосье.

— Среди звезд летают космические корабли, — продолжал Трабо. — А почему? Да только потому, что на Земле есть жизнь. — Он наклонился и поднял длинный-предлинный отлично выпеченный хлеб с золотистой корочкой. — А жизнь поддерживает вот это!

— Да, мосье.

— Думаешь, мне бы не хотелось постранствовать среди звезд? — спросил Трабо.

— Вам, мосье? — Жюль вытаращил на него глаза.

— Разумеется. Но я уже старый и седой и по своей части тоже прославился. Много есть такого, чего я делать не умею и никогда уже не научусь. Но я стал мастером: я пеку прекрасный хлеб.

— Да, мосье.

— И не забудь, — Трабо выразительно погрозил пальцем, — это не какая-нибудь размазня машинного замеса в безансонской электрической пекарне. Нет, это самый настоящий хлеб, на совесть приготовленный живыми человеческими руками. И я пеку его старательно, пеку с любовью — вот в чем секрет. В каждую выпечку я вкладываю частицу своей души. Вот потому-то я и мастер. Тебе понятно?

— Понятно, мосье.

— Так вот, Жюль: люди приходят сюда не просто купить хлеба. Конечно, на вывеске над моим окном сказано: «Пьер Трабо, булочник». Но это всего лишь подобающая скромность. Ведь что отличает мастера? Скромности!

— Да, мосье Трабо.

— Только я открою печь, по всей улице пойдет дух горячего хлеба — и уже со всех сторон ко мне спешат люди со своими корзинками. А знаешь почему, Жюль? Потому, что у них отличный вкус и их просто тошнит от этих сырых кирпичей, которые выдает электрическая пекарня. И они приходят сюда покупать плоды моего искусства. Верно я говорю?

— Да, мосье.

— Тогда будь доволен: в свой срок и ты станешь мастером. А пока забудем о звездах: они не про нас с тобой.

Тут Трабо поднялся с мешка и стал посыпать цинковый стол тонким слоем муки.

Жюль молча глядел на дверцы печи; там внутри что-то гудело, трещало, шипело. Запах горячей сосны наполнил пекарню и заструился по улице. Через некоторое время Жюль открыл дверцы, и в лицо ему пахнуло жаром, яростным и удушающим, как пламя, что вырывается из ракеты.

Небо, небо, я пройду из края в край, я пройду из края в край небо, небо...

Блеснув моноклем, полковник Пине перегнулся через прилавок и ткнул пальцем в наполовину скрытый противень.

— И, пожалуйста, один такой.

— Эти хлебцы не продаются, господин полковник, — объявил Трабо.

— Почему же?

— Это все промахи Жюля: еще минута — и они превратились бы в уголья. Я продаю только настоящий товар. Кому охота есть уголья?

— Мне, — сообщил Пине. — Тут мы с женой никак не сойдемся во вкусах. Вечно у нее недожарено и недопечено. Хоть бы раз в жизни полакомиться чем-нибудь эдаким, пропеченным до хруста! Так что уж позвольте мне насладиться одним из промахов Жюля.

— Но, мосье...

— И не спорьте!

— Мадам ни за что не примет такой ужасный хлеб.

— У мадам свидание с парикмахером, и она доверила мне все покупки, — объяснил полковник. — И уж тут я распорядюсь, как мне хочется. Поймите же, дорогой Трабо, не могу я упустить такой случай! Так что же, будете ли вы так любезны и продадите мне этот аппетитный уголек, или мне придется пойти в электрическую пекарню?

Трабо вздрогнул, как от боли, насушился, выбрал на противне наименее подгоревший хлеб, старательно завернул его, чтобы спрятать от нескромных взоров, и неловко подал полковнику.

— Помилуй бог, этот Жюль добыл мне одного покупателя, но сто других я наверняка из-за него потеряю.

— Он вас огорчает? — осведомился Пине.

— С ним одно мучение, господин полковник. Ни на минуту нельзя спускать с него глаз. Только повернусь к нему спиной, вот так, — Трабо показал, как именно, — и на тебе! Он уже забыл про свою работу и витает где-то среди звезд, как сорвавшийся с нитки воздушный шарик.

— Среди звезд, говорите?

— Да, господин полковник. Мой Жюль — покоритель космоса и прикован к Земле одним лишь неблагоприятным стечением обстоятельств. И из такого теста я должен сделать пекаря!

— Какие же это обстоятельства?

— Мать ему сказала: «В пекарню Трабо нужен подмастерье. Лучшего случая у тебя не будет. Бросай школу, станешь пекарем». И он пришел ко мне, Понимаете, маль-

чик-то он послушный, только редкий час не витает в облаках.

— Ох, уж эти матери... — сказал Пине. Он протер свой монокль и опять вставил его в глаз. — Моя матушка желала, чтобы я стал собачьим парикмахером. Она говорила, что это очень благородное занятие и к тому же доходное. У ее светских приятельниц с пуделями да болонками я, конечно, буду нарасхват! — Его длинные гибкие пальцы словно стригли и завивали воображаемую шерсть, а на лице выразилось отвращение. — И я спросил себя: что же я такое, если соглашусь делать педикюр собакам? Завербовался в Космический корпус, и меня послали служить на Марс. Когда моя матушка об этом узнала, ее чуть не хватил удар.

— Еще бы, — сочувственно вставил Трабо.

— А сегодня она гордится, что ее сын офицер и на погонах у него четыре кометы. Матери все таковы. Полное отсутствие логики.

— Пожалуй, это даже к лучшему, — заметил Трабо. — А иначе некоторые из нас никогда бы и не родились на свет.

— Покажите-ка мне этого звездного мечтателя, — приказал Пине.

— Жюль! — завопил Трабо, обернувшись к пекарне и приставив ладони рупором ко рту. — Жюль, поди сюда! Никакого ответа.

— Видите? — Трабо беспомощно развел руками. — Просто не знаю, что и делать. — Он пошел в пекарню, и оттуда донесся его громкий, нетерпеливый голос: — Я тебя звал. Почему ты не откликаешься? Господин полковник желает сейчас же тебя видеть. Пригладь волосы да потопрапливайся.

Появился Жюль. Шел он нехотя, нога за ногу, волосы и руки в муке. Ясные серые глаза его смотрели прямо и открыто и не опустились под испытующим взглядом полковника.

— Итак, ты тоскуешь по звездам, — сказал Пине, с интересом разглядывая юношу. — Почему бы это?

— Почему человеку чего-нибудь хочется? — отвечал Жюль и недоуменно пожал плечами. — Наверно, так уж я создан.

— Прекрасный ответ, — одобрил Пине. — Так уж человек создан. Тысячи людей ежечасно вверяют свою жизнь одному-единственному пилоту. И ничего плохого с ними не случается. А почему? Да потому, что так уж он создан — пилотом. — Полковник медленно оглядел Жюля с ног до головы. — И, однако, ты печешь хлеб.

— Должен же кто-то и хлеб печь, — вмешался Трабо. — Не всем же летать к звездам.

— Молчать! — приказал Пине. — Вы вступаете в разговор с женщиной, чтобы убить душу живую, — значит, вы убийца. Впрочем, этого следовало ожидать. Ведь вы уроженец берегов Роны, а там убийц полным-полно.

— Господин полковник, я оскорблен...

— Хочешь ты и впредь служить этому убийце? — спросил полковник, обращаясь к Жюлю.

— Мосье Трабо был так добр ко мне. Вы меня простите...

— Еще бы ему не быть добрым, — прервал Пине. — Он хитрец. Все Трабо всегда были хитрые. — Он весело подмигнул пекарю. Жюль это заметил, и у него сразу стало легче на душе. — Но от всех новобранцев непременно требуется одно, — продолжал полковник уже более серьезным тоном. — Попробуй догадаться, что именно.

— Сообразительность, господин полковник? — рискнул Жюль.

— Да, конечно, но одной сообразительности мало. Требуется, чтобы новобранец всем своим существом рвался в космос.

— Да ведь так и во всем, — опять вмешался Трабо. — Если любишь свое дело, работаешь старательнее и лучше. Вот взять хоть меня: если бы мне было все едино, что хлеб,

что не хлеб, я бы, верно, жевал сейчас табак в электрической пекарне и рук бы никогда не мыл.

— Каждый год в Космический колледж поступают десять тысяч юношей, — сказал Пине Жюлю. — И более восьми тысяч его не заканчивают. У них не хватает порогу выдержать четыре года упорного труда и сосредоточить все помыслы и все силы души на одном. Так что многие бросают его на полпути. Стыд и срам! Ты согласен?

— Да, господин полковник, стыд и срам, — подтвердил Жюль, сдвинув брови.

— Ха! — сказал Пине, очень довольный. — В таком случае давай лишим этого кровопийцу Трабо его добычи. Мы найдем ему другого парня, созданного для того, чтобы стать пекарем.

— Но, мосье...

— Я дам тебе рекомендацию в Космический колледж и взамен прошу тебя только об одном.

У Жюля перехватило дыхание.

— О, господин полковник! О чем же?

— Всегда будь таким, чтобы мне не было за тебя стыдно!

Он сидел у себя в кабине, глаза его ввалились и покраснели от усталости, а «Призрак» стремительно прорезал пространство. За двадцать напряженных, мучительных лет он выстроил целую лестницу и ступень за ступенью поднялся до чина капитана. Теперь он славился как один из самых знающих и добросовестных командиров Космической службы. И все это неизбежно покоилось на одной заповеди, которая поддерживала его в самые тяжкие минуты:

**«ВСЕГДА БУДЬ ТАКИМ, ЧТОБЫ МНЕ НЕ БЫЛО
ЗА ТЕБЯ СТЫДНО!»**

Его мать и полковник Пине давно умерли, но до последнего своего часа они им гордились: ведь он стал капитаном.

Он был штурманом, вторым пилотом, потом первым, и место его было на носу корабля, как он всегда мечтал, и он действительно погружался в необъятный звездный мир, который так любил. Размеренно чередовались часы, отведенные на сон, отдых и работу, и, когда он работал, его постоянно переполнял неослабевающий восторг перед тем, что ему доводилось видеть, наблюдать, изучать.

А теперь он променял все это на добровольное заключение в недрах корабля и вокруг уже ничего не было — одни лишь тусклые стены из сплава титана да стол, заваленный бумагами.

Всякую минуту бодрствования, всякую минуту отдыха, а нередко и отрываясь от сна, он отвечал на вопросы, принимал решения, делал записи в специальных книгах, заполнял тысячи деловых бланков. Как говорится, одна сплошная писанина...

Через час после ужина:

— Прошу прощения, капитан. Этот толстяк из Дюсельдорфа опять напился до зеленых чертиков. Ударил стюарда, который попытался его урезонить. Прошу разрешения запереть его на гауптвахте.

— Разрешаю.

Или среди беспокойного, чуткого сна кто-то решительно трясет его за плечо:

— Прошу прощения, капитан. У десятой и одиннадцатой дюз треснула прокладка. Прошу разрешения отключить энергию на два часа, пока будет производиться ремонт.

— Разрешаю. Пускай дежурный штурман сообщит мне о координатах, как только вы сможете продолжать полет.

Два часа спустя снова трясут за плечо:

— Прошу извинить за беспокойство, капитан. Ремонт окончен. Вот наши координаты.

Вопросы.

Заполнение бланков.

Прошьбы, доклады, требования, происшествия, реше-

ния, ответы, распоряжения, приказы. Ни минуты покоя.

И опять бумаги.

— Прошу прощения капитан. Двое пассажиров, Уильям Арчер и Мэрион Уайт, желают вступить в брак. Когда вам будет удобно совершить обряд?

— Медицинское освидетельствование прошли?

— Да, капитан.

— Кольцо у жениха есть?

— Нет, капитан.

— Выясните точный размер и выдайте ему кольцо из корабельных запасов по обычной цене — двадцать долларов.

— А когда будет обряд, капитан?

— В четыре склянки. Сообщите мне, подходит ли им это время.

И опять бумаги. Два свидетельства о рождении и их копии, два удостоверения об эмиграции, два медицинских свидетельства, два разрешения на въезд. Свидетельства о браке в трех экземплярах — для правительства Земли, для правительства Сириуса и для Учетного отдела Управления космической службы. И один оригинальный экземпляр для новобрачной.

И так без конца, все дела, какие только можно вообразить, крупные и мелкие, в любое время дня и ночи, без всякой передышки. Когда корабль после долгого полета наконец приземлялся, один лишь капитан спускался вниз по трапу неверными шагами, голова у него кружилась от постоянного нервного напряжения и недосыпания, и это никого не удивляло, словно так и надо. Временами его одолевало искушение подать рапорт с просьбой понизить его в чине, но ведь

**«ВСЕГДА БУДЬ ТАКИМ, ЧТОБЫ МНЕ НЕ БЫЛО
ЗА ТЕБЯ СТЫДНО!»**

«Призрак» совершил посадку в Баталбаре, на планете Дейсед системы Сириуса. Полет продолжался двести восемьдесят пять земных суток.

Когда были закончены все формальности, связанные с посадкой, капитан Жюль Риу сошел с корабля и как в тумане побрел к гостинице мамыши Кречмер. Так было заведено, и так советовали поступать самые лучшие психологи.

Командиру корабля необходим глубокий освежающий сон, притом сон долгий и непрерывный. Но прежде всего ему нужно начисто избавиться от всяких мыслей о корабле, о полете и обо всем, что с этим связано. Он должен настроиться так, чтобы уснуть безмятежным младенческим сном и проспать по крайней мере сутки. Для этого надо первым делом выкинуть из головы все недавние заботы и укрыться в своем собственном уголке рая небесного.

Мамаша Кречмер, полногрудая хозяйка гостиницы родом из Баварии, дружески кивнула ему.

— Герр капитан Риу. Я ошпен рат. Подать фам фсе, как обышно?

— Да, пожалуйста, мадам Кречмер.

Он прошел в комнату за баром. В ресторане, большом, многолюдном и шумном, сидели командиры кораблей, которые приземлились уже несколько дней назад и успели совсем оправиться от полета. А комнатка позади была звуконепроницаемой, в заваленных подушками шезлонгах распростерлись в полузабытьи еще трое таких же, как он, капитанов. Он с ними не заговорил. И они с ним не поздоровались, видно, даже не заметили его прихода. Они уже стучались в двери рая.

Скоро мамаша Кречмер принесла ему стакан чистого крепкого рома, слегка подогретого и сдобренного несколькими каплями коричневого масла. Жюль Риу откинулся в шезлонге, устроился поудобнее и предался долгожданному покою.

От приправленного пряностями рома внутри разливалось тепло и чуть кружилась голова. Тишина сомкнула ему веки. Медленно, очень медленно он отдалился от своей непомерной усталости и вступил в тот, другой мир.

Широколицые румяные крестьянки в кружевных чепцах, в руках корзинки. Длинные железные противни скользят по душистой сосновой золе и выплывают из печи, нагруженные хлебами — длинными, плоскими, фигурными, плетеными.

Звонкое щебетание женских голосов, перебирающих все деревенские новости, и непередаваемый аромат догорающих смолистых ветвей и свежееиспеченного хлеба,

Небо, небо...

Те двое не знали, что Дженсен стоит за дверью. Приди им хоть на минуту в голову, что там, в темноте, кто-то подслушивает их, пытаясь не упустить ни единого слова, они немедленно приняли бы эффективные меры. Но они ни о чем не подозревали. Дженсен подкрался к двери неслышным шагом, скользя как тень, и лишь легкое дуновение выдыхаемого им воздуха выдавало его присутствие. Вот почему они вели разговор, вернее спор, во весь голос, в минуту несогласия переходя на крик.

В глубоком мраке коридора Дженсен прижался ухом к тонкой, не более дюйма толщиной, щели, сквозь которую пробивалась полоска света. И хотя он весь обратился в слух, пронзительный взгляд его налитых кровью глаз был устремлен туда, откуда он пришел. В доме царила полнейшая тишина, но он был начеку: а вдруг (кто знает?) в коридоре появится человек, слуга например, с такой же кошачьей походкой, как у него самого. Нельзя, чтобы его схватили, ни в коем случае нельзя позволить опять заграбастать себя. Этот псих Хаммел убил стражника, когда они бежали, и хотя сам он, Дженсен, не стрелял, все равно его сочтут соучастником. Впрочем это не играло большой роли. Он и так получил вышку за убийство, а казнить человека можно только раз. Но он не вернется в камеру смертников — никогда! Котелок у него варит, а парни, у которых варит котелок, на виселицу не попадают.

Жестокая, холодная решимость светилась в его глазах, с угрозой сверливших темноту, в то время как он прислушивался к тому, что происходило в комнате.

Сейчас говорил тучный мужчина средних лет. Он пытался что-то втолковать похожему на дистрофика типу с седыми волосами, который никак не хотел понять самое

простые вещи. Предметом спора была машина. Толстяка звали Бленкинсоп. Обращаясь ко второму, он именовал его то Уэйном, то доктором. Машина, которую Дженсен с трудом разглядел сквозь дверную щель, представляла собой странного вида отполированный предмет, слегка напоминавший панель компьютера, увенчанную феном для просушки волос. Она была укреплена на высокой спинке кресла, и толстый кабель, отходивший от него, был включен в электрическую сеть.

— Хорошо, Уэйп, — лениво протянул Бленкинсоп. — Допустим, я согласен с вашим утверждением, что жизненная сила — это всепроникающая радиация, которую можно направлять и усиливать. Я готов даже принять на веру ваше заявление, что это приспособление способно излучать жизненные лучи с такой же легкостью, с какой кварцевая лампа излучает полезное человеку тепло. — Он похлопал себя по огромному животу и затаился дымом так, что на месте его жирных щек образовались две впадины. — Ну, а дальше что?

— Я который раз объясняю вам, — пожаловался Уэйп, — что огромное увеличение духовной энергии способствует высвобождению человеческой души.

— Знаю, знаю, — одной затяжкой Бленкинсоп сжег полдюйма своей сигары и сбросил пепел на машину. — Довольно я наслышался басен, их любят рассказывать мистики: всякие там раджи, хамы, ламы, свамы и бог знает кто еще. С одним таким я был даже знаком. Называл себя Рай Свами Алажар. Утверждал, что может освободить свое астральное тело и взмыть в небо подобно реактивному самолету. Сквернословил отчаянно. Настоящее его имя было Джо О'Хэнлон. — Бленкинсоп осклабил, отчего у него сразу выросло четыре подбородка. — Впрочем, полагаю, что с прибором, изобретенным таким великим ученым, как вы, можно выкинуть фокус и похлеще.

— Я гарантирую успех, — воскликнул Уэйп.

— Не горячитесь, — посоветовал Бленкинсоп. — Я го-

тов принять ваш прибор без всяких испытаний. — Он небрежно взмахнул жирной рукой. Огромный бриллиант на среднем пальце брызнул снопом искр, вызвавшим ответный блеск в глазах стоящего за дверью человека. — Я вам верю. Я простой, честный труженик, я лишь эксплуатирую чужой мозг. Моя компания делает ставку на вашу способность создавать вещи, достойные ее финансовой поддержки. Но вы должны понимать, что могут существовать и другие точки зрения на этот вопрос.

— Меня они мало интересуют, — сказал Уэйп, — мне не раз приходилось иметь дело с вашей фирмой...

— К обоюдной выгоде, — заметил Бленкинсон. — Что касается меня, я готов считать эту штуку очередным детищем вашего таланта. Я принимаю ваши заверения в том, что она способна выполнить обещанное. Но я учитываю и тот факт, что она мне уже стоила кучу денег и будет стоить еще больше, если я запущу ее в производство. И я задаю себе вопрос: способна ли она принести мне прибыль, хотя бы самую скромную? — Он перевел оценивающий взгляд с Уэйна на прибор и снова на Уэйна. — Да или нет?

— Деньги, деньги, деньги, — воскликнул Уэйн с гримасой отвращения. — Неужели научный прогресс оценивается лишь с точки зрения дохода, который он способен принести?

— Да!

— Но моя машина поможет человеку высвободить свою душу — свое «я»! Какие необыкновенные возможности откроются перед людьми!

— А кому нужно освобождать свое «я»? Кто захочет платить за это и сколько? Черт побери, в наши дни, когда всякий дурак может купить билет на самолет, кому понадобится автоматический транспортер душ? Когда мне хочется навестить Мейзи на юге Франции, я отправляюсь туда лично — во плоти и крови. Какой мне смысл посылать туда мое астральное тело? Вряд ли она получит удовольствие, обнимая дух,

— Вы забываете, что при облучении происходит такой громадный рост жизненной энергии, — с горячностью запротестовал Уэйн, — что душа человека способна покинуть свою телесную оболочку и переселиться в другое тело — по своему выбору, — навсегда вытеснив прежнего владельца, при условии, конечно, что тот не прошел соответствующей обработки, которая придала бы ему равную или даже бóльшую силу.

— В своде законов, как мне помнится, это называется похищением трупов, — уточнил Бленкинсоп, улыбнувшись одной из своих грязных улыбок. — В свое время вы изобрели несколько превосходных вещей, мой милый, но на этот раз вы явно перемудрили. Мне не получить и двух с половиной процентов за механического похитителя трупов, так что лично меня эта штука не интересует.

— У вас какой-то иррациональный подход к делу, — запротестовал Уэйн. — Я ведь имею в виду лишь легальный обмен телами.

— Легальный? — Развеселившийся Бленкинсоп чуть не подавился сигарным дымом. — Чьи это тела могут подлежать легальной конфискации? И ради чьей выгоды? — Он ткнул жирным пальцем в грудь Уэйна. — Кто будет платить за переселение и кто будет получать эти деньги? И при чем тут буду я?

Глядя на него с нескрываемым презрением, Уэйн сдержанно пояснил:

— В прошлый четверг умер Коллистер. Это был крупнейший в мире специалист по раковым заболеваниям. В тот же день был казнен Бэт Мэлони — преступник. Мозг Коллистера оставался активным до конца, в то время как тело было изношено долгими годами служения человечеству. Душа Мэлони представляла собой неизлечимо извращенное, антисоциальное «я», заключенное в грубое, но сильное и здоровое тело.

— Понимаю, — согласился Бленкинсоп. Он протянул руку за своей шляпой. — Будь ваша воля, вы бы засу-

нули Коллистера в каркас Мэлони. Не стану обсуждать научную сторону этого эксперимента, так как верю, что вам бы он удался. Но я неплохо разбираюсь в законах. Моя жизнь протекала не в лаборатории, в окружении приборов и машин, а в нашем грешном и жестоком мире. Примите совет жалкого реалиста: вам не найти такого закона, который дал бы вам право на подобные фокусы, даже если бы вы агитировали за их гуманность до самого страшного суда.

— Но...

— Пора вам и повзрослеть наконец, — нетерпеливо перебил его Бленкинсон. — С вашим идеализмом вам место разве только в детской. Я не могу выпустить на рынок воздушный замок, мне не дадут за него и стоимости пачки сигарет.

Пухлая рука протянулась к ручке двери, и человек, стоящий по ту сторону ее, отпрянул в темноту.

— Советую вам лучше поломать голову над вашим стереоскопическим телевизором. На нем можно крупно зарабатывать. Публика хочет этого, а кто мы такие, чтобы отказывать массе в ее желаниях? Что касается вашей бредовой машины, то если вы предложите мне еще что-нибудь в этом роде, я просто умру со смеху.

И, смеясь, он вышел из комнаты.

И умер.

Дженсен заметил Уэйну:

— Силенок у тебя — кот заплакал, но сразу видно — ты старик башковитый и котелок у тебя варит.

Он внимательно оглядел ученого и увидел, что утомленные глаза старика светились внутренним огнем и одержимостью. Этот седовласый ффраер — крепкий орешек, решил Дженсен. В нем чувствуется душевная твердость, которую нельзя не уважать. Старик поймет, конечно, что сопротивление бессмысленно, он не сделает попытки при-

менять силу. Но он будет думать, думать, думать... Нужно быть начеку, а то, чего доброго, тебя могут и перехитрить.

— Для вашего и моего блага, — предупредил он Уэйна, — вам следует кое-что знать: во-первых, я вчера смылся из камеры смертников. И возвращаться туда не намерен. — Он ткнул Уэйна в плечо. — Никогда!

— Я так и подумал, что вы преступник, — сказал Уэйн.

Он перевел взгляд с веревок, опутывавших его тело, на блестящую поверхность аппарата, а затем на стоявшего перед ним человека с жесткими чертами лица. — Ваша фотография была помещена в утренних газетах рядом с фото ваших сообщников.

— Ага, это были я, Хаммел, Жюль и Краст. Мы скрылись в разных направлениях. Я не буду скучать о них, даже если никогда их больше не увижу.

— В газетах было написано, что вас зовут Генри Мейнелл Дженсен, что вы опасный преступник, убивший двух человек.

— Сейчас уже трех — я пришел и того толстяка.

— А, Бленкинсопа — вы убили его?

— Да, заткнул ему глотку навечно. Это было совсем нетрудно.

Уэйн молча обдумывал что-то. Наконец он сказал:

— Вы понесете за это наказание.

— Ха, — вскричал Дженсен, наклоняясь вперед, — послушайте, вы, доктор или профессор, как вас там, я все слышал о вашем гениальном изобретении. Толстяк был не дурак, он готов был поверить, что оно и в самом деле работает так, как вы говорите. Я-то с самого начала знал, что вы не врете. Это просто блеск! Вы же можете стать моей крестной матерью.

— Каким образом?

— Поможете приобрести новое облачение для моей души.

— Прежде я увижу вас у черта в преисподней.

— Ну, ну, папаша, не стоит кипятиться. Положение у

тебя не блестящее, так что не советую лезть в бутылку по пустякам! — Он проверил веревки, которыми ноги его жертвы были привязаны к стулу. — Легавым нужно мое тело, только тело — и ничего больше. Им хотелось бы увидеть, как оно будет болтаться на перекладине. Ну что ж, они его и получают — лицо, отпечатки пальцев и прочие предметы. Вы — единственный человек на свете, у которого хватит мозгов осчастливить всех — дать им то, о чем они мечтают, и помочь мне заполучить то, в чем нуждаюсь я. Мне ведь ничего не нужно, кроме приличного, не сильно поношенного тела, к которому полиция не проявляет никакого интереса. Как приятно делать людей счастливыми!

— Оставайтесь в том теле, которое при вас, — сказал Уэйн. — Я стар и не боюсь умереть. Можете добавить еще одно преступление к тому грузу, который лежит на вашей совести, если только она у вас осталась, но вы все равно ничего не добьетесь.

— Послушай, папаша, — процедил Дженсен; глаза у него стали ледяными. — Можешь упрямитесь, сколько душе угодно, меня этим не разжалобишь. В те времена, когда я был идиотом и верил в честный труд, я закончил курсы электриков. Если я рано или поздно не разберусь в твоей машине, тогда меня действительно следует повесить.

— Что вы этим хотите сказать?

— А то, что я украду какого-нибудь ребенка у любящих родителей и попробую на нем: сработает прибор — отлично! Нет — ну что ж, мало ли подопытных кроликов играет в песочек по дворам. Мне могут понадобиться двое, трое, десять ребятшек, но рано или поздно я добьюсь своего. Так что выбирай — твоя жизнь или их?

— Вы не посмеете экспериментировать на детях.

— Не посмею? Папаша, милый, я все посмею. Мне ведь терять нечего. Они не смогут повесить меня десять раз; как им, наверное, хотелось бы. Им не удастся сделать этого ни разу — уж я об этом позабочусь. Но и в бегах прожить всю жизнь я не собираюсь. У меня найдется занятие поинте-

ресней, чем прятаться от легавых. Можешь мне поверить — я на все пойду, чтобы избавиться от шпигов раз и навсегда.

Вперив взгляд в стоящего перед ним человека, Уэйн обдумывал услышанное. Он еще ни разу не пробовал свою машину на человеке, но знал, что она будет работать так, как он предсказал. Он был уверен в том, что определенные условия должны дать заранее предсказанный эффект. Однако при мысли, что ему придется испытать ее, подчинившись воле этого самонадеянного негодяя, мурашки буквально поползли у него по телу. Нужно вступить с ним в спор и попытаться выиграть время — прямой отназ явно не принесет никакой пользы и может стоить жизни десятку невинных людей.

— Я помогу вам в пределах моих возможностей и насколько позволяет мне моя совесть, — произнес он наконец.

— Вот теперь ты дело говоришь, — одобрил его Дженсен. Он выпрямился и с высоты своего роста взирал на связанного человека. — Веди со мной честную игру, и я буду играть честно. Мы оба от этого не останемся в накладе. Но ради бога, не пытайся перехитрить меня. — Он бросил на Уэйна холодный взгляд злодея из дешевой мелодрамы. — Твой автомобиль в гараже. Я его приметил, когда осматривал эту халupu. Мы прихватим машину с собой и отвезем в один укромный уголок. Когда она сделает свое дело и я стану не тем, кем был раньше, я разобью ее, а тебя отпущу. — Так как его слушатель не промолвил ни слова, Дженсен продолжал: — Мне необходим костюм приличней, эту хламиду я прихватил на какой-то ферме. — Он мерзко хихикнул. — Но чего это я беспокоюсь: я ведь получу не только каркас, но и то, что его прикрывает!

Уэйн по-прежнему не издал ни звука. Сидя на стуле со связанными и прикрученными к коленям кистями рук и спутанными веревкой ногами, он неотступно наблюдал за

Дженсеном. Седые волосы старика серебрились в холодном свете ламп.

Между тем Дженсен приблизился к креслу, на спинке которого был укреплен сверкавший полировкой аппарат.

— Напоминает мне кресло, на которое сажают смертников. Янки называют его креслом забвения. Смешно, правда? Что касается меня, то, чтобы не сесть туда самому, я посажу на него сильных мира сего.

Эта шутка показалась ему столь остроумной, что он со смаком повторил ее еще и еще. Затем повернулся к Уэйну.

— Где ты хранишь свои записи?

— В верхнем ящике, — Уэйн кивком головы указал на высокое стальное бюро.

Дженсен подошел к нему и извлек хранившиеся там бумаги. Он тщательно просмотрел все черновики и объяснения: его краткие замечания подсказали Уэйну, что он недооценил техническую подготовку преступника и его удивительную способность мгновенно схватывать сущность научной теории. Наконец Дженсен засунул бумаги в карман.

— Ну что ж, пошли.

Укромный уголок оказался внушительных размеров строением, прочно сложенным, но пришедшим в упадок за долгие годы полнейшего запустения. Оно очень выгодно располагалось на перекрестке двух дорог, в самом центре когда-то густонаселенного местечка, в котором сейчас почти никто не жил. Люди торопливо проходили мимо мрачного, похожего на мавзолей здания, не удостоив его даже взглядом, и лишь иногда после захода солнца запоздалый путник стучался в дверь.

Домоправительницей в этом запустелом особняке была неряшливая женщина с огромной грудью и смысленными глазами хрюшки, которую обучили правилам арифметики. Уэйн припомнил — когда они два дня назад впервые по-

явились здесь, женщина ничуть не удивилась и с угрюмой покорностью выполняла распоряжения Дженсена. По-видимому, укромное местечко было хорошо известно рыцарям удачи, у которых пользовалось особой популярностью за то, что было совершенно неизвестно полиции. Хрюшка умела держать язык за зубами, она неплохо зарабатывала, хотя и не любила своей профессии и боялась связанного с ней риска.

Стоя в тени у открытого окна с записями Уэйна в руках и внимательно наблюдая за дорогой, Дженсен объявил:

— Кажется, я усек, в чем тут дело. Я не должен вступать в контакт с другими особями, то есть с животными и прочими тварями. Да и какой дурак захочет стать животным? — он еще раз пробежал записи глазами, затем снова перевел взгляд на дорогу: что-то там его заинтересовало.

— Если я хочу совершить обмен, — продолжал он, — я не должен мешкать, так как энергия начнет рассеиваться сразу же, как только я покину тело.

— Да, — вынужден был подтвердить Уэйн.

— Значит, я не могу перепрыгивать из одного каркаса в другой, для этого нужно каждый раз перезаряжаться заново. Ну что ж, не будем торопиться и подберем модель по вкусу. Уж если выбирать, то высший сорт, не брать же первое попавшееся тело.

— Прошу вас, Дженсен, подумайте хорошенько! Это опасная игра! Не лучше ли отказаться от нее, пока не поздно?!

— Да заткнись ты, ради бога. Я не откажусь от нее хотя бы только потому, что не собираюсь отказываться от самого себя. Им понадобилось мое тело? Милости просим, берите, раз уж оно мне самому больше ни к чему.

Дженсен снова обратился к запискам.

— Стало быть, от меня требуется одно — сосредоточить всю силу своего взгляда на том красавце, которому посчастливится меня приютить. Как только я вылезая из своего каркаса, я прыгаю в новый, а его владельца выставляю

вои. — Вдруг его поразила какая-то мысль, и он повернулся к Уэйну: — А почему бы ему не воспользоваться моим каркасом?

— Невозможно. Переселиться можно только в живое тело, мертвое для этой цели не годится.

Уэйн не стал объяснять, почему это так, а Дженсен не проявил интереса. Внимание преступника сосредоточилось на одном из участков дороги. Приставив бинокль к глазам, он внимательно изучал какую-то точку вдаль. Поза его выдавала еще сдерживаемое возбуждение. Вдруг он выронил бинокль и бросился к стулу, на котором за несколько минут до этого они укрепили проектор Уэйна.

— Это та самая будка, которая мне нужна! — Он откинулся в кресле, обнажив в ухмылке все свои зубы: — Включай ток, и чтоб у меня без фокусов.

С трудом подавляя отвращение, Уэйн вставил вилку в розетку и повернул выключатель. Выбора у него не было! Дженсен будет оставаться в полном сознании и сохранит способность к действию до того момента, когда его душа покинет тело, после чего сделать что-либо будет слишком поздно. Ничего другого не оставалось, как подчиниться обстоятельствам и молить судьбу, чтобы аппарат не сработал.

Побледнев, с робкой надеждой на неудачу он следил за поведением своего проектора: никаких видимых лучей, никакого излучения, которое бы свидетельствовало, что аппарат находится в действии, — лишь стрелки индикатора упорно ползли вверх, Уэйн знал, что огромная жизненная сила вливается сейчас в напряженное тело зверя, развалившегося в кресле.

Дженсен сидел неподвижно, уставясь на что-то за окном. Взгляд его приобрел почти гипнотическую силу, пальцы рук конвульсивно задвигались. Внезапно лицо его застыло, словно маска, в глазах погас свет, руки бессильно свесились.

Уэйн мрачно разглядывал бездыханное тело, в душе его надежда боролась со страхом. Он не мог поверить в то, что

произошло. Какой-то человек свернул на дорожку, ведущую к дому, поднялся по ступенькам и заколотил в дверь. Хрюшка, прошаркав по коридору, открыла входную дверь и бросила враждебное: «Что надо?» Послышался гул голосов, затем шаги — кто-то приближался к комнате. Уэйн трясущейся рукой провел по пушистым белым волосам — его отчаянная мольба не была услышана: аппарат сработал. Он выключил его и повернулся к незнакомцу.

Это был человек несколькими годами моложе Дженсена, шире его в плечах, с упрямым подбородком, с быстрыми и легкими движениями. На нем был хорошего покроя костюм, широкополая шляпа и ботинки, сшитые на заказ, излучавшие матовый блеск. Он выглядел человеком, достигшим цели, благодушным, но умеющим постоять за себя в случае нужды.

— Как я вам нравлюсь, папаша? — сказал незнакомец. Он встал в позу и начал медленно поворачиваться вокруг себя, подобно манекенщице, демонстрирующей вечерний туалет.

— Вы... вы... вы — Дженсен?

— Точно, это я — Дженсен, вернее сэр Генри.

Блаженно улыбаясь, он подошел к креслу, в котором ссутулилась человеческая фигура. Но тут же блаженная улыбка сменилась гримасой ужаса и отвращения.

— У-у-ф! Какой ужас — видеть себя мертвым! Чуть холодный пот не прошиб.

— Вам уже никогда не удастся вернуть себе прежний облик.

— Не имею ни малейшего желания. Когда согласишься на себя со стороны, понимаешь, чего тебе не хватает. Тут явно требовались кое-какие изменения. Вот я и изменился. Нравится?

— Как прошло переселение? — спросил Уэйн, с трудом выдавливая из себя слова.

— Хуже не придумаешь. Все равно что заниматься чем-то, что никому, даже мне, не по плечу. Я как бы рос,

становился все больше и больше, сильнее и сильнее. Вдруг что-то лязгнуло, и я очутился в его теле. По-настоящему внутри него. Я почувствовал, что стою на его ногах, смотрю его глазами, слышу его ушами и пытаюсь захватить его мозг. Он дрался, как одержимый, но в конце концов я его выставил. — Собственный рассказ как бы отрезвил Дженсена. Его даже передернуло. — Он вылетел из своего каркаса с жутким воплем — орал, как мартовский кот.

— Вы убили человечью душу. И рано или поздно вы ответите за это, пусть это даже будет суд всевышнего. — Он посмотрел на щеголя, который (как ни трудно было в это поверить) оставался Дженсеном. — И я разделяю вашу вину, я ваш сообщник.

— Не морочьте мне голову своими проповедями. Я уже давно вырос. Меня тошнило от них еще тогда, когда я ходил в коротких штанишках. — Он с опаской покосился на тело, которым владел так недавно. — Вы уверены, что я никогда в него не вернусь?

— Конечно. Оно мертво. Труп оживить нельзя. Смена оболочки возможна лишь тогда, когда вы вселяетесь в тело, еще не покинутое своим прежним владельцем. Похоже на подмену водителя в автомобиле, который мчится с большой скоростью — затея опасная, но выполняемая при условии, что руль все время находится в чьих-то руках. Либо один, либо другой — паузы быть не должно.

— Да, так оно и было. Он шатался, как пьяный, пока я его не выставил окончательно. Автомобиль немного заносило — то вправо, то влево, а? — Вдруг он о чем-то задумался. — А сам-то он куда девался?

— Не вы один — весь мир хотел бы знать, куда. Ответ на этот вопрос раскрыл бы загадку жизни.

— Ну ладно, я думаю, одному человеку не под силу знать все на свете — даже такому ученому, как вы.

Дженсен вытащил из заднего кармана брюк плоские золотые часы и с удовольствием поглядел на них:

— Ценная вещица. Не меньше чем в полсотни обош-

лась, наверно. И бумажник у него — у меня — солидный: полным-полно башлей! Ловко я все обтяпал, правда?

Уэйн промолчал.

— А теперь за дело, — спохватился Дженсен. — Тело свое я припрячу так, чтобы оно само попало на глаза легавым — то-то звону будет! Обрадуются — нашли убийцу толстяка. И подумать только — начну новую жизнь с того, что окажу услугу полиции! — Его внимание переключилось на Уэйна. — Игрушка останется у меня и запиши тоже. Вас я выпущу, как только доберусь туда, куда я собираюсь добраться.

— Вы намерены освободить меня?

— А почему бы нет? Я ведь исправился, стал совсем другим человеком, не так ли? Можете болтать, сколько влезет, кто вам поверит? — Он удовлетворенно хохотнул. — Впрочем, даже если и поверят, то что из того? Что они смогут со мной сделать? Можете подробно описать меня, сфотографировать, передать им отпечатки моих пальцев — им все равно меня не взять. Они не будут знать, кем я стану завтра или через неделю.

— Но вы ведь обещали уничтожить проектор?

— Кто, я? Зарезать курицу, несущую золотые яйца? Поищи другого дурака!

Застегнув пиджак, он враскачку прошелся по комнате, стараясь не смотреть на обмякшее тело в кресле.

— Я ведь сейчас могут идти куда мне вздумается, делать что захочется: пусть соберут хоть всех свидетелей на свете, мне наплевать — кто меня может опознать? Да пока эти легавы раскачаются, я уже буду другой. — Он весело хлопнул себя по ляжкам, как если бы в голову ему пришла блестящая идея: — Черт возьми, да я мог бы занять место шефа полиции и руководить погоней за самим собой! Стоит мне захотеть, и я стану королем Сиам или президентом Соединенных Штатов!

Уэйн буквально похолодел от ужаса, когда осознал, сколько правды таилось в этих хвастливых заявлениях.

Перед ним была сила — сила, перед которой оставались беспомощными закон и порядок. Это он, Уэйн, выпустил ее на свободу, на радость и ликование всему преступному миру. О, конечно, Дженсен будет хранить свой секрет про себя, ревниво оберегая его от других нарушителей закона. Но он сам представлял собой угрозу — как индивид, вернее один из бесконечной вереницы неуловимых индивидов.

Десять часов спустя мысль эта по-прежнему не оставляла Уэйна. Он стоял на травянистой обочине давно не езденой дороги, следя за тем, как исчезает вдали щеголеватая, самоуверенная фигура преступника, мчавшегося навстречу абсолютной, ничем не стесненной свободе. Дженсен мог легко прикончить его — это несколько бы не обременило его совести, но по каким-то не известным Уэйну причинам он этого не сделал. Быть может, негодяй испытывал злорадное удовольствие при мысли, что власти будут предупреждены о возникновении проблемы, разрешить которую не в их силах. А может, он боялся каких-либо случайных неисправностей в проекторе и оставил его автору жизнь, чтобы тот смог исправить возможные поломки.

Машина умчалась, подняв облако пыли. Уэйн следил за ней, пока она не скрылась из виду, в ушах его назойливо звучали слова: «Да я мог бы занять место шефа полиции...» Сутулясь, он зашагал к ближайшей деревне. «Он может занять чье угодно место, — бормотал Уэйн. — Чье угодно». Он повторял эти слова до тех пор, пока они ему самому не надоели. Тогда он слегка изменил их и пробормотал: «Какое захочет!» Он уставился на небо, на далекую линию горизонта, он не замечал ни того, ни другого, ибо весь был захвачен новой идеей: «Какое захочет... Господи, это же мысль! Какое захочет!»

За двадцать лет своей бурной жизни вне закона Дженсен с успехом ухитрился участвовать даже в самых рискованных предприятиях. Единственный промах, который он

допустил, было второе убийство, чуть не стоившее ему жизни. Он многому научился от своих собратьев по ремеслу, в совершенстве владел тактическими приемами и методами своей профессии и в преступном мире пользовался репутацией человека опытного и ловкого. И эти-то опыт и ловкость были сейчас заключены в молодом теле, которое почти автоматически реагировало на любую криминальную ситуацию.

Шагая по направлению к маленькому провинциальному банку, Дженсен отдавал полный отчет в своих способностях. Эти простаки хранят деньги так, как будто только и ждут, чтобы их прикарманил какой-нибудь грабитель-одиночка. Парочка угрожающих жестов, выстрел-другой в случае необходимости — и дело в шляпе. Проще и не придумать. Особую прелесть предстоящей операции придавали несколько деталей, завершавших представление. На этот раз зрители обойдутся без эффектного зрелища поспешного бегства, головокружительных гонок, в которых полицейская машина буквально висит на хвосте у преступника, Не унижится он и до такого дешевого мелодраматического приема, как черная маска. Он просто войдет, возьмет, выйдет и спрячет. И все.

Что он и сделал. Он появился в холле за двадцать секунд до закрытия, когда там не оставалось ни единого посетителя, и показал кассиру предмет, который небрежно вынул из кармана. Кассир выглянул в окошко и побледнел.

— Будешь молчать — я тебя не трону.

Чтобы слова его скорее дошли до сознания кассира, Дженсен чуть выдвинул вперед дуло револьвера и подумал, удалось ли ему состроить такое свирепое лицо, какое он умел делать раньше.

— Бумажки заверни в пакет, я возьму его с собой. Поспевайся и не вздумай подать голос. Если мне понравится ваше обслуживание, я загляну к вам еще разок.

Двигаясь как во сне, кассир поспешно запикивал пачки банкнот в мешок. Общая сумма была невелика. Джен-

сен и не рассчитывал, что в этой крохотной конторе с двумя служащими его ждет большая добыча. Но ведь деньги как бы сами лезут в руки и помогут ему продержаться, пока он не подготовится к более крупным и дерзким набегам. Пятясь, он подошел к двери, ведущей в кабинет директора, и ударом ноги распахнул ее. Достойный глава банка полез в бутылку, но, увидев направленное на него дуло пистолета, проявил сообразительность, закрыл рот и поднял руки.

Две минуты спустя Дженсен покинул здание банка, тщательно притворив за собой входную дверь. Двое мужчин были заперты в директорском кабинете, но он даже не потрудился их связать. Воспользоваться телефоном им не удастся — об этом он позаботился. Чтобы выбраться наружу, им потребуется не менее пяти минут, а этого времени ему с лихвой хватит. Не спеша он сел в машину, включил среднюю скорость и через две минуты спокойно запер награбленное в багажнике другого автомобиля, который и доставил его домой, в однокомнатную квартиру. Там он уселся перед окном и стал ждать. Шлем проектора покоился у него на голове, до ручки переключателя дотянуться было нетрудно. Все его внимание, однако, сосредоточилось на окне, выходящем на улицу. Когда он протянул руку к переключателю, полицейская погоня только началась.

Он тщательно спрятал проектор. В конце концов это было важнее всего. Драгоценный прибор требовал особого ухода. Его нужно было сохранить, чего бы это ни стоило. Он не мог потерять его, лишиться возможности им пользоваться. Ни за что, ни за какие деньги! Если бы ему когда-нибудь пришлось выбирать между аппаратом и добычей, он не задумываясь послал бы добычу к черту.

Рассуждая подобным образом, он небрежной походкой фланировал по улице, укрывшись за новым, несколько более скромным «фасадом»: руки засунуты в карманы грубых, домашнего изготовления брюк, топорные башмаки

цокают по тротуару стальными подковками, губы выпячены — вот-вот засвистит. Смешное ощущение: счастья и ужаса одновременно. Вот он здесь — вне досягаемости, но в ушах еще стоит предсмертный кошачий вопль.

Кучка возбужденных прохожих столпилась на перекрестке, извергают словесное стаккато: «Да, конечно, я помню... ничего подобного раньше не было... всегда говорил, когда-нибудь они... наглость-то какая, просто вошел и взял, сколько было, а кассир... давно пора принять меры... был бы я там, я б в него чернильницей запустил».

— В чем дело, друзья? — спросил Дженсен, проявляя деревенское простодушие.

— Банк очистили, — сообщила расхлябанная личность. — Ты малость опоздал. Грабитель был один. Успел смыться. Сколько он взял, еще неизвестно, но, думаю, кругленькую сумму.

— А! — Дженсен уставился на парня с выражением, которое, он надеялся, являло собой смесь деревенской хитрости и простоты. Он почесал затылок, надвинул на лоб кепку и слегка нагнулся к уху парня.

— В двух кварталах отсюда, у часовни, стоит зеленый фургон.

— Ну и что?

— Он все утро простоял у банка — я видел. За рулем сидел тип, знаешь, из тех, кому палец в рот не клади. Может, он и заметил что-нибудь, что пригодится полиции. Неплохо бы разыскать его и расспросить — он, возможно, еще ничего не слышал о налете.

— Вот это было бы классно, — воскликнул парень, в душе которого пробудилось желание поиграть в частного детектива. Он глянул на стоящих вокруг зевак. Те одобрительно закивали головами.

— Ты пойдешь? — спросил он Дженсена.

— Нет, тороплюсь на автобус. Да ты его не спутаешь — зеленый фургон, стоит позади часовни.

Он лениво зашагал прочь. Пройдя сотню ярдов, он

оглянулся — никого из толпы не было видно, все отправились на розыски фургона. Представить себе, как развернутся дальнейшие события, было нетрудно. Они найдут фургон и сообщат об этом полицейским. Те наведут справки, узнают адрес его хозяйки и спросят у нее, где ее постоялец. Она проведет их наверх, в однокомнатную квартиру. И там-то они обнаружат труп грабителя. Директор банка и кассир без труда опознают его. Полиция обыщет квартиру, перевернет вверх дном весь дом, вытрясет душу из хозяйки, но деньги все равно не найдет.

Ухмыляясь, он вернулся ко второму автомобилю и сел за руль. На заднем сиденье машины уютно уместился тщательно запакованный проектор. Никому и в голову не придет связать ограбление с этой машиной, так что ему не о чем беспокоиться.

Да, это было идеальное ограбление. Загадка, не поддающаяся расшифровке. И ничто не помешает ему повторить его снова, и снова, и снова. Закон и порядок могут гоняться за ним до скончания века: им все равно не найти разгадки.

Досадно только, что он не знает, в чьем каркасе он очутился на этот раз. Ведь какова бы ни была его новая телесная оболочка, он по-прежнему оставался Дженсенем, с его, Дженсена, сознанием и с его памятью. Изгнанная личность оставляла новому владельцу свой мозг, но не его содержание. Память, по-видимому, являлась не материальной записью на сером веществе, а своеобразной духовной производной. Ученым этот факт показался бы весьма интересным.

Он проверил содержимое своих карманов в поисках каких-либо бумаг, позволивших бы ему определить, кем он стал на этот раз. Впрочем, он знал, что так или иначе раздобудет сведения о себе, и не позже чем заведет мотор, чтобы отправиться в места новой охоты.

— Эй, Сэм, где ты раздобыл этот лимузин?

Голос, прозвучавший совсем рядом, заставил его вздрогнуть и поднять голову. Из окна соседнего дома на него

взирала флегматичная лошадиная физиономия. Челюсти ее владельца ритмично двигались, пережевывая жевательную резинку. Физиономия с тупым любопытством ждала ответа.

Итак, он был Сэм имярек. Мысль Дженсена работала стремительно. Если он отзовется, он непременно рано или поздно запутается. Отрицать все — вот самый безопасный выход из положения.

Его новое лицо не отличалось подвижностью, но Дженсен сделал все возможное, чтобы растянуть его в приличествующей случаю гримасе, прежде чем повернуться en face в сторону своего собеседника:

— Лимузин мой, да я не Сэм.

— Что-о-о? — Лошадиная челюсть отвалилась, обнажив розовые десны. — Ты не Сэм?

— Именно это я и хотел сказать. Ты ошибся, приятель. Я был бы рад познакомиться с этим Сэмом. По-видимому, мы с ним двойники — ты, кажется, десятый, принявший меня за него.

— Да уж, режьте меня на куски, но вы — точная его копия.

— Ницья я не копия, а уж что касается точности...

И не закончив фразы, Дженсен включил мотор и укатил, оставив лошадиную физиономию в состоянии полнейшего оупения.

В этой игре с телами была одна неприятная сторона: ты мог нарваться на популярную личность, а это всегда чревато неприятностями. В дальнейшем следует выбирать свои жертвы с такой же осторожностью, как и поле своей деятельности, решил Дженсен. Чужаки — вот кто ему нужен. Люди, появившиеся в этих местах недавно. Никому не известные приезжие. Иностранцы. Впредь ему следует быть более осмотрительным.

Чтение газет всегда доставляло Дженсену удовольствие. Ему нравился налет таинственности, которым газетные пи-

саки украшали описания нашумевших преступлений. Вот и сейчас — уж как они расписали его шестое по счету похищение! Если верить газетчикам, тип, совершивший последнее ограбление банка, пользовался репутацией чуть ли не святого с ангельски чистым прошлым. И вот он был обнаружен мертвым, награбленное же добро бесследно исчезло.

Оставалось загадкой, как человек с безупречной репутацией решился на такое дерзкое преступление, почему он оказался мертвым и куда девалась его добыча. «Ха», — хмыкнул Дженсен, пробегая глазами печатные столбцы. Кое-каким из этих писак нельзя было отказать в смекалке. Автор одной заметки, скрывшийся за инициалами А. К. Д., связал-таки это преступление с предыдущим. Он сопоставил некоторые общие черты: ограбление банка с применением одной и той же техники, грабитель — лицо безупречного поведения, которое вскоре оказывается мертвым, а похищенные суммы при этом бесследно исчезают. В заключение, однако, репортер обратил внимание читателей на тревожный факт — официально санкционированное уничтожение крупного урожая индийской конопли, из которой добывают гашиш, туманно намекнув при этом на тайное распространение наркотика в уважаемых кругах общества.

— Смех, да и только! — пробормотал Дженсен одобрительно.

И вдруг он увидел объявление — несколько слов, помещенных в отделе частных объявлений и для большей убедительности обведенных рамкой.

«Х. М. Дж. Свяжитесь со мной. Готов откупить прибор за наличные. Выгодные условия. Уэйн».

Дженсен задумался. Похоже на западню, в которой Уэйн играет роль приманки. С другой стороны, здесь говорилось о деньгах — наличными. А что, если на самом деле приготовили кругленькую сумму? Уж он сумеет извернуться — захватит деньги и обойдет ловушку. На что даны

человеку мозги, если он не в состоянии пошевелить ими хорошенько?

Он поехал в город и позвонил из автомата.

— Это я. Не хочу, чтобы меня засекали, поэтому выкладывай побыстрее.

— Послушайте, — раздался торопливый старческий голос Уэйна, — я нашел иностранца, который полагает, что мой аппарат может быть полезен его стране. Он готов купить его.

— А почему бы тебе не построить еще один такой же?

— На это уйдет не меньше двух лет, а он не даст денег, пока не увидит машину. Времени на размышление у меня немного. Дженсен, мой клиент молод и чрезвычайно богат...

— Я подумаю, — буркнул Дженсен и повесил трубку, не дав Уэйну закончить фразу.

Сутки спустя он решил пойти на сделку. Ему она сулила только выгоду. Тело, в котором он пребывал в настоящее время, для закона не представляло никакого интереса. Благодаря предыдущим операциям он собрал немалую толку денег, но был не прочь сорвать куш и с Уэйна, не расставаясь с проектором, конечно. У него на этот счет сложился недурной план — идея первый сорт!

Он позвонил из другого города:

— Я готов принять предложение — все зависит от условий, — заявил он.

Уэйн спросил:

— Сколько вы хотите?

— А на сколько раскошелится ваш набоб?

— Не знаю. Он готов заплатить крупную сумму, но не пойдет на вымогательство. Если вы согласны продать прибор, назовите цифру. С чего-то ведь придется начинать.

Уверенность Уэйна в высокой покупательной способности иностранца подогрела любопытство Дженсена.

— Что он за тип, хотел бы я знать?

Хотя Уэйн и пытался казаться спокойным, в его голосе послышались нотки возбуждения.

— Он из Европы. Ему около тридцати, и он очень, очень, очень богат. Он обручен с самой красивой девушкой сезона, которая, насколько мне известно, сама далеко не нищая. Вы понимаете, что на этой стадии переговоров я не могу открыть вам его имя, но смею заверить, что у него больше денег, чем у кого-нибудь из тех, с кем мне пришлось иметь дело прежде.

— Хорошо. Я сам с ним переговорю.

— Но...

— И никаких фокусов, — предупредил он жестко. — Я вешаю трубку. Мы и так слишком долго разговаривали. Я позволю тебе еще раз. Позаботься о встрече. И передай ему, что цифра будет умопомрачительной.

Когда он повесил трубку, рот его растянула широкая ухмылка. Иностранец, купающийся в деньгах и собирающийся жениться на светской львице. Вот будет здорово!

Все складывалось как нельзя лучше. Узкая улочка — не шире пятидесяти ярдов — отделяла его комнату на третьем этаже от апартаментов иностранца, находившегося на том же уровне. Глядя в окно, Дженсен мог следить за тем, что происходило напротив.

Конечно, ему могли подстроить какую-нибудь хитроумную западню, но он любую хитрость превратит в жестокий фарс. Рассказ Уэйна о богатом иностранце мог оказаться блефом, но, с другой стороны, он мог быть и правдой. Так или иначе он, Дженсен, ничего не терял, зато в случае удачи...

Что касается его, риск был невелик: либо он переселится в мускулистый каркас ловкого детектива, приготовившегося убить его, как только он войдет в комнату, либо приобретет благородный облик иностранца, у которого денег — куры не клюют.

Да, уж этот Дженсен явно не дурак. Те, у кого варит котелок, не попадают в лапы правосудия. У него хватило соображения догадаться, что Уэйн способен подстроить ему ловушку. Старик ведь может попытаться выманить Дженсена из тела, а потом подсунуть ему куклу или даже труп, зная, что без телесной оболочки сила Дженсена улетучивается как пар. Мудрец знает, как опасно недооценивать своего противника. Он же, Дженсен, — сама мудрость!

В мощный бинокль он изучал окна напротив. Тип, находившийся в глубине комнаты, был жив — живее некуда, тут уж сомневаться не приходилось. Ему не сиделось на месте, и время от времени он выглядывал из своего окна, бросая осторожные взгляды вниз, на улицу. Дженсен мог без труда разглядеть его лицо и фигуру.

Будущая жертва довольно точно отвечала описанию Уэйна — около тридцати, плотный, одет чуть-чуть вызывающе. И во всем его облике было нечто вызывающее, а бриллиант на среднем пальце левой руки просто слепил глаза. Его гладко зализанные волосы и грубоватое лицо показались Дженсену знакомыми — наверно, он видел того типа на фотографии, скорее всего на глянцевиной странице популярного журнала, об руку с потрясной дамочкой, а на переднем плане — только что подстреленный тигр.

Как бы то ни было, наружность этого человека пришлась Дженсену по вкусу. В выборе очередного тела, как и в выборе нового пальто, чем ты придиричвее, тем лучше. Предлагаемая модель отличалась прочностью и модной линией покроя, к тому же ничего не стоила! А Дженсен был не из тех, кто смотрит в зубы дареному ковшу.

Интересно, есть ли у его жертвы какой-нибудь высокомерный дворецкий, который умеет произносить: «Да, милорд», «Нет, милорд», «Конечно, милорд»? Он, Дженсен, предпочел бы, чтобы такой дворецкий существовал. Ах, да, придется отучиваться от некоторых неблагоприятных привычек, научиться произносить «нет» вместо «не». Но игра стоит свеч!

Красавчик опять появился у окна, бросив подозрительный взгляд на автомобиль, стоявший у тротуара. Затем он повернулся и сказал несколько слов кому-то, кто скрывался в глубине комнаты.

Дженсен бросил не менее подозрительный взгляд вниз и вдруг обнаружил легкую фигуру седовласого Уэйна. Достойный джентльмен торопливо направился к дому, сохраняя свой обычный сосредоточенный вид. Не оглянувшись, не проявив ни малейших признаков беспокойства или неуверенности, Уэйн вошел в дверь, ведущую в апартаменты иностранца, который по-прежнему не спускал глаз с автомобиля внизу.

Пора! Бросившись к креслу, Дженсен тяжело плюхнулся в него и включил проектор. Многократные повторения придали его движениям уверенность и автоматизм, что, однако, не лишило его ощущения важности происходящего. В аппарате с его таинственным шлемом по-прежнему было что-то зловещее, напоминавшее о том, что всем радостям на свете рано или поздно приходит конец.

Живительная сила начала вливаться в преступника. Он пожирал глазами человека, находившегося за окном противоположной комнаты. Дженсену удалось внести некоторые усовершенствования в детище Уэйна. Садясь в кресло, он слегка откидывался назад, так чтобы покинутое им тело, поникнув, надавило на кнопку и выключило проектор. Отлично придумано — вполне в стиле Дженсена! Он очень гордился собой.

Тридцать секунд — и он был свободен. И мгновенно очутился на другой стороне улицы, в другой комнате, в другом теле — чудовищная трансформация совершилась с обычной стремительностью.

Ощущение небывалого триумфа, сознание сокрушительности своей силы пронизало его «я», когда оно вступило в смертельную схватку с душой противника, упорно цеплявшегося за свою телесную оболочку. Жертва оказалась крепким орешком. Она сопротивлялась с такой яростью,

злостью и беспощадностью, как ни одна другая душа, с которой Дженсену приходилось иметь дело. Чтобы сохранить свой каркас при себе, этот красавчик сражался с жестокостью и упорством доисторических ящеров.

На протяжении почти целой минуты сопротивляющееся тело пьяно вихлялось из стороны в сторону, дергалось и даже раз упало на пол, извиваясь в конвульсиях и как бы пытаясь изрыгнуть что-то, затем поднялось и в изнеможении опустилось на стул.

Физические силы почти оставили Дженсена, хотя душевная мощь его осталась неизменной. Он понимал, что без помощи проектора ему бы ни за что не удалось сломить тигриную волю противника. Но вот он снова вышел победителем из схватки и снова услышал шипение, с которым гасла искра жизни, обращаясь в ничто.

Капли пота выступили у него на лбу, он прислонился к спинке стула, из горла его вырвались какие-то странные, похожие на всхлипывание звуки. Ноги казались ватными. Это было тяжелое, мучительное сражение, и он его выиграл. Ай да Дженсен!

Когда дверь в комнату отворилась и на пороге появился Уэйп, его встретила широкая ухмылка Дженсена.

— Жаль, жаль, — невозмутимо произнес Уэйп.

— Чего это вы разжалобились?

— Вы оставили свой револьвер в комнате напротив.

— О каком это револьвере вы говорите?

— О том, который принадлежал Дженсену.

— Значит, вы догадались?

Дженсен уселся на кончике стола. Он был счастлив. Он чувствовал себя прекрасно. В отличной форме — вот как это называется. Полон энергии и уверенности в себе!

— У вас, конечно, котелок варит, ничего не скажешь. Вы многое могли предвидеть. Но вот всех возможностей своей машины даже вы учесть не смогли, и вы поверили, что я продам ее, а?

Он заготовил и мгновение озадаченно прислушивался

к хриплым, вульгарным звукам своего нового голоса. Но тут же рассмеялся снова.

— Дурак бы я был, если б добровольно отдал вам отмычку к дверям в бессмертие.

Стоя в дверном проеме, Уэйн сказал:

— Да, да, бессмертие. Нет такой суммы, за которую бы его можно было купить. — Он провел рукой по своим редущим волосам. — Мой прибор великолепен. У меня нет причин его стыдиться. Единственный недостаток этого прибора в том, что он опередил свое время. Человечество еще не готово к тому, чтобы принять его.

Усталые глаза ученого встретились с наглым взглядом Дженсена.

— Я решил его уничтожить.

— Черта с два ты это сделаешь! — Дженсен повелительно взмахнул рукой. — Да не торчи ты тут, как кукла! Входи! Я сгораю от нетерпения узнать, какая же я теперь важная шишка.

— Ах, да, конечно, — мягко согласился Уэйн.

Он вошел в комнату. Четыре высоких, широкоплечих, спортивного вида человека последовали за ним.

— Вы, — очень важная шишка, и вас зовут Эврико Рапалли.

В мозгу Дженсена вспыхнул дьявольский фотомонтаж — кровавая галерея жертв неслыханных по жестокости преступлений. Большинство из них были совершены в то время, когда он, Дженсен, находился в тюрьме, и ему только раз привелось увидеть лицо короля гангстеров. Ничего удивительного, что это лицо показалось ему знакомым. И совсем уже не удивительно, что душа этого человека с таким звериным упорством сражалась за свое тело.

— Я отправился в полицию и все рассказал, — продолжал Уэйн. — Выяснилось, что они засекли Рапалли и готовились его схватить. Им понравился мой план — они согласились повременить с арестом убийцы, используя его в качестве приманки. В течение долгих десяти дней мое

объявление появлялось во всех газетах, пока вы на него не клюнули. Я назначил вам свидание в логове Рапалли. Мы устроили так, что квартира напротив оказалась свободной. Как только вы сняли ее и перенесли туда проектор, я понял, что на этот раз вам не уйти. — Он снова откинул волосы со лба. У него было очень усталое лицо. — А теперь я уничтожу свой прибор.

— Пошли, Рапалли, — резко бросил один из пришедших с Уэйном мужчин. Он положил свою огромную лапу на плечо Дженсена.

— Я не Рапалли! — завизжал Дженсен. — Я... Я...

— А кто же ты тогда? — Кривая усмешка как бы приклеилась к губам вошедшего. — У тебя лицо Рапалли, его тело, отпечатки его пальцев, а ведь закону ничего больше и не требуется.

— Будьте вы прокляты! — завопил Дженсен, когда наручники защелкнулись на его запястьях.

В бешенстве, с налитыми кровью глазами он следил за направившимся к двери Уэйном, с губ его слетала грубая брань. Уэйн обернулся, посмотрел на него с чисто академическим интересом и промолвил мягко:

— Рапалли, мне вас искренне жаль. Без сомнения, вы получите то, что заслужили. Это очень печально, конечно, если считать, что смерть — полнейшее уничтожение, — он сделал небольшую паузу, затем продолжал: — Но если это не так, если вашей душе предстоит встретиться с теми, кто ее давно поджидает, мне страшно подумать, что с вами будет.

Нет, они, конечно, ничего зря не делают. Может быть, тому, кто не знает, кое-какие их штучки и разные там правила покажутся довольно странными. Так ведь водить ракету в космосе — это вам не в корыте через пруд плаваты!

Вот, например, этот их трюк со смешанными командами — если подумать, вполне разумная вещь. На всех полетах за земную орбиту — к Марсу, к поясу астероидов и дальше — к машинам и на прокладку курса ставят белых с Земли, потому что это они изобрели космические корабли, больше всех о них знают и как никто другой умеют с ними управляться. Зато все судовые врачи — негры, потому что по какой-то, никому не известной причине у негров никогда не бывает космической болезни или тошноты от невесомости. А все бригады для наружных ремонтных работ комплектуются из марсиан, потому что они на этом собаку съели, потребляют очень мало воздуха и почти не боятся космической радиации.

Такие же смешанные команды работают и на рейсах в сторону Солнца, например до Венеры. Только там всегда есть еще и запасной пилот — здоровенный малый вроде Эла Стоу. И это тоже не зря. С него-то все и началось. Я, наверное, никогда его не забуду — он так и стоит перед глазами. Какой был парень!

В тот день, когда он появился впервые, я как раз дежурил у трапа. Наш космолет назывался «Маргарет-Сити» — это был новехонький грузо-пассажирский корабль, приписанный к порту на Венере, от которого он и получил свое название. Стоит ли говорить, что ни один из космонавтов не называл его иначе, как «Маргаритка»...

Мы стояли на колорадском космодроме, что к северу от

Денвера, с полным грузом на борту — оборудование для производства часов, научная аппаратура, сельскохозяйственные машины, станки и инструменты для Маргарет-Сити да еще ящик радиовых игл для венерианского института рака. Еще было восемь пассажиров, все — агрономы. Мы уже стояли на стартовой площадке и минут через сорок ждали sireны к отлету, когда появился Эл Стоу.

Ростом он был почти два метра, весил сто двадцать килограммов, а двигалась эта махина с легкостью танцовщицы. На это стоило посмотреть. Он поднялся по дюралевому трапу небрежно, как турист в автобус, помахивая мешком из сыромятной кожи, где вполне поместилась бы его кровать и пара шкафов впридачу.

Поднявшись, он заметил эмблему у меня на фуражке и сказал:

— Привет, сержант. Я новый запасной пилот. Должен явиться к капитану Мак-Нолти.

Я знал, что мы ждем нового запасного пилота. Джефф Деркин получил повышение и перевелся на шикарную марсианскую игрушечку «Прометей». Значит, это его преемник! Он землянин, это ясно, но только он был и не белый, и не негр. Его лицо, неглупое, но маловыразительное, было обтянуто старой, хорошо продубленной кожей. А глаза его так и горели. С первого взгляда было видно, что это личность необычная.

— Добро пожаловать, крошка, — сказал я. Руку я ему не подал, потому что она мне еще могла пригодиться. — Открой свою сумку и поставь в стерилизационную. Шкипер в носовом отсеке.

— Спасибо, — сказал он без всякого намека на улыбку и шагнул в шлюз, взмахнув своим кожаным вместилищем.

— Взлет через сорок минут, — предупредил я.

Больше я Стоу не видел до тех пор, пока мы не отма- хали двести тысяч миль и Земля не превратилась в зелено-

ватый полумесяц позади нашего газового хвоста. Только тогда я услышал в коридоре его голос — он спрашивал, где найти каптерку. Ему показали на мою дверь.

— Сержант, — сказал он, протягивая свое предписание, — я пришел за барахлом.

Он оперся на барьер, раздался скрип, и барьер прогнулся посередине.

— Эй! — заорал я.

— Прошу прощения!

Он выпрямился. Барьер чувствовал себя куда устойчивее, когда Стоу стоял отдельно от него.

Я протемпелевал его предписание, зашел на оружейный склад и взял для него лучевой пистолет с обоймой. Самые большие болотные лыжи для Венеры, какие я мог найти, были ему размеров на семь малы и на метр коротки, но ничего лучшего не было. Он получил еще банку универсального смазочного масла, жестянку графита, батарейку для микроволнового радиофона и, наконец, пачку таблеток с надписью: «Дар Корпорации ароматических трав с Планеты бракосочетаний».

Он сунул мне душистые таблетки со словами:

— Это возьми себе — меня от них тошнит.

Все остальное он не моргнув глазом собрал в охапку. Я в жизни не встречал такой невыразительной физиономии.

И все-таки, когда он увидел скафандры, у него на лице появилось что-то вроде задумчивости. На стене висели, как слинявшие шкуры, тридцать земных скафандров и шесть шлемов с наплечниками для марсиан: им больше одной десятой атмосферы не требуется. Для Стоу не было ничего подходящего. Я не мог бы ничего ему подобрать, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Это было все равно, что пытаться засунуть слона в консервную банку.

Он повернулся и легкими шагами потопал к себе — вы понимаете, что я хочу сказать? Он с такой легкостью владел своими тоннами, что я подумал: если ему вдрут

вздумается побуйствовать, хорошо бы оказаться где-нибудь подальше. Не то чтобы я заметил в нем такую склонность — нет, он был настроен вполне дружелюбно, хотя и немного загадочно. Но меня поражала его спокойная уверенность в себе, его быстрые и бесшумные движения. Бесшумные — наверное, потому, что ботинки у него были подбиты дюймовым слоем губки.

«Маргаритка» не торопясь ползла себе в пустоте, а я все не спускал глаз с Эла Стоу. Да, мне было любопытно, что он за человек, потому что я таких еще не встречал, а мне всякие попадались. Он был по-прежнему необщителен, но всегда вежлив, дело свое делал аккуратно, быстро и вообще вполне удовлетворительно. Мак-Нолти он очень понравился, а наш капитан никогда не был склонен сразу лезть к новичкам целоваться.

На третий день Эл потряс марсиан. Все знают, что эти пучеглазые, почти не дышащие проныры с десятью щупальцами уже больше двух столетий как присосались к титулу чемпионов Солнечной системы по шахматам. Никто из жителей других планет не мог их положить на лопатки. Они были просто помешаны на шахматах — сколько раз я видел, как они, собравшись кучкой, переливались всеми цветами радуги от волнения, когда кто-нибудь после тридцати минут глубокого раздумья делал ход пешкой.

Как-то раз, сменившись с вахты, Эл все восемь часов отдыха просидел при одной десятой атмосферы в правом шлюзе. В переговорном устройстве долгие паузы сменялись дикими воплями и пронзительным чириканьем, как будто эти осьминоги там вместе с ним спятили. Когда дело подошло к концу, наши ремонтники были еле живы. Кажется, Эл согласился сыграть с Кли Янгом и загнал его в пат. А Кли на последнем чемпионате Солнечной системы занял шестое место и проиграл всего десять партий — и уж, конечно, только своим братьям-марсианам.

После этого ребятам с красной планеты от него не отставали. Стоило ему смениться с вахты, как они его хватали и тащили в шлюз. На одиннадцатый день он сыграл с шестерыми сразу, две партии проиграл, три свел вничью и одну выиграл. Они решили, что он — какой-то феномен (по сравнению с жителями Земли, конечно). Зная их, я тоже так решил. И Мак-Нолти тоже. Тот даже в бортовой журнал занес этот результат.

Вы, наверное, помните, какой шум подняла аудиопресса в 2270 году по поводу «мужества мудрого Мак-Нолти»? Ну как же, ведь это стало космической легендой. Потом, когда мы благополучно вернулись, Мак-Нолти долго откещивался от всей этой славы и рассказывал, кому она должна принадлежать на самом деле. Но репортеры, как всегда, нашли себе оправдание. Капитаном-то был Мак-Нолти, сказали они. А потом у него очень подходящая фамилия — получается аллитерация. Похоже, что существует целая секта журналистов, которых хлебом не корми, только дай им аллитерацию.

А весь этот шум поднялся из-за обыкновенного летающего обломка — из-за него я даже поседел. Кусок железоникелевого метеорита, летевший себе не спеша мимо с обычной космической скоростью — вз-з-з-з! Орбита его лежала в плоскости эклиптики и пересекала наш курс под прямым углом.

Ну и наделал же он бед! Никогда я не думал, что маленький камешек может такое натворить. До сих пор у меня в ушах стоит свист воздуха, который вырывается наружу через эту рваную дыру.

Мы успели потерять порядочно воздуха, прежде чем автоматические двери закупорили аварийный отсек. Давление упало уже до шести десятых атмосферы, когда компрессоры остановили его падение и начали понемногу поднимать. Марсианам-то это было нипочем: для них и шесть десятых — все равно, что дышать густыми помоями.

В том закупоренном отсеке остался один механик. Дру-

гой спасся — он едва успел проскочить, когда дверь уже закрывалась. Но тот, думали мы, вытянул бумажку с крестиком. Скоро мы выбросим его через шлюз, как и многих его товарищей, которым довелось вот так закончить свой срок службы.

Парень, который успел выскочить, стоял, прислонившись к переборке, белый, как мел, когда появился Стоу. Челюсть у него так и ходила ходуном, а глаза светились, как лампы, но голос оставался спокойным.

— Выйди отсюда и закрой двери, — сказал он, отодвигая в сторону спасшегося механика. — Я его вытащу. Когда постучу, откройте и скорее впустите меня.

Мы задраили за собой герметическую дверь. Что он там делал, мы не видели, но индикаторная лампочка показала, что он отключил автоматику и открыл дверь в аварийный отсек. Через десять секунд лампочка погасла — та дверь снова была закрыта. Раздался сильный, торопливый стук. Мы открыли, и к нам в отсек ввалился Эл, держа в охапке бесчувственное тело механика. Он тащил его, как котенка, и с такой скоростью понесся по коридору, что мы испугались, как бы он с разгону не прошиб носовую броню.

Тем временем мы обнаружили, что наше дело дрянь. Отказали ракетные двигатели. Трубки Вентури были в порядке, и камеры сгорания тоже остались целы. Инжекторы работали великолепно — если качать топливо вручную. Горючего мы не потеряли ни капли, и корпус был невредим, если не считать этой рваной дыры. Но система управления зажиганием и впуском топлива вышла из строя — она находилась как раз в том отсеке, куда попал метеорит, и превратилась в кучу железного лома.

Это было очень серьезно. Больше того, все были убеждены, что нам грозит неминуемая гибель. Я не сомневаюсь, что и Мак-Нолти пришел к этому мрачному выводу, хотя в своем официальном рапорте он назвал это лишь «затруднением». Это очень на него похоже. Удивительно, как он не написал, что мы были «слегка озадачены».

Так или иначе, тут выскочили марсиане: в первый раз за шесть рейсов им предстояла настоящая работа. Давление уже поднялось до нормы, и им пришлось потерпеть, пока они не влезли в свои шлемы с наплечниками. Кли Янг покрутил носом, недовольно помахал щупальцем и пропищал: «Плывать можно!» Это такая любимая марсианская шутка: всякий раз, когда давление им не по вкусу, они машут щупальцами, как будто плывут, и говорят: «Тут плавать можно». Только когда Кли Янг нацепил свою одежду и спустил в ней давление до привычной ему одной десятой, ему стало полегче.

Нужно отдать марсианам должное — они работали на совесть. Они могут удержаться на самом гладком полированном льду и вкалывать по двенадцать часов на таком кислородном пайке, которого человеку с Земли не хватило бы и на девяносто минут. Я видел, как они выбрались через шлюз наружу, выпучив глаза под своими перевернутыми аквариумами и таща кабели питания, плиты для ремонта обшивки и сварочные аппараты. За иллюминаторами заялось голубое сияние — это они принялись резать, ровнять и залатывать ту рваную дыру.

Все это время мы продолжали пулей лететь к Солнцу. Если бы не авария, мы бы скоро развернулись и часа через четыре дошли до орбиты Венеры. Там мы дали бы ей себя догнать и, не спеша притормозив, спокойно пошли бы на посадку. Но когда в нас врезался этот крохотный метеорит, мы все еще держали курс прямо на самую жаркую печку во всей Солнечной системе. И теперь мы продолжали к ней лететь, а скорость все росла под действием притяжения Солнца. Я вообще-то и сам собирался написать в своем завещании, чтобы меня кремировали, но не так скоро!

В носовой рубке Эл Стоу непрерывно совещался с капитаном Мак-Нолти и двумя астровычислителями. Снаружи по корпусу продолжали ползать марсиане, озаряемые вспышками мертво-голубых огней. Механики, конечно,

не дожидались, когда ремонт будет окончен, — они надели скафандры, отправились в аварийный отсек и принялись творить там порядок из хаоса.

Все они были чем-то заняты, и мы, остальные, им завидовали. Даже в безнадежном положении гораздо легче, если можешь что-то делать. А бить баклуши в то время, когда другие работают, — мало приятное занятие.

Два марсианина вошли через шлюз, взяли несколько плит обшивки и снова выползли наружу. Один из них прихватил еще и карманные шахматы, но я их тут же отобрал. Потом я решил наведаться к нашему негру — врачу Сэму Хигнету.

Сэм буквально вытащил механика из могилы. Помог кислород и массаж сердца. Это могли сделать только длинные, ловкие пальцы Сэма. Кое-кому такое удавалось и раньше, но не часто.

Сэм как будто не знал, что произошло, да и не проявил к этому никакого интереса. Он всегда такой, когда у него на руках больной. Он ловко затянул разрез на груди механика серебряными скрепками, разрисовал ему все тело йодированным пластиком и охладил липкую массу, обрызгав ее эфиром, чтобы она застыла.

— Сэм, ты чудо! — сказал я.

— Это Элу спасибо, — ответил он. — Эл доставил его сюда вовремя.

— Нечего сваливать вину на другого, — пошутил я.

— Сержант, — сказал он серьезно, — я врач. Я делаю, что могу. Я не мог бы спасти этого человека, если бы Эл не доставил его ко мне вовремя.

— Ладно, ладно, — согласился я. — Пусть будет так.

Сэм — хороший парень. Но он, как и все врачи, немного помешан на этике. Я оставил его возиться с больным, который уже начал ровно дышать.

На обратном пути я встретил Мак-Нолти — он проверял топливные цистерны. Он взялся за дело сам, а это что-то

да значило. Лицо у него было озабоченное, а это значило очень многое. Это значило, что мне можно не тратить время на составление завещания, потому что его никто никогда не прочтет.

Я смотрел, как его осанистая фигура скрылась в носовой рубке, и слышал, как он сказал: «Эл, наверное, тебе...» А потом дверь закрылась и стало тихо.

Похоже было, что он возлагает на Эла немалые надежды. Что ж, Эл был как будто на многое способен. Теперь, когда мы сломя голову летели в тартарары, шкипер и этот молчаливый запасной пилот держались как закадычные приятели.

Один из агрономов выскочил из своей каюты. Я хотел было скрыться в каптерке, но не успел. Он уставился на меня широко раскрытыми глазами и сказал:

— Сержант, там, в моем иллюминаторе, виден полумесяц!

Он стоял, выпучив глаза на меня, а я выпучил глаза на него. Если нам видна половинка Венеры, значит, мы пересекаем ее орбиту. Он тоже все знал — это было написано у него на физиономии.

— Так на сколько же времени нас задержит это несчастье? — настойчиво продолжал он.

— Не представляю, — ответил я вполне искренне и почесал в затылке, стараясь выглядеть одновременно бодрым и туповатым. — Капитан Мак-Нолти сделает все, что возможно. Доверьтесь ему. Папаша все может!

— Вы не думаете, что нам... э-э-э... грозит опасность?

— О, конечно, нет!

— Врете, — сказал он.

— Знаю, — ответил я.

Это его обезоружило. Недовольный и озабоченный, он вернулся в каюту. Скоро он увидит Венеру в фазе три четверти и расскажет об этом всем остальным. И тогда нам придется жарко. Мы попадем в пекло.

Последние остатки надежды испарились примерно тогда же, когда дикий рев и сильная тряска возвестили нам, что умолкнувшие было ракетные двигатели снова заработали. Шум продолжался лишь несколько секунд, а потом двигатели отключили: было уже ясно, что с ними все в порядке.

Услышав шум, агроном выскочил из каюты, как опшаренный. Теперь он знал самое худшее. За три дня, прошедшие с тех пор, как Венера предстала перед нами в виде полумесяца, все уже узнали о нашем положении. Венера осталась далеко позади, и сейчас мы пересекали орбиту Меркурия. Но пассажиры все еще надеялись, что кто-нибудь совершит чудо. Ворвавшись в каптерку, агроном сказал:

— Двигатели снова работают. Значит...

— Ничего это не значит, — сказал я. Не стоило пробуждать напрасные надежды.

— Но разве мы не можем развернуться и полететь обратно?

Он вытер пот, стекавший по его щекам. Это было не от испуга: просто температура внутри корабля уже мало чем напоминала Арктику.

— Сэр, — ответил я, — мы теперь несемся с такой скоростью, что уже ничего нельзя сделать.

— Эх, пропала моя ферма, — с горечью проворчал он. — Пять тысяч акров наилучшей земли для выращивания венерианского табака, не считая пастбищ.

— Сочувствую, но с этим все кончено.

«Трррах!» — снова заработали ракеты. Меня швырнуло назад, а его скрючило, как будто от боли в животе. Там, в носовой рубке, кто-то — или Мак-Нолти, или Эл Стоу — время от времени запускал двигатели. Никакого смысла в этом я не видел.

— Это зачем? — спросил агроном, разогнувшись.

— Да просто так, ребята балуются, — ответил я.

Сопя от возмущения, он пошел к себе. Типичный эми-

грант с Земли — сильный, здоровый и мужественный, — он был не столько встревожен, сколько раздражен.

Полчаса спустя по всему кораблю зажужжал сигнал общего сбора. Это был стояночный сигнал, в полете им никогда не пользовались — по этому сигналу вся команда и все, кто находился на корабле, должны были собраться в рубке. Предстояло что-то небывалое в истории космических полетов — может быть, прощальное слово Мак-Нолти?

Я так и думал, что во время этого последнего обряда председательствовать будет шкипер, и не удивился, увидев его стоящим на небольшом возвышении в углу рубки. Его пухлые губы скорчились в гримасу, но когда вползли марсиане и кто-то из них изобразил, будто увертывается от акулы, гримаса превратилась в некое подобие улыбки. Эл Стоу, который стоял вытянувшись около капитана с ничего не выражающим, как обычно, лицом, посмотрел на этого марсианина, словно сквозь стекло, а потом лениво перевел свои странно светящиеся глаза куда-то в сторону, будто в жизни не видал ничего более нудного. И то сказать, эта шутка с плаванием нам порядком приелась.

— Люди и ведрас, — начал Мак-Нолти («ведрас» по-марсиански означает «взрослые» — еще одна марсианская шуточка), — я не вижу смысла распространяться о том своеобразном положении, в котором мы находимся.

Вот умел человек выбирать слова! «Своеобразное положение»!

— Мы уже находимся ближе к Солнцу, чем любой корабль за всю историю космических полетов...

— Комических полетов, — с бестактной усмешкой пробормотал Кли Янг.

— Шутки шутить будете позже, — заметил Эл Стоу таким ледяным тоном, что Кли Янг притих. Лицо капитана снова исказила гримаса.

— Мы движемся к Солнцу, — продолжал он, — быстрес,

чем когда-либо двигался любой космический корабль. Грубо говоря, у нас примерно один шанс из десяти тысяч.

Он бросил на Кли Янга вызывающий взгляд, но тот совсем затих.

— Тем не менее такой шанс существует, и мы пытаемся им воспользоваться.

Мы уставились на него, не понимая, что он такое придумал. Каждый из нас знал, что развернуться, миновав Солнце, абсолютно невозможно, так же как и повернуть назад, преодолевая его могучее притяжение. Оставалось только нестись вперед и вперед — до тех пор, пока последняя ослепительная вспышка не рассеет по всей округе молекулы, из которых мы состоим.

— Мы предлагаем пройти по кометной орбите, — продолжал Мак-Нолти. — Мы с Элом, и вот астровычислители тоже, — мы считаем, что ничтожная вероятность удачи существует.

Все стало ясно. Это теоретическая штука, которую часто обсуждают математики и астронавигаторы и еще чаще используют в своих рассказах писатели. Но на этот раз все было взаправду. Соль здесь вот в чем: выжать из двигателей все, что можно, набрать огромную скорость и выйти на вытянутую орбиту, как у кометы. Теоретически корабль при этом может проскочить мимо Солнца так быстро, что, как маятник, вылетит далеко на другой конец орбиты. Очень мило, но сможем ли мы это проделать?

— Расчеты показывают, что при нашем нынешнем положении есть небольшой шанс на успех, — сказал Мак-Нолти. — Мощность двигателей достаточная, и горючего хватит, чтобы набрать нужную скорость, взять нужный курс и достаточно долго идти с этой скоростью. Единственное, в чем я серьезно сомневаюсь, — это сможем ли мы выдержать момент максимального приближения к Солнцу.

Он вытер пот, как будто бессознательно подчеркивая трудность предстоявшего нам испытания.

— Будем называть вещи своими именами — нам придется чертовски жарко!

— Мы готовы, капитан, — сказал кто-то, и в рубке слышались возгласы одобрения. Кли Янг встал, взмахнул одновременно четырьмя щупальцами, прося слова, и прочирикал:

— Это идея! Это прекрасно! Я, Кли Янг, от имени своих сопланетников ее поддерживаю. Вероятно, мы все заберемся в холодильник, пока будем пролетать мимо Солнца?

Мак-Нолти кивнул и сказал:

— Все будут находиться в охлаждаемом отсеке и терпеть, сколько можно.

— Вот именно, — сказал Кли. — Конечно. Но мы не можем управлять кораблем, сидя в холодильнике, как сорок порций клубничного мороженого. Кто-то должен быть и в носовой рубке. Чтобы корабль шел по курсу, нужен человек — пока он не изжарится. Так что кому-то придется выступить в роли жаркого.

Он взмахнул щупальцем, упиваясь своим красноречием.

— И поскольку нельзя отрицать, что мы, марсиане, значительно легче переносим повышение температуры, я предлагаю...

— Чепуха! — сказал Мак-Нолти. Но его резкий тон никого не обманул. Марсиане — немножко зануды, но до чего прекрасные ребята!

— Ну, хорошо, — недовольно чирикнул Кли, — а кто же тогда будет котлетой?

— Может быть, я. А может, и нет, — сказал Эл Стоу. Он произнес это как-то странно — как будто он был такой явный кандидат, что только слепой мог этого не видеть.

А ведь он был прав! Он как раз подходил для этого дела. Если кто и мог бы вынести тот жар, который будет вливаться через носовые иллюминаторы, так это был Эл. Он был силен и вынослив. Он мог многое, чего не мог ник-

то из нас. И, в конце концов, он числился запасным пилотом.

Но мне все равно было не по себе. Я представил себе, как он сидит там, впереди, один-одинешенек, и от того, сколько он продержится, зависит наша жизнь, а огненное Солнце протягивает свои пламенеющие пальцы...

— Ты?! — воскликнул Кли, сердито уставив выпуклые глаза на две молчаливые фигуры, громоздившиеся на возвышении. — Ну конечно! Только я собрался поставить тебе мат в четыре хода, как ты придумал этот фокус, чтобы убежать от меня.

— В шесть, — равнодушно возразил Эл. — Меньше чем в шесть ходов у тебя ничего не получится.

— В четыре! — завопил Кли. — И в такой момент ты...

Мак-Нолти не выдержал. Он побагровел, как будто его вот-вот хватит удар, и повернулся к размахивавшему щупальцами Кли.

— Пропадите вы пропадом с вашими проклятыми шахматами! — заревел он. — Все по местам! Приготовиться к разгону! Я дам сигнал общей тревоги, когда нужно будет укрыться, и тогда вы все должны перейти в холодильник.

Он огляделся. Краска понемногу сходила с его лица.

— Все, кроме Эла.

Когда ракеты дали полный ход, все стало совсем как раньше. Двигатели протяжно ревели, и мы неслись вперед, волоча за собой хвост грома. Внутри корабля становилось все жарче и жарче — влага сверкала на металлических стенах и текла у каждого по спине. Каково было в носовой рубке, я не знал, да и не хотел знать. Марсиане пока чувствовали себя прекрасно — вот когда можно было позавидовать их целепому устройству!

Я не считал времени, но прошло две вахты и один перерыв на отдых, прежде чем прозвучал сигнал общей тре-

воги. К этому времени на корабле стало совсем плохо. Я не просто потел — я медленно таял и стекал в собственные ботинки.

Сэм, конечно, переносил все это легче, чем другие жители Земли, и держался до тех пор, пока его больному не перестала грозить опасность. Повезло этому механику! Мы сразу же уложили его в холодильник, куда то и дело наведывался Сэм.

Остальные забрались сюда, когда прозвучал сигнал. Это был не просто холодильник, а самый прочный и самый прохладный отсек корабля — бронированное помещение с тройной защитой, где хранились инструменты и находился лазарет на две палаты с просторной гостиной для пассажиров. Все мы поместились там с большими удобствами.

Все, кроме марсиан. Поместиться-то они тоже поместились, но без особых удобств. Им всегда не по себе при нормальном давлении — им при этом не только душно, но еще и воняет, как будто они дышат патокой, отдающей козлиным запахом. Кли Янг на наших глазах достал склянку с духами и протянул ее своему полуродителю Кли Моргу. Тот взял склянку, с отвращением поглядел на нас и демонстративно понюхал самым оскорбительным образом. Но никто на это не отреагировал.

Тут были все, кроме Мак-Нолти и Эла Стоу. Шкипер явился через два часа. В рубке, вidać, было нелегко — выглядел он ужасно. Изможденное лицо блестело от пота, когда-то пухлые щеки ввалились и были покрыты ожогами. Его обычно нарядная, хорошо сидевшая форма висела на нем, как на вешалке. С первого взгляда можно было сказать, что он жарился там, сколько мог выдержать.

Пошатываясь, он прошел мимо нас, завернул в кабинку для оказания первой помощи и медленно, с трудом разделся. Сэм растер его с головы до ног мазью от ожогов — мы слышали, как шкипер хрипло стонал, когда Сэм особенно старался.

Жар становился невыносимым. Он заполнял все помещение, жег каждый мускул моего тела. Несколько механиков скинули ботинки и куртки. Скоро их примеру последовали и пассажиры, избавившись от большей части одежды. Мой агроном с несчастным видом сидел в плавках, горюя о своих несбывшихся планах.

Выйдя из кабинки, Мак-Нолти рухнул на койку и сказал:

— Если через четыре часа мы еще будем целы, все обойдется.

В этот момент двигатели заглохли. Мы сразу поняли, в чем дело. Опорожнилась одна топливная цистерна, а реле, которое должно было переключить двигатели на другую, не сработало. На такой случай в машинном отделении должен был бы сидеть дежурный механик, но от жары и волнения никто об этом не подумал.

Мы не успели опомниться, как Кли Янг подскочил к двери, к которой он был ближе всех. Он исчез, прежде чем мы сообразили, что произошло. Через двадцать секунд двигатели снова заревели.

У самого моего уха свистнула переговорная трубка — последние два дня радифоны не действовали из-за солнечных помех. Я вынул свисток и прохрипел:

— Да?

Из рубки донесся голос Эла.

— Кто это сделал?

— Кли Янг, — сказал я. — Он все еще там.

— Наверное... пошел за шлемами, — догадался Эл. —

Передайте ему... от меня спасибо!

— Как там у тебя? — спросил я.

— Печет, — ответил он. — Плохо... с глазами. — Он помолчал. — Наверное, выдержу... как-нибудь. Пристегнитесь... когда я свистну.

— Зачем? — прохрипел я.

— Хочу... раскрутить ее. Жар равномернее распределится...

И вот я услышал, как он заткнул свой конец трубки. Я тоже всунул свисток на место и передал остальным, чтобы они пристегнулись и ждали сигнала Эла. Только марсианам можно было не беспокоиться: у них хватало первоклассных присосков, чтобы удержаться даже на метеорите.

Вернулся Кли. Эл оказался прав: он тащил шлемы для своих ребят. Температура была такая, что даже Кли ослабел и еле управлялся со своим грузом.

Марсиане обрадовались, надели шлемы, загерметизировали швы и тут же спустили в них давление до двух десятых. Они сразу повеселели. Чудно было видеть, как они надевают скафандры не для того, чтобы, как мы, хранить воздух, а чтобы от него избавиться...

Только они успели одеться и вытащить шахматную доску, как прозвучал свисток. Мы вцепились в ремни, а марсиане присосались к полу и стенам. «Маргаритка» начала медленно вращаться вокруг продольной оси. Шахматные фигуры поползли по полу, потом по стене и по потолку: солнечное притяжение, конечно, удерживало их на той стороне, которая была обращена к Солнцу. Я увидел сквозь шлем сердитое, распаренное лицо Кли, который мрачно уставился на порхавшего вокруг него черного слона. Наверное, в шлеме раздавались самые смачные марсианские выражения.

— Осталось три с половиной часа, — прохрипел Мак-Нолти.

Четыре часа, о которых говорил нам шкипер, означали два часа приближения к Солнцу и два часа удаления от него. Поэтому, когда нам осталось два часа, мы были ближе всего к этой раскаленной печи. Это был момент наибольшей опасности.

Я этого момента не помню — я потерял сознание за двадцать минут до него и пришел в себя через полтора

часа после. О том, что происходило за это время, я могу только догадываться, но стараюсь об этом думать как можно меньше. Солнце, пылавшее жаром свирепо, как глаз разъяренного тигра; корона, протянувшая свои языки к крохотному кораблю с полумертвыми существами, и в самом носу корабля, за совершенно бесполезными кварцевыми стеклами, одинокий Эл глядит и глядит на приближающийся ад...

Я, шатаясь, поднялся и тут же свалился, как мешок тряпья. Корабль больше не вращался, а несся вперед, как обычно, и упал я просто от слабости. Чувствовал я себя препаршиво.

Марсиане уже пришли в себя — я знал, что они очнутся первыми. Один из них поставил меня на ноги и держал, пока я не начал хоть чуть-чуть владеть своими конечностями. Я заметил, что другой марсианин распростерся поверх лежавших без сознания Мак-Нолти и трех пассажиров. Он закрывал их своим телом от жара. И довольно успешно, потому что они очнулись вслед за ним.

С трудом добравшись до переговорной трубки, я вытащил затычку и дунул. Но сил у меня было так мало, что свистка не получилось. Только зря потратил воздух, а мне его и так не хватало. Целых три минуты я стоял, цепляясь за трубку, потом собрался с силами, еле расправил грудь и дунул изо всех сил. На другом конце послышался свисток. Но Эл не отвечал.

Я свистнул еще несколько раз, но ответа не было. От частого дыхания у меня закружилась голова, и я опять свалился. В корабле жара была еще страшная; я чувствовал, что высох как мумия, которая миллион лет пролежала в пустыне.

Дверь открылась, и Кли Янг медленно, с трудом выполз наружу. На нем все еще был шлем. Через пять минут он вернулся и сказал через диафрагму шлема:

— Не добрался до носовой рубки. Трап на полпути горячее печки, и воздуха там нет.

Я вопросительно уставился на него, и он объяснил:

— Автоматические двери задраены. В носовой рубке вакуум.

Это означало, что сдали иллюминаторы. Иначе воздух не мог выйти из рубки. Запасные стекла у нас были, и вставить иллюминаторы ничего не стоило. Но пока что мы летели вперед — может быть, правильным курсом, а может быть, и нет — с пустой, лишенной воздуха рубкой, в которой царил только зловещая тишина.

Мы сидели и понемногу приходили в себя. Последним очнулся пострадавший механик. Сэм все-таки выходил его. И только тогда Мак-Нолти заорал:

— Четыре часа прошли! Мы прорвались!

Слабыми голосами мы крикнули «ура!» Ей-ей, в каюте от этой новости сразу стало градусов на десять прохладнее! Радость придала нам силы — не прошло и минуты, как мы не чувствовали и следов слабости и рвались в бой. Но только еще четыре часа спустя бригада механиков в скафандрах пронесла в крохотный лазарет Сэма тяжелое тело из рубки.

— Как дела, Эл? — спросил я.

Он, наверное, услышал, потому что шевельнул пальцами правой руки и, прежде чем дверь за ними закрылась, издал скрежещущий, хриплый звук. Потом два механика прошли в его каюту, принесли огромный кожаный мешок и снова заперлись в лазарете, оставив нас с марсианами снаружи. Кли Янг шатался взад и вперед по коридору, как будто не знал, что делать со своими щупальцами.

Час спустя из лазарета вышел Сэм, и мы бросились к нему.

— Как Эл?

— Слеп, как крот, — сказал он, покачав головой. — И лишился голоса. Ему пришлось ужасно тяжело.

Так вот почему он не отвечал, когда я его вызывал к рубке!.. Я посмотрел Сэму прямо в глаза.

— Сэм, ты можешь... ты можешь ему как-нибудь помочь?

— Если б я мог! — Его черное лицо было очень выразительным. — Ты знаешь, сержант, как бы я хотел привести его в порядок, но я не могу. — Он бессильно развел руками. — Это превышает мои скромные возможности. Может быть, когда мы вернемся на Землю...

Его голос прервался, и он снова ушел в лазарет.

— Мне грустно, — в отчаянии сказал Кли.

Тот вечер, когда нас пригласили в нью-йоркский астро-клуб, я никогда в жизни не забуду. Тогда этот клуб был — да и сейчас еще остается — самым избранным обществом, какое только можно себе представить. Чтобы вступить в него, космонавт должен совершить что-то подобное чуду. Тогда в клубе насчитывалось всего девять членов, да и сейчас их только двенадцать.

Председателем клуба был Мейс Уолдрон — знаменитый пилот, который спас тот марсианский лайнер в 2263 году. Весь расфранченный, он стоял во главе стола, а рядом с ним сидел Эл Стоу. На другом конце стола сидел Мак-Нолти — с его веселой физиономии не сходила довольная усмешка. А рядом со шкипером находился старый, седой Кнут Иохансен — гений, который изобрел систему «Л», известную каждому космонавту.

Остальные гостевые места за столом занимала вся смущенная команда «Маргаритки», включая марсиан, плюс трое пассажиров, которые решили ради такого случая отложить свой отлет. Было еще несколько аудиорепортеров со своими камерами и микрофонами.

— Джентльмены и ведрас, — произнес Мейс, — это беспрецедентное событие в истории человечества и нашего клуба. Может быть, именно поэтому я считаю для себя особой честью внести предложение — принять в члены клуба запасного пилота Эла Стоу, который этого в высшей степени достоин.

— Поддерживаем! — крикнули одновременно три других члена клуба.

— Благодарю вас, джентльмены.

Он вопросительно поднял бровь. Восемь рук взметнулись над столом.

— Принято единогласно!

Взглянув на Эла Стоу, который молча сидел рядом, Мейс начал превозносить его до небес. Он все говорил и говорил, а Эл все сидел с безразличным видом.

Я видел, как довольная улыбка на лице Мак-Нолти становится все шире и шире. Старый Кнут смотрел на Эла с почти нелепой отеческой нежностью. Команда не сводила глаз с героя, и все камеры были направлены прямо на него.

Я тоже посмотрел в ту сторону. Он сидел, его починенные глаза сияли, но лицо его было неподвижно, несмотря на все эти пышные слова и всеобщее внимание, на взгляды Йоханнсена, полные отцовской гордости.

Но прошло минут десять, и я заметил, что и ему наконец стало не по себе. И если кто-нибудь вам скажет, что робот системы Л-100-У — просто бесчувственная машина, — плюньте ему в глаза!

Еще никогда ни один суд не привлекал столь пристального внимания мировой общественности. Шесть телекамер медленно поворачивались вслед за торжественно шествующими к своим местам юридическими светилами в красных и черных мантиях. Десять микрофонов доносили до обоих полушарий Земли скрип ботинок и шелест бумаг. Двести репортеров и специальных корреспондентов заполнили балкон, отданный целиком в их распоряжение. Сорок представителей ЮНЕСКО взирали через зал суда на вдвое большее число ничего не выражающих, натянутых физиономий дипломатов и государственных чиновников.

Отказались от традиций. Процедура не имела ничего общего с обычной — это был особый процесс по совершенно особому делу. Вся техника была приспособлена к тому, чтобы соответствовать совершенно необычному, ни на что не похожему обвиняемому. И высокие титулы судей подчеркивались театральной пышностью обстановки.

На этом процессе не было присяжных, зато было пять судей. И миллиард граждан, которые следили за процессом дома у телевизоров и готовы были обеспечить справедливую игру. Вопрос о том, что же считать «справедливой игрой», заключал в себе столько вариантов, сколько невидимых зрителей следило за спектаклем, и большинство этих вариантов диктовалось не разумом, а чувствами. Ничтожное меньшинство зрителей ратовало за сохранение жизни обвиняемому, большинство же страстно желало ему смерти; были и колеблющиеся, согласные на изгнание его — каждый в соответствии со своим впечатлением от этого дела, вынесенным в результате длительной фанатичной агитации, предшествовавшей процессу.

Члены суда неуверенно, как люди слишком старые и мудрые, чтобы выступать у рампы перед публикой, заняли свои места. Наступила тишина, нарушаемая только боем больших часов, расположенных над судьями. Было десять часов утра 17 мая 1987 года. Микрофоны разнесли бой часов по всему миру. Телекамеры передали изображения судей, часов и, наконец, того, что было в центре внимания всего человечества: существа на скамье подсудимых.

Шесть месяцев прошло с того дня, как это существо стало сенсацией века, точкой, на которой сфокусировалось ничтожное количество безумных надежд и гораздо больше — безумных страхов человечества. Потом оно так часто появлялось на экранах телевизоров, на страницах журналов и газет, что чувство удивления прошло, а надежды и страхи остались. Постепенно его начали воспринимать как нечто карикатурное, дали ему презрительное прозвище Кактус; одни стали к нему относиться как к безнадежно уродливому глупцу, другие — как к коварному эмиссару еще более коварной иноземной цивилизации. Таким образом, близкое знакомство породило презрение, но не настолько сильное, чтобы убить страх.

Его звали Мэт; оно прибыло с одной из планет системы Протиона. Около метра в высоту, ярко-зеленое, с ножками-подушечками, ручками-обрубками, снабженное отростками и ресничками, все это существо было в колючках и выступях и выглядело как взрослый кактус.

Только у него были глаза, большие золотистые глаза, которые наивно смотрели на людей в ожидании милосердия, потому что существо это никогда никому не причиняло зла. Жаба, просто загрустившая жаба с драгоценными камнями на голове.

Секретарь в черной мантии напыщенно провозгласил:
— Заседание специальной коллегии суда, созванной под эгидой юриспруденции Соединенных Штатов Америки, объявляю открытым! Внимание!

Тот судья, что сидел в центре, посмотрел на коллег, поправил очки, кинул хмурый взгляд на «жабу», или «кактус», или как его еще назвать.

— Мэт с Прочиона, нам известно, что вы не способны ни слышать, ни произносить слова, по можете телепатически понимать нас и отвечать в письменной форме.

Телекамеры тут же показали, как Мэт повернулся к доске, установленной за скамьей подсудимых, и написал мелом одно слово: «Да».

Судья продолжал:

— Вы обвиняетесь в том, что незаконно попали в мир под названием Земля, точнее — страну, называемую Соединенными Штатами Америки. Признаете ли вы себя виновным?

Большими белыми буквами Мэт вывел на доске: «А как еще можно сюда попасть?»

Судья нахмурился:

— Будьте добры отвечать на мои вопросы.

— Не виновен.

— Вам предоставлен защитник. Есть ли у вас возражения против его кандидатуры?

— Благословен будь, миротворец.

Немногие восприняли это как остроумие. Большинство решило, что это сам дьявол цитирует Библию.

Судья вздохнул, протер стекла очков и откинулся на спинку кресла.

Расправив мантию на плечах, встал прокурор. Это был высокий, длиннолицый человек с пронзительным взглядом маленьких глаз.

— Первый свидетель!

Из зала вышел тщедушный человечек, неловко присел на стул свидетелей, беспокожно перебирая пальцами.

— Ваше имя?

— Сэмюэл Нолл.

— Ваша ферма расположена близ Денвила?

— Да, сэр. Я...

— Не называйте меня «сэр». Только отвечайте на вопросы. Это существо приземлилось на территории вашей фермы?

— Ваша честь, я протестую! — поднялся с места адвокат, человек чрезвычайно полный и краснолицый, по-видимому сангвиник. — Мой клиент — юридическое лицо, а не какое-то там существо. Поэтому его следует называть «обвиняемым».

— Протест отклоняется! — отрезал судья в центре. — Продолжайте, мистер прокурор.

— Итак, это существо приземлилось на территории вашей фермы?

— Да, — ответил Сэмюэл Нолл, с гордостью глядя в объективы телекамер. — Оно свалилось как снег на голову и...

— Отвечайте только на вопросы. Посадка сопровождалась серьезными разрушениями?

— Да.

— Что пострадало?

— Два сарая и большая часть урожая. Убытков на три тысячи долларов.

— Существо проявило при этом какие-либо признаки раскаяния?

— Никаких, — Нолл сердито оглядел зал. — Вело себя как ни в чем не бывало.

Прокурор сел, насмешливо улыбнувшись своему толстому противнику.

— Передаю свидетеля защите, — сказал он.

Адвокат встал, благожелательно посмотрел на Нолла и спросил:

— Скажите, ваши сарай — это восьмиугольные башни с жалюзи в стенах и барометрически управляемыми крышами?

Нолл вскинул брови и тихо ахнул:

— Чего?

— Ну, хорошо. Оставим это, ответьте мне на такой

вопрос: ваш урожай, по-видимому, состоял из фузелинов и двухцветных меркинсов?

— Это был ячмень, зрелый ячмень, — в отчаянии произнес Нолл.

— Бог мой! Ячмень — надо же! А вам знакомы фузелины и меркинсы? Вы бы их узнали, если бы увидели?

— Пожалуй что нет, — неохотно признался Нолл.

— Разрешите заметить, что вам просто недостает умственных способностей, — резко заключил адвокат. — И я бесконечно сожалею об этом, поверьте мне. Вы видите по моему лицу, как это меня огорчает?

— Не вижу, — ответил Нолл, чувствуя, как его трон перед телекамерами превращается в ложе, утыканное гвоздями.

— Другими словами, вы не увидели бы и раскаянья, будь оно написано на моем лице?

— Протестую! — загремел прокурор, заливаясь краской. — Нельзя сознательно заставлять свидетеля...

Он остановился, заметив, что его соперник опустил на стул. Поспешно взяв себя в руки, прокурор проворчал:

— Следующего свидетеля!

Свидетель номер два был крупный, крепкий, весь в синем мужчина. Держался он уверенно, как человек, давно знакомый с судами и скучными судебными процедурами.

— Имя?

— Джозеф Хиггинсон.

— Вы офицер полиции города Денвила?

— Так точно.

— Это вас вызвал на свою ферму первый свидетель?

— Меня.

Прокурор улыбнулся, задавая следующий вопрос, в полной уверенности, что теперь-то он целиком овладел событиями.

— Увидев случившееся, вы постарались разобраться в причинах, не так ли?

— Да, конечно.

Мистер Хиггинсон обернулся и бросил сердитый взгляд в умоляющие золотистые глаза обвиняемого.

— И что тогда случилось?

— Оно парализовало меня одним взглядом.

Вмешался судья слева:

— Вы, кажется, выздоровели. Насколько глубок был паралич и сколько времени он продолжался?

— Парализовало меня всего, ваша честь, но часа через два это прошло.

— И за это время, — спросил прокурор, — иноземный преступник успел ударить?

— Да, — мрачно ответил свидетель.

— Резюмируем: существо игнорировало офицера полиции, находившегося при исполнении служебных обязанностей, напало на него и избежало ареста, так?

— Да, — охотно согласился Хиггинсон.

— Передаю свидетеля защите.

Прокурор сел, чрезвычайно довольный собой.

Поднялся адвокат, засунул пальцы за край жилета и с обезоруживающим дружелюбием обратился к Хиггинсону:

— Вы всегда сумеете распознать при встрече своего коллегу полицейского?

— Конечно.

— Очень хорошо. Среди публики в зале сидит полицейский. Будьте добры, покажите его господам судьям.

Хиггинсон внимательно осмотрел немногих присутствующих, которые здесь, в зале суда, представляли куда более обширную аудиторию телезрителей. Телекамеры следовали за его взглядом по рядам зрителей. Судьи, корреспонденты, репортеры, государственные чиновники — все смотрели туда же.

— Он, наверное, в гражданском, — заявил Хиггинсон, сдаваясь.

Судья в центре поспешил вмешаться:

— Вряд ли суд признает доказательством вашей пра-

воты неспособность свидетеля узнать полицейского, одетого в штатское.

— Конечно, ваша честь, — согласился адвокат.

На его круглом лице отражалось крушение надежд, что порадовало сердце его наблюдательного противника. Тогда, удовлетворенный тем, что прокурор вознесся на должную высоту, он вдруг просиял и шмякнул его на самое дно:

— Но вышеупомянутый полицейский одет по всей форме.

Прокурор изменился в лице, будто надел новую маску. Хиггинсон чуть не вывихнул шею, делая новую попытку разглядеть полицейского среди зрителей.

— Зеленовато-коричневая форма с красными лампасами, — подсказал адвокат. — Это маршал, начальник корпуса военной полиции.

— Вы мне этого не говорили, — обиженно заметил Хиггинсон.

— А вы тогда, на ферме, сказали обвиняемому, что вы офицер полиции?

Свидетель покраснел, открыл рот, закрыл его, умоляюще посмотрел на прокурора.

— Отвечайте на вопрос, — потребовал судья.

— Нет, я ему этого не говорил.

— Почему?

Вытирая платком лоб, Хиггинсон вдруг сказал охрипшим голосом:

— Не считал нужным: по-моему, это было и так видно. А как по-вашему?

— Задавать вопросы буду я, вы же будете отвечать на них. Что, по вашему мнению, маршал военной полиции «и так виден»?

— Протестую! — замахал руками прокурор. — Мнение — это еще не доказательство.

— Поддерживаю протест! — провозгласил судья в центре. Он посмотрел на адвоката поверх очков. — Суд принимает во внимание тот факт, что обвиняемый любую

информацию способен получать телепатически и поэтому свидетель не должен был представляться ему вслух. Продолжайте допрос свидетеля.

Адвокат снова обратился к Хиггинсону:

— Опишите, пожалуйста, во всех подробностях ваше поведение в тот момент, когда вас парализовало.

— Я тогда прицеливался.

— Собирались стрелять?

— Да.

— В обвиняемого?

— Да.

— Это входит в ваши привычки — сначала стрелять, а потом задавать вопросы?

— Привычки свидетеля не относятся к делу, — заявил судья в центре. Он взглянул на Хиггинсона: — Вы можете не отвечать на поставленный вопрос.

Офицер Хиггинсон, удовлетворенно ослабившись, игнорировал вопрос адвоката.

— С какого расстояния вы собирались стрелять? — продолжал допрос адвокат.

— С пятидесяти или шестидесяти ярдов.

— Так далеко? Вы хороший стрелок?

Хиггинсон осторожно кивнул, правда, без всякого чувства гордости. «Определенно этот толстяк — не такой уж простачок», — подумал он.

— В котором часу вы рассчитываете попасть домой на ужин?

Захваченный врасплох этим неожиданным маневром атакующего, свидетель от изумления открыл рот и произнес:

— К полуночи, наверное.

— Ваша жена будет рада узнать об этом. Если бы не радио и телевидение, разве вы могли бы передать ей это, передать словами?

— Не стану же я орать так, чтоб было слышно в Денвиле, — съехидничал Хиггинсон.

— Конечно, не станете. Человеческий голос без помощи радио и телевидения не может преодолеть такое расстояние. — Адвокат потер подбородок, подумал немного и вдруг воскликнул: — А телепатически «орать» на расстояние пятидесяти или шестидесяти ярдов вы станете?

Ответа не последовало.

— Или ваши телепатические способности превосходят способности обвиняемого, который сообщил мне, что у него они ограничены расстоянием в двадцать пять — тридцать ярдов?

Хиггинсон прищурился, но не ответил ничего.

— Вы и сами не знаете своих способностей?

— Не знаю.

— Жалы! — отрезал адвокат и, покачав головой, сел.

Третий свидетель — темная личность оливкового цвета — мрачно разглядывал свои ботинки, пока прокурор не начал допроса.

— Ваше имя?

— Доминик Лолордо.

Он произнес это тихим голосом, будто хотел, чтобы телезрители не только не видели его, но и не слышали.

— Вы — директор рыбного ресторана?

— Да.

— Вы узнаете это существо на скамье подсудимых?

Лолордо косил глаза.

— Да.

— При каких обстоятельствах вы видели его в последний раз?

— У меня в забегаловке, после закрытия.

— Оно ворвалось в помещение перед самым закатом, и вы проснулись в тот момент, когда оно приступило к грабежу, не так ли?

— Верно.

— Вы не попытались схватить его?

Лолордо состроил гримасу.

— Это его-то? Схватить? Да посмотрите на него!

— Но ведь если бы вы увидели, что вас грабят, паружность вора вас бы не остановила? — многозначительно заметил прокурор. — Тут, конечно, было что-то еще?

— Оно влезло в окно, — сказал Лолордо уже громче прежнего. — Прямо в окно, проделало в нем дыру, повторившую его собственные очертания. И ушло точно тем же путем — просто еще одна такая же дыра в окне. И ни разбитого стекла, ни осколков — ничего. Что бы вы на моем месте стали делать с зеленым кошмаром, который лезет в окно так, как будто там нет никакого стекла?

— Когда существо проявило свои сверхъестественные способности, вы бросились за помощью?

— А вы как думали?!

— Но помощь пришла слишком поздно? Когда бесвестного грабителя и след простыл?

— Да.

Прокурор жестом дал понять, что кончил, и к допросу приступил адвокат.

— Вы утверждаете, что вас ограбили. Что у вас украли?

— Так, пустяки.

— Это не ответ.

— Разве? — Лолордо зевнул с нарочитым безразличием.

Судья в центре, грозно нахмурившись, наклонился вперед.

— Вы что, хотите схватить срок за неуважение к суду?

— Он украл немного лобстеров и устриц, — неохотно, но поспешно ответил Лолордо.

— Другими словами, плотную еду, а? — спросил адвокат.

— Ну, если хотите...

— Вы не подумали, что обвиняемый был безумно голоден?

— Еще чего не хватало — думать! Я только взглянул на него — и давай бог ноги.

— Так что, если даже обвиняемый успел прочитать ваши мысли о том, что он совершил преступление, у него

уже все равно не оставалось времени на извинения или на возмещение причиненных вам убытков?

Ответа не последовало.

— А уж мысли-то вы излучали предельно враждебные?

— Да, конечно, в любви ему не объяснялся, — заметил свидетель.

Адвокат обратился к судьям:

— Свидетель не заслуживает доверия. Дальнейший допрос считаю нецелесообразным.

Судьи посоветовались, и тот, что в центре, холодно объявил о решении:

— Содержать под стражей в помещении суда до вынесения приговора.

Лолордо потопал прочь, бросая по сторонам злобные взгляды.

— Четвертый свидетель!

Трибуну занял энергичный человек среднего возраста — такими в кино представляют солидных президентов банков или знаменитых судей. И, по всей вероятности, с любой из этих ролей он бы великолепно справился.

— Ваше имя?

— Уинтроп Аллен.

— Профессор зоологии, не так ли? — спросил прокурор.

— Совершенно верно.

— Вы узнаете это существо?

— Как не узнать? Несколько месяцев я находился с ним в тесном контакте.

Сделав нетерпеливый жест, прокурор спросил:

— При каких обстоятельствах вы впервые столкнулись с ним?

На такой вопрос, очевидно, можно было бы не отвечать: весь мир знал эти «обстоятельства». О них толковали вкривь и вкось, сопровождая рассказы всякими прикрасами.

Тем не менее Аллен ответил:

— Оно появилось в зоопарке через два часа после закрытия. Как оно туда попало, я не знаю.

— Оно всюду совало свой нос, высматривая все, что можно высмотреть, все наматывая на ус?

Аллен заметил с сомнением:

— Что тут можно сказать...

— Осматривало оно все вокруг или нет?

— Конечно, ему многое удалось увидеть в зоопарке, прежде чем служители обнаружили его, но...

— Пожалуйста, отвечайте без выкрутас, профессор Аллен, — жестко заметил прокурор. — Продолжим: благодаря невероятному фурору, произведенному прибытием на Землю этого существа, и последующим событиями вашим служащим нетрудно было опознать его?

— Конечно. Они сразу сообщили мне о нем.

— Как же вы тогда поступили?

— Занялся этим делом сам. Нашел ему теплое удобное помещение в незанятой секции павильона рептилий.

Все в зале суда, включая и телевизионные камеры, с уважением воззрились на специалиста, который с таким хладнокровием действовал в столь необычайных обстоятельствах.

— Как же случилось, что вас при этом не разбил паралич, никто не уничтожил и вообще вы не стали жертвой сверхъестественного рока? — с кислой миной спросил прокурор. — Уж не излучали ли вы при этом самое сердечное приглашение?

Свидетель сухо ответил:

— Совершенно верно, излучал.

— Оставьте ваши шутки до лучших времен, профессор, здесь они неуместны, — сурово оборвал его прокурор. — Как бы то ни было, суд понимает, что вы отнесли это кошмарное существо к классу рептилий и отвели ему подобающее место.

— Чепуха! Просто павильон рептилий оказался свобо-

ден, удобен и поэтому приемлем. Обвиняемый не поддается нашей классификации.

Сделав презрительный жест, прокурор продолжал:

— Вам, вероятно, трудно объяснить суду, какими средствами вы одолели грозные силы и поймали это существо в ловушку?

— Я не ловил его. Я знал, что оно разумно, и соответствующим образом относился к нему.

— Если учесть заявление предыдущих свидетелей, вам крупно повезло, — колко заметил прокурор. — Почему этот уродец позволил вам в отличие от всех других вступить с ним в контакт?

— Просто он понял, что мой разум привык иметь дело с нечеловеческими формами жизни. А отсюда он логически пришел к выводу, что со мной легче, чем с кем-либо другим, наладить контакт.

— Логически пришел к выводу, — повторил прокурор и обратился к судьям: — Прошу, милостивые государи, обратить серьезное внимание на эти слова, учитывая, что данный свидетель находится на особом положении. — И он снова повернулся к Аллену: — Таким образом, вы считаете, что это существо обладает разумом?

— Безусловно!

— В течение нескольких месяцев вы имели возможность изучать разум этого незваного агрессора. Какой, по вашему мнению, уровень интеллекта у этого существа?

— Такой же, как и у вас, только он иной, совсем не похож на ваш.

— Вы считаете этого субъекта полноценным представителем его расы?

— У меня нет оснований думать иначе.

— То есть его раса равна нашей по разуму?

— Очень возможно. — Профессор Аллен потер подбородок, минуту подумал. — Да, я бы сказал, равна, если вообще можно сравнивать столь непохожие явления.

— А может быть, они даже превосходят нас и не только умственно, но и численно? — настойчиво гнул свою линию прокурор.

— Не знаю. Сомневаюсь.

— Но можно ли исключить такую возможность?

— Такие произвольные умозаключения не могут удовлетворять, и поэтому я...

— Не увиливайте от ответа! Существует ли возможность, пусть малейшая, что форма жизни, представляемая этим чудовищем, является самой страшной угрозой роду человеческому за всю его историю?

— Если сильно захотеть, угрозой можно назвать все что угодно, но...

— Угроза — да или нет?!

Вмешался судья в центре:

— Нельзя требовать определенного ответа от свидетеля на гипотетически поставленный вопрос.

Прокурор невозмутимо поклонился:

— Отлично, ваша честь, я поставлю вопрос иначе. — И возобновил допрос: — Считаете ли вы, как специалист, что интеллектуальный потенциал данной формы жизни достаточно высок, чтобы они напали, победили и поработили человечество, если бы они этого захотели?

— Не знаю.

— Это все, что вы можете сказать?

— Боюсь, что да.

— Но этого вполне достаточно, — резюмировал прокурор, многозначительно глядя в телекамеры на невидимое, многомиллионное жюри. — Значит, вы допускаете, что существует опасность, небывалая опасность?

— Я этого не говорил, — возразил Аллен.

— Но вы не утверждали и обратного, — парировал прокурор, занимая свое место с видом самоуверенным и довольным. — Я кончил.

Адвокат помедлил, прежде чем приступить к допросу.

— Профессор Аллен, как освещались в прессе ваши многочисленные заявления, касающиеся обвиняемого?

— Все они без исключения были грубо извращены, — хмуро ответил Аллен. Он бросил ледяной взгляд на большую группу репортеров, которые в ответ высокомерно ухмыльнулись.

— Обвиняемого неоднократно рассматривали как шпиона, к которому во избежание худшего нужно применить решительные меры. На основании сведений, которыми вы располагаете, вы поддерживаете эту версию?

— Нет.

— Как бы вы определили общественное положение обвиняемого?

— Он эмигрант, — ответил Аллен.

— Не правда ли, побуждения обвиняемого невозможно рассматривать как враждебные роду человеческому?

— Нет ничего невозможного, — сказал профессор Аллен, потому что он был воплощенная честность. — Обмануть можно и самого хитрого из нас. Но не думаю, чтобы меня обманули. Таково мое мнение, чего бы оно ни стоило.

Адвокат вздохнул:

— Как мне уже тут напоминали, мнение — это еще не доказательство. — Он опустил на стул, ворча себе под нос: — Хуже некуда! Какое несчастье!

— Пятый свидетель!..

— Десятый свидетель!..

— Шестнадцатый свидетель!

Шестнадцатый был последним в списке обвинения. Свидетелей могло быть в пять раз больше, но и этого хватало за глаза! И у них было что предложить для окончательного всеобщего приговора, соответствовавшего если не здравому смыслу, то по крайней мере предрассудкам — вполне убедительное, продуманное предложение о том, как поступать с кочующими формами жизни: терпеть их, дать им под зад коленом или сделать что-нибудь еще похуже. В настоящий момент стоял вопрос об общественной безо-

пасности, и решать, стоит ли подвергать себя риску, должна была сама общественность. Имея это в виду, все шестнадцать свидетелей обвинения составили грозный обвинительный акт против странного златоглазого подсудимого, покушаясь не только на его свободу, но и на саму жизнь.

Чувствуя себя хозяином положения, прокурор обращает повелительный взгляд на обвиняемого и приступает к допросу:

— Без дураков — зачем вы прилетели на Землю?

«Мне надо было сбежать из своего собственного мира».

— И вы думаете, мы в это поверим?

«Я ничего не думаю, — с трудом выводит на доске Мэт. — Я просто надеюсь».

— На что же вы надеетесь?

«На доброту».

Прокурор смущен. В поисках соответствующего саркастического ответа он молчит с минуту, пока не находит другой путь допроса.

— Так ваш собственный мир вас не устраивал? Что же вам в нем не нравилось?

«Все».

— То есть вы были там отщепенцем?

«Да».

— А наш мир вы рассматриваете как подходящую мусорную свалку для таких отщепенцев, как вы?

Мэт не отвечает.

— Я считаю, что ваше утверждение — сплошная чепуха, что вся эта ваша история — просто выдумка. Полагаю, что причины вашего появления здесь глубже и неблагоприятнее, чем вы хотите нам представить. Пойду дальше и скажу вам, что и прибыли-то вы сюда не из района Прорциона, а откуда-то гораздо ближе, с Марса, например.

Мэт по-прежнему хранит молчание.

— Да знаете ли вы, что инженеры — конструкторы межпланетных кораблей подвергли ваш потерпевший кру-

шение корабль длительному и серьезному обследованию и составили отчет об этом?

Мэт стоит совсем спокойно, смотрит отсутствующим взглядом вдаль и ничего не говорит.

— Знаете ли вы, что, хотя, по их мнению, ваш корабль превосходит все до сих пор сделанное нами в этой области и способен совершать полеты далеко за пределы Солнечной системы, тем не менее он не может достичь не только Проциона, но и Альфы Центавра?

«Это верно», — пишет на доске Мэт.

— И вы продолжаете упорствовать, что вы прибыли из системы Проциона?

«Да».

Прокурор недоуменно разводит руками.

— Ваша честь, вы слышали, что говорит это существо. Его корабль не мог долететь до Земли с Проциона. И все же оно прилетело с Проциона. Чудовище непоследовательно либо в силу своего слабоумия, либо потому — и это, видимо, более вероятно, — что оно неумело лжет. Поэтому мне представляется едва ли целесообразным дальнейший...

«Мой корабль и я ехали на астероиде», — выводит каракулями на доске Мэт.

— Ну вот! — Мистер прокурор саркастически показывает на доску. — Обвиняемый ехал на астероиде! Ничего себе выход из им самим созданного тупика — на астероиде, не больше и не меньше! — Он сдвинул брови и посмотрел на обвиняемого. — Ох, и длинный путь вы, должно быть, пределали!

«Да».

— Значит, вы посадили корабль на астероид и, пролетев на нем много миллионов миль, сэкономили таким образом горючее? Вы никогда не слышали о математической теории вероятностей, по которой вряд ли можно найти свободно плавающий астероид в каком бы то ни было районе космического пространства?

«Это действительно чрезвычайно редкое явление», — соглашается Мэт.

— И все же вы обнаруживаете такой именно астероид, который вместе с вами проделывает весь путь сюда? Самый поразительный из космических кораблей, не так ли?

«Он не проделал весь путь сюда. Только большую часть пути».

— Ну хорошо, — с легким презрением соглашается прокурор. — Девяносто девять миллионов вместо ста или сколько там должно быть. И все-таки это поразительно.

«Более того, — продолжает уверенно писать Мэт, — это вовсе не был какой-то специально выбранный астероид, который доставил бы меня именно сюда. Это был первый попавшийся астероид, который мог увести меня куда угодно. У меня не было определенной цели. Это был полет в пустоту, наудачу, на волю случая, навстречу моей судьбе».

— Так если бы вы сели на другой астероид, вас могло занести куда-нибудь еще, да?

«Или вовсе никуда, — дрожащей рукой пишет Мэт. — Судьба оказалась добра ко мне».

— Не будьте так уверены в этом. — Прокурор засунул пальцы в карман жилета и зловеще посмотрел на обвиняемого. — Если истинные ваши цели, истинные мотивы хоть немного похожи на те, что вам приписывают наши вечно бдительные газетчики, то ваша защитительная речь должна быть безукоризненной, она должна убеждать. Представленный же сейчас вами вариант абсолютно бездоказателен. Кроме голословных утверждений, утверждений уродливого иноземца с неизвестными нам намерениями, мы, суд, ничего от вас не получили. — Он передохнул и закончил: — Можете вы представить на рассмотрение суда что-нибудь более существенное, чем ваша фантастическая история?

«Я не знаю, как бороться с недоверием, — пишет Мэт медленно, устало, — Только верой».

Прокурор отвергает это заявление резко и безжалостно:

— Сколько еще подобных вам находится сейчас в нашем мире и проводит в жизнь свои подлые планы, пока вы тут в полном блеске славы морочите нам головы?

До сих пор подобная мысль никому не приходила в голову — ни тем, кто находится в зале, ни за пределами его. Теперь с полдюжины репортеров втихомолку корили себя за то, что вовремя не набрали на эту ценную идею и не воспользовались ею. С самого начала предполагалось, что на планете пребывает всего лишь один пришелец, что он в надежных руках. Но ведь, действительно, где гарантия того, что десятки, а то и сотни других не скрываются в тени, не ждут своего часа? Люди переглядываются, беспокойно ерзают на своих местах.

«Кроме меня, никого на корабле не было,» — пишет мелом на доске Мэт.

— Правда. Пожалуй, это первое ваше свидетельство, которое не вызывает сомнений. Ведь эксперты в отчете показали, что корабль, на котором вы прибыли, одноместный, так что, очевидно, вы были на нем одни. Но сколько еще ваших кораблей приземлилось примерно в это же время?

«Ни одного».

— Хотелось бы верить вам, — говорит прокурор, своим замечанием снова внося беспокойство в ряды слушателей. — На вашей планете, видимо, существует немало кораблей и более мощных и гораздо более вместительных, чем ваш, верно?

«Много, — соглашается Мэт. — Но они не быстроходнее моего и не могут летать на более далекие расстояния. Они только могут нести большой груз».

— Откуда у вас собственный корабль?

«Украден».

— Неужели вы его украли? — с ухмылочкой поднимает брови прокурор. — Так вы вор, признающийся в собственном преступлении! — Тут он делает вид, что его вдруг озарила идея: — А, между прочим, каждый понимает, что

лучше признаться в воровстве, чем в шпионаже. — Он дает этой мысли пустить корни, прежде чем нанести следующий удар. — Не будете ли вы добры рассказать нам, сколько еще ваших смелых и отчаянных соотечественников готовы или готовятся последовать вашему примеру в завоевании нашего мира?

Поднимается адвокат и говорит:

— Я рекомендую клиенту не отвечать на этот вопрос.

Его противник нетерпеливым жестом предлагает адвокату сесть и обращается к судьям:

— Ваша честь, я готов изложить версию обвинения.

Судьи смотрят на часы, совещаются между собой, разрешают:

— Приступайте!

Речь прокурора была блистательной, разгромной, продолжительной, камня на камне не оставившей от защиты. В ней вновь приводились доказательства тяжести преступления, делались намеки, которые наводили невидимую аудиторию на еще более мрачные мысли. Нельзя сказать, чтобы прокурор испытывал истинную ненависть или страх перед незванным гостем — просто он блестяще выполнял свой профессиональный долг.

— Этот процесс, этот необычайный, уникальнейший процесс, — говорил прокурор, — войдет в историю права и законности. Он представляет собой прецедент, в соответствии с которым мы будем строить свои отношения с будущими пришельцами из космоса. И вам, представителям общественного мнения, принадлежит решающая роль в установлении этих отношений; вам и только вам достанется либо пожинать плоды союза с иными цивилизациями, либо... — он сделал паузу, потом жестко добавил: — Либо взвалить на свои плечи все ужасы инопланетной интервенции. И, позвольте вам заметить, плоды союза могут быть весьма незначительными, в то время как ужасы интервенции безмерны.

Откашлявшись, отпив глоток воды, он снова приступил к делу:

— И вот, чтобы наилучшим образом решить этот вопрос, прийти к правильным выводам, вам не остается ничего другого, как исходить из опыта общения с этим фантастическим типом, которому вы к тому же должны вынести приговор.

Он повернулся к Мэту и дальше на протяжении всей своей речи не спускал с него глаз.

— Это существо не было приведено к присяге, так как мы не знаем, чему оно может присягнуть. Его этика — если таковая вообще существует, — это их этика, ничего общего не имеющая с нашей. Все, что мы знаем о нем, мы знаем с его слов, почерпнули из его весьма красочной фантастической истории, столь неправдоподобной для человеческого уха, что вряд ли можно винить кого-либо из нас за то, что он считает это существо бессовестным лжецом.

При этих словах огромные глаза Мэта закрылись от боли и страдания, но прокурор решительно продолжал:

— Если вопрос об искренности этого существа можно считать открытым, то в некоторых других аспектах — например, уважение к собственности, к закону — обвинение строится на фактах. А ведь это краеугольные камни нашей цивилизации, они создавались веками, и мы не дадим сокрушить их, пусть ради этого нам придется драться с самими необыкновенными пришельцами!

Тут он немного перехватил: уж очень явно это маленькое большеглазое существо не подходило на роль сокрушителя цивилизаций. Тем не менее нарисованная им перспектива должна была сформировать мнение тысяч, миллионов людей. Если они еще сомневаются, лучше действовать наверняка.

— Он — вор. Более того: человек, сам признающий себя вором. Он обокрал не только нас, но и своих соотечественников, — продолжал наступление прокурор, не замечая, что употребляет по отношению к пришельцу уже место-

имение не среднего рода, а мужского и называет его не «существом», а «человеком», — Сокрушитель, и притом разумный сокрушитель, и, возможно, предтеча целого сонма сокрушителей. Я думаю, что там, где прошел один, может пройти и целая армия! — И, не затрудняя себя вопросом, где найти столько астероидов, чтобы доставить к Земле сонмища пришельцев, добавил: — Сотни армий!

То повышая, то понижая голос, то с вызовом, грубо, то мягко, вкрадчиво, он говорил, играя, как органист играет на гигантском органе, на чувствах своих слушателей, вызывая к земному патриотизму, потворствуя ограниченности, оправдывая предрассудки, раздувая страхи — страх перед самим собой, страх перед другими, страх перед необычным по форме, страх перед завтрашним днем, страх перед неизведанным. Речь его была высокопарной, насмешливый тон сменялся торжественным, а затем саркастическим.

— Он, — говорил прокурор, указывая на Мэта и все еще употребляя местоимение мужского рода, — он просит считать его гражданином нашего мира. Принять его со всеми его штучками-дрючками, с его сверхъестественными способностями, с его тайными побуждениями, которые, может быть, станут явными, когда будет уже слишком поздно? А не лучше ли — пусть даже он и в самом деле так чист и непорочен, как он хочет нас уверить, — не лучше ли несправедливо покарать его одного, чем подвергать бесконечно большому риску великое множество других?

Он с вызовом осмотрел аудиторию.

— Предположим, мы примем его как беженца. Но кто даст ему кров? Кто захочет жить рядом с существом, столь чуждым человеку? — Он ухмыльнулся. — Впрочем, такие есть, жаждущие составить ему компанию. Как бы неправдоподобно это ни звучало, нашлись люди, которым он нужен.

Он поднял над головой письмо, чтобы все видели, и сказал:

— Этот человек предлагает ему кров. Он пишет, что во время восьмого воплощения на Прочионе сам он стоял на позициях нетерпимости... — Он швырнул письмо на стол. — Ненормальные встречаются и среди нас. Но, к счастью, судьбу человечества будут решать уравновешенные, разумные граждане, а не хронические идиоты.

Поток слов лился еще полчаса. Закончил он так:

— По нашим законам, шпиона-человека ждет быстрый конец, от человека, подозреваемого в шпионаже, мы легко избавляемся. Не вижу причин, почему инопланетный шпион заслуживает более мягкого обхождения, чем шпион-человек. Вот перед нами существо, в лучшем случае просто нежелательное, в худшем — первый агент разведки грозного врага. Обвинение считает, что в интересах всеобщей безопасности вы должны рассмотреть только два возможных варианта приговора: смертный приговор или немедленный выброс подсудимого в космос, туда, откуда он прибыл. Доказательства его вины весомы, и другой альтернативы у нас нет. Вы не могли не заметить, что все выступавшие здесь свидетели были свидетелями обвинения. Разве не знаменательно то, что у защиты не оказалось ни одного свидетеля? — Он подождал, пока смысл сказанного дойдет до слушателей, и, повторив: — Ни одного! — окончательно пригвоздил обвиняемого к позорному столбу.

Еще один глоток воды, и он сел, аккуратно расправив складку на брюках.

Теперь, кажется, ни у кого не осталось сомнений: Мэт — гад вонючий.

Адвокат произвел легкую сенсацию, встав и заявив:

— Ваша честь, защита отказывается излагать свою версию.

Судьи посмотрели на него так, словно он был в десять раз чуднее своего клиента. Они пошелестели бумагами, пошептались между собой.

Через некоторое время судья в центре спросил:

— Это означает, что вы целиком полагаетесь на вердикт всеобщего голосования?

— В конечном итоге, без сомнения, ваша честь, но еще не теперь. Мне необходимо провести дополнительный допрос и затем построить версию, основываясь на нем.

— Приступайте, — разрешил судья, в сомнении нахмурив брови.

Адвокат обратился к Мэту:

— Все обитатели вашей планеты, так же как и вы, скажем... телепаты и не обладают устной речью?

«Да, все».

— У них общий нейροцентр, или, говоря проще, они прибегают к помощи общественного мозга?

«Да».

— Расскажите суду о своих родителях.

Мэт, закрыв глаза, на какой-то миг погрузился в воспоминания.

«Мои родители были не как все. Они были уродами. Они удалялись от нейροцентра до тех пор, пока почти не потеряли связь с остальными».

— И они погибли вдали от всех?

«Да», — после долгой паузы, медленно, неуверенно, дрожащими тонкими линиями вывела на доске рука Мэта.

— И вы, видимо, впали в полное отчаяние?

«Да».

Адвокат обратился к судьям:

— Мне хотелось бы задать еще несколько вопросов четвертому свидетелю.

Судьи дали согласие, и профессор Аллен снова прошел к месту свидетелей.

— Профессор, будьте добры, как эксперт и человек, долгое время лично изучавший моего клиента, скажите, пожалуйста, молод он или стар?

— Он молод, — без заминки ответил Аллен.

— Очень молод?

— Довольно молод, — сказал Аллен. — По нашим понятиям, не достиг зрелости.

— Спасибо. — Адвокат обвел мягким бесхитростным взглядом зал. На его полном, добродушном лице ничто не предвещало надвигающегося шторма. Тихим голосом задал он следующий вопрос: — Мужчина это или женщина?

— Женщина, — ответил профессор Аллен.

Репортер уронил блокнот. И в течение нескольких минут звук падения блокнота был единственным звуком в наступившей тишине. А потом раздался общий вздох, застрекотали кинокамеры, спеша запечатлеть Мэт, возгласы удивления прокатились из конца в конец зала.

А наверху, на балконе, остроумнейший из современных карикатуристов рвал на кусочки свое последнее произведение, где он изобразил обвиняемого привязанным к хвосту ракеты, которая отправлялась на Луну. Подпись внизу гласила: «Кактус отправился в путешествие». А теперь — куда это годилось? Назвать его... нет, ее, «кактусиха»? В поисках новой темы он почесал в затылке, сознавая в то же время, что какая тут может быть тема, не четвертовать же маленькую одинокую женщину.

Прокурор сидел с поджатым ртом, всем своим видом напоминая фаталиста, из-под ног которого вырвали по крайней мере восемьдесят процентов почвы. Он-то знал эту публику. Он мог оценить общественную реакцию с точностью до десяти тысяч голосов.

Все теперь смотрели только в золотистые глаза Мэт. Они были огромные, как и прежде, но теперь казались мягче и светились вроде бы ярче. Теперь, когда стало известно, что они принадлежат женщине, все увидели, что в них действительно есть что-то женственное. И каким-то странным, непонятным образом морщинки вокруг глаз вдруг помягчели, в них промелькнуло что-то, отдаленно похожее на человеческое.

Полночь. Большой каменный подвал с металлической решеткой, стол, кровать, два стула и радио в углу. В камере двое: Мэт и толстяк адвокат. Беседуют, изучают корреспонденцию, посматривают на часы.

— Вообще-то говоря, обвинение село в лужу с этим письмом, — говорит защитник: он все никак не отвыкнет выражать свои мысли вслух, хотя прекрасно знает, что собеседница слышит его мысли, а не слова. Толстым указательным пальцем он похлопывает по пачке писем, которые они только что прочитали. — Мне ничего не стоило положить его на обе лопатки, предъявив эти письма, написанные неделю назад прямо в наш адрес. Но что бы это дало? Лишний раз доказало бы, что люди мыслят по-разному.

Он вздохнул, потянулся, зевнул, сотый, наверное, раз взглянул на часы и вынул очередное письмо.

— Вот послушайте.

И стал читать письмо вслух.

«Мой тринадцатилетний сын докучает нам просьбой предложить вашему клиенту хотя бы недолго побыть в нашем доме. Может быть, вы сочтете за глупость с нашей стороны, что мы ему во всем потакаем, но нам так легче. У нас здесь есть свободная комната, и если ваш клиент чистоплотен и в банные дни не боится пара...»

Последние слова он прочел невнятно, сквозь сдерживаемый зевок.

— Предполагают, что всеобщее голосование должно закончиться к шести часам утра. Но, уверяю вас, раньше восьми или даже десяти им не кончить. Такие вещи никогда не проходят в положенный срок. — Он поерзал на жестком стуле, тщетно стараясь устроиться поудобнее. — Как бы там ни было, что бы ни произошло, я останусь с вами до самого конца. И не думайте, что я у вас единственный друг. — Он потрогал пачку писем. — Вон их сколько, вам остается выбирать.

Мэт все это время была занята чтением записки, напи-

санной неуверенным, неровным почерком. Потом она дотянулась до карандаша и бумаги и написала:

«Аллен объяснил мне не все слова. Что такое «ветеран»? — Получив от доктора объяснение, она написала: «Мне больше всех нравится этот. У него травма. Если меня освободят, я приму его приглашение».

— Ну-ка, покажите. — Толстяк взял письмо, прочитал его, похмыкивая, и вернул ей. — Как хотите. Впрочем, у вас с ним есть что-то общее, поскольку вы оба не в ладах с этим дурацким миром. — Он снова взглянул на часы и проворчал: — Да идут ли вообще эти часы? Что нам, целую неделю ждать утра, что ли?

Кто-то, звеня связкой ключей, открыл дверь, и в камеру вошел прокурор. Улыбнувшись сопернику, он сказал:

— Эл, вы настолько основательно почувствовали себя узником, что отказываетесь даже от тех немногих удобств, которые предоставлены тюрьмой?

— От чего именно?

— Да от радио!

Адвокат презрительно фыркнул.

— К черту радио! От него только шум. Мы тут занимались чтением писем, в тишине и покое... — Вдруг на его полном лице отразилось замешательство. — А что, мы здесь что-нибудь прослушали, что-нибудь передавали?

— Последние известия в двенадцать. — Прокурор облокотился на край стола, продолжая улыбаться. — Голосование прекращено.

— Не может быть! — Лицо адвоката вспыхнуло от гнева, он встал. — Ведь по всемирному соглашению приговор...

— Может быть... при известных обстоятельствах, — прервал его прокурор. — А обстоятельства сложились так, что несметный поток голосов в защиту вашего клиента сделал дальнейший подсчет ненужным. — И он повернул к Мэт: — только это строго между нами, моя дорогая: я еще никогда так не радовался своему поражению.

Человек средних лет, рано поседевший, с длинными тонкими пальцами, слушал радио в дальней комнате, когда раздался звонок в дверь. В комнате не было телевизора, только по радио звучала нежная полинезийская мелодия. Звонок прорвался сквозь музыку, хозяин выключил радио и поднялся. Очень осторожно он пересек комнату, открыл дверь и вышел в коридор.

Странно. В этот предвечерний час некому было звонить. Сюда почти никто не заходит. Почтальон обычно заезжает утром, среди дня забредут иногда один-два торговца. А позднее редко кто появляется, чрезвычайно редко. И сегодня он никого не ждал.

Тихо — толстый ковер заглушал звук шагов, — на ощупь, вдоль стены пробирался он по коридору к парадной двери.

Что-то очень необычное было в этом позднем визите. По мере того как он приближался к двери, в душу ему закрадывалось удивительное чувство — будто он заранее знал, кто ждет его там, снаружи. В его сознании складывалась картина, пока смутная, как бы переданная какими-то непонятными ему средствами, словно ее проецировал один из тех, кто стоял, исполненный надежд, там, за дверью. Он видел крупного, полного добродушного мужчину в сопровождении крошечного зелено-золотого существа.

Хотя он прошел через суровые испытания и беды — это из-за них он теперь такой, — нервы у него были в порядке, и он ни в коем случае не принадлежал к тому типу людей, которым мерещатся разные небылицы, и вообще он не был склонен к галлюцинациям. И его обеспокоили, расстроили даже эти неизвестно откуда явившиеся видения. Он никогда раньше не знал большого толстого человека, портрет которого ясно вырисовывался в его сознании, никогда, даже в лучшие времена. А о его спутнике и говорить нечего...

Встречаются, конечно, люди с весьма обостренными чувствами, с необычайно развитыми, удивительными способностями. Были и у него способности — ведь судьба ми-

лостива к пострадавшим и старается компенсировать их потери. И трудно ему было бы без этих способностей. Но это было что-то новое, незнакомое.

Пальцы его, обычно такие чуткие, не повиновались ему, когда он нащупывал дверной замок, будто они на какое-то время забыли, где он находится. Нащупав наконец замок, они повернули ручку, и тут он услышал тонкий, будто птичий голосок, который прозвучал прямо у него в мозгу, ясно, как колокольчик:

— Откройте, пожалуйста, я буду вашими глазами.

В той мере, в какой андромедскую мысль-импульс можно выразить буквами, его звали Хараша Вэнеш. Основой основ его существа было самомнение, тем более опасное, что оно было вполне оправданно. Хараша Вэнеш испытал свои природные дарования на пятидесяти враждебных мирах и оказался непобедимым.

Мозг, наделенный способностью к воображению, — вот величайшее преимущество, которым может обладать живое существо. Это его главная опора, средоточие его силы. Однако для Вэнеша именно сознание противника было наиболее уязвимым местом, брешью в броне, средством его покорения.

Но и ему было доступно не все. Он не мог воздействовать на сознание тех, кто принадлежал к тому же биологическому виду, что и он сам, и был наделен теми же способностями. Существо без разума он тоже не мог причинить особого вреда — разве что дать ему хорошего пинка. Однако если чуждая форма жизни умела мыслить и обладала воображением, она становилась его добычей.

Вэнеш был гипнотистом самой высшей пробы и работал без осечки. Он воздействовал на мыслящий мозг с любого расстояния и за тысячную долю секунды успевал убедить его в чем угодно: что черное — это белое, что правда — это ложь, что солнце позеленело, а движение на перекрестке регулирует фараон Хеопс. И внушенное им не стиралось, если только он сам не считал нужным его стереть. В какое бы вопиющее противоречие со здравым смыслом это ни вступало, жертва продолжала бы твердить свое, присягать, клясться на Библии или на Коране и в конце концов очутилась бы в психиатрической лечебнице.

Было только одно ограничение, действенное, по-видимо-

му, для любого места в космосе: он не мог принудить живое существо к самоубийству. Тут в дело вступал вселенский инстинкт самосохранения, который не поддавался никакому воздействию.

Впрочем, в запасе у Вэнеша оставалось средство почти столь же действенное. Он мог проделать со своей жертвой то же, что змея проделывает с кроликом: внушить ей, будто она парализована и не в состоянии бежать от верной смерти. Он не мог заставить апполана, обитавшего на планетах Арктура, самого перерезать себе горло, но апполав покорно ждал, чтобы Вэнеш подошел к нему и сделал это собственноручно.

Да, Хараше Вэнешу было за что себя уважать. Обработав пятьдесят миров, можно считать, что пятьдесят первый уже у тебя в кармане. Опыт — это верный и преданный слуга, всегда готовый поднести чашу самопоения.

И на Землю он опустил в самом беззаботном настроении. Накануне он произвел разведку с воздуха, вызвав обычные слухи о летающих блюдцах, хотя его корабль совсем не напоминал никакую посудину.

Он приземлился среди холмов никем не замеченный, вышел из корабля, включил автопилот, который должен был вывести корабль на отдаленную орбиту, и спрятал между камней маленький компактный прибор — с его помощью корабль можно было вызвать в любую минуту.

Там, в вышине, кораблю ничто не грозило. А если бы земляне и обнаружили его с помощью телескопа, что представлялось весьма маловероятным, то сделать они все равно ничего не сумели бы. Ракетных кораблей у них нет. Так пусть себе смотрят, гадают, что же это такое, и терзаются тревогой.

Предварительная разведка не дала ему никаких интересных сведений о внешнем облике и строении высшей формы жизни на планете. Настолько он к ее поверхности

не приближался. Впрочем, он намеревался установить только, заслуживает ли эта планета внимания и в достаточной ли степени развито сознание у наиболее разумных из населяющих ее существ. И очень скоро стало ясно, что он наткнулся на весьма лакомый кусочек — на мир, который вполне заслуживает, чтобы андромедские полчища прибрали его к рукам.

Физические же возможности будущих рабов в данную минуту существенного интереса не представляли. Хотя различия между Вэнешом и землянами не были такими уж разительными, однако при виде его любой из них завопил бы от ужаса. Но, впрочем, это им не грозило. Таким, как он есть, они его никогда не увидят. Им он будет представляться таким же, как они сами: в их сознании он мог придать себе какое угодно обличье.

А потому для начала следовало найти наиболее заурядного туземца, который ничем не выделялся бы в толпе ему подобных, создать видеограмму его внешности и запечатлеть ее во всех сознаниях, с которыми ему придется вступать в контакт до тех пор, пока не настанет время сменить один облик на другой.

Процесс общения также не сулил никаких трудностей. Он будет читать вопросы и проецировать ответы, лексическое и грамматическое оформление они обретут в сознании того, с кем он будет общаться. А общаются ли они с помощью звуков, которые издают ртом, или жестикулируя гибкими хвостами, значения не имеет. Подчиненное сознание воспримет его мысль, а соответствующие звуки и движения рта или подергивания хвоста отыщет уже оно само.

Он повернулся и пошел напрямик, туда, где пролежала оживленная дорога, которую он заметил еще во время спуска. На юге небо прочертили несколько примитивных самолетов реактивного типа, и он остановился, одобрительно провозжая их взглядом. Главным недостатком пригодных к делу рабов была тупость, которая снижала коэффициент их полезности. Но тут этого опасаться нечего.

Он шел между холмами, вооруженный только крохотным компасом, без которого не сумел бы вернуться к посадочному прибору. Больше он ничего с собой не взял — никакого оружия, ни ножа, ни пистолета. Зачем обременять себя лишней тяжестью? Если ему понадобится орудие уничтожения, первый же подвернувшийся под руку проstack-туземец отдаст ему свое и еще спасибо скажет. Только и всего. Он уже десятки раз так делал.

У шоссе стояла небольшая бензозаправочная станция с четырьмя колонками. Спрятавшись в кустах ярдах в пятидесяти от нее, Вэнеш вел наблюдения. Гм-м-м... Двунogie, карикатурно похожие на него, но конечности сгибаются только в одну сторону и волос несравненно больше. Один включал насос, другой сидел в машине. Он не мог создать цельный образ этого последнего, так как видел только его голову и плечи. На первом же была фуражка с лакированным козырьком и металлической бляхой и форменный комбинезон с алой цифрой на кармане.

Он решил, что ни тот, ни другой не подходит для создания мысленной видеограммы. Один дает для нее слишком мало материала, второй — слишком много. Те, кто носит форму, обычно находятся на службе, имеют строго определенный круг обязанностей и вызовут недоумение, а то и подвергнутся допросу, если окажутся там, где им быть не положено. Лучше выбрать объект, обладающий полной свободой передвижения.

Машина отъехала. Форменная фуражка вытер руки о кусок ветоши и уставился на шоссе. Вэнеш продолжал наблюдать. Несколько минут спустя к колонке подъехала еще одна машина. Из ее крыши торчала антенна, а внутри сидели двое туземцев, одетых совершенно одинаково: фуражки с козырьками, металлические пуговицы, бляхи. Лица у них были грубые, глаза холодные и безжалостные — несомненно, представители власти. Тоже не подходят, решил Вэнеш. Слишком заметны.

Не подозревая об этом осмотре, один из полицейских спросил заправщика:

— Видел что-нибудь интересное, Джо?

— Ничего такого. Все тихо.

Патрульная машина покатила дальше, а Джо вошел внутрь станции. Вэнеш вытащил из тубика душистый боб и принялся задумчиво его жевать, ожидая появления новой машины. Итак, они разговаривают посредством ротового аппарата, лишены телепатических свойств, мыслят по стандарту — короче говоря, готовые марионетки для любого гипнотиста, который вздумает подергать их за ниточки.

Тем не менее их автомобили, реактивные самолеты и другие технические игрушки показывали, что туземцев время от времени посещало вдохновение. Согласно андромедской теории, единственной реальной опасностью для гипнотиста было гениальное прозрение, ибо только так иные формы жизни способны обнаружить существование гипнотиста, разобраться в его действиях и расставить ему ловушку.

Это было вполне логично — согласно логике андромедян. Их собственная культура создавалась благодаря отдельным озарениям, которые из века в век добавляли к ней все новые и новые факторы, возникая из ничего каким-то необъяснимым образом. Но озарения происходят спонтанно, сами по себе. Их нельзя искусственно вызвать, какой бы острой ни была потребность в них. А потому тот, у кого не было этой искры, оказывался бессилён, и ему оставалось только покорно ждать своей очереди.

Но скрытая опасность, которую таит в себе всякая чужая культура, заключается в том, что никакой пришелец не в состоянии узнать про нее все, охватить в ней все, разгадать все. Например, кто бы мог предположить, что местные мыслящие существа отличаются интеллектуальной нетерпеливостью? И что из-за этого они никогда не умели сидеть сложа руки и ждать озарения? Вэнеш не знал и даже не мог бы вообразить, что гениальные озарения землянам

заменяет скучная, рутинная и, как правило, недооцениваемая работа. Велась она медленно, неуклонно, выматывающе и без внешних эффектов, но ее всегда можно было пустить в ход по мере надобности, и она давала результаты.

Называли это по-разному: «тянуть ляжку», «бить в одну точку», «не искать легких путей» или же попросту «паршивой будничной работой». Ну где еще кто-нибудь об этом слышал?

Во всяком случае, не Вэнеш и его сородичи. А потому он продолжал ждать в своей засаде, пока наконец какой-то sereneкий, ничем не примечательный индивид не вылез из своей машины и не начал прогуливаться взад-вперед, услужливо предоставляя Вэнешу для копирования все частности своего облика, манеру держаться и одежду. По-видимому, он принадлежал к породе невидных и неслышных особей без глубоких корней, каких можно встретить десятками на любой улице. Вэнеш мысленно сфотографировал его со всех возможных точек, зафиксировал во всех деталях и решил, что больше ждать ему нечего.

Во время спуска Вэнеш заметил, что в пяти милях к северу по шоссе расположено маленькое селение, а в сорока милях от него — большой город, и решил сначала задержаться в селении, набить там руку на туземных обычаях и уж потом отправиться в город. Теперь он мог бы смело выйти из кустов и принудить свою модель отвезти его туда, куда ему было нужно. Это была соблазнительная мысль, но неразумная. Прежде чем он покинет эту планету, ее обитатели начнут ломать голову над множеством необъяснимых происшествий, и не нужно, чтобы первое из них произошло в непосредственной близости от его стартовой площадки. Форменная фуражка наверняка начнет рассказывать всем и каждому об удивительном случае: его клиент взялся подвезти какого-то человека, а он оказался его двой-

ником. Да и сама модель, возможно, будет жаловаться: «Еду — и все время такое ощущение, будто я в зеркало смотрюсь». Несколько таких фактов, и гениальное озарение составит из них верную картину ужасной истины.

А потому Вэнеш подождал, чтобы его модель отъехала, а Джо ушел внутрь станции. Тогда он выбрался на шоссе, прошел полмили на север и остановился, повернувшись к югу.

За рулем первого нагнавшего его автомобиля сидел коммивояжер, который никогда, никогда, никогда не подвозил «голосующих». Он наслушался достаточно историй о том, как добросердечных автомобилистов грабили и убивали, и не собирался подставлять голову под кастет. Если вон тот рассчитывает на него, то так и простоит тут с задранной рукой до будущего четверга.

Он остановился и взял Вэнеша в машину, не понимая, что его на это толкнуло. Он сознавал только, что ни с того ни с сего отступил от своего твердого принципа и согласился подвести худого, унылого, молчаливого типа, который больше всего смахивал на пожилого гробовщика.

— Далеко едете? — спросил коммивояжер, немного встревоженный своим слабоволием.

— До ближайшего городка, — ответил Вэнеш. Вернее, коммивояжеру почудилось, что он так ответил: он ясно расслышал эти слова и даже на смертном одре поклялся бы, что слышал их. Уловив в его мозгу название городка, Вэнеш спроецировал его обратно, и коммивояжер услышал: — В Нортвуд.

— А где вас там высадить?

— Неважно. Городок маленький. Остановитесь, где вам будет удобнее.

Коммивояжер хмыкнул в знак согласия и больше не заговаривал со своим пассажиром. Мысли его мешались: с чего это он вдруг разыграл из себя доброго самаритянина? В Нортвуде он остановил машину.

— Это вам подойдет?

— Спасибо, — сказал Вэнеш, вылезая. — Очень вам благодарен.

— Не за что, — ответил коммивояжер и поехал дальше, не убитый и не ограбленный.

Вэнеш проводил его взглядом и начал знакомиться с Нортвудом.

Городок оказался даже меньше, чем он предполагал. Магазины на длинной главной улице и на двух коротких боковых. Железнодорожная станция с депо. Четыре небольших промышленных предприятия. Три банка, почта, пожарное депо, два-три муниципальных здания. Вэнеш прикинул, что в Нортвуде живет тысяч пять земель, причем не меньше трети из них работает на окрестных фермах.

Он неторопливо шел по главной улице, и туземцы не обращали на него ни малейшего внимания, хотя сталкивались с ним буквально нос к носу. Но это не щекотало ему нервы: он столько раз находился в подобной же ситуации на других планетах, что давно перестал извлекать из этого удовольствие. Ему было попросту скучно. Тут его увидела собака, испуганно взвыла и бросилась наутек. Никто этого не заметил, и он тоже.

Первый урок он получил внутри магазина. Желая узнать, как туземцы приобретают то, что им требуется, он вошел туда вместе с компанией земель. Оказалось, что они пользуются меновым средством в форме печатных бумажек и металлических дисков. Следовательно, он избавит себя от многих хлопот, если сразу же обзаведется запасом этих бумажек и дисков.

Зайдя затем в переполненный магазин самообслуживания, он быстро разобрался в относительной стоимости денег и составил довольно верное представление об их покупательной способности. Затем он прикарманил небольшую сумму и позаботился сделать это не своими руками. Операция была проще простого.

Стоя в стороне, он сосредоточился на дородной покупательнице, настоящем воплощении добропорядочности. Повинуясь его сигналу, она вытащила кошелек у соседки, рассматривавшей пакеты, вышла из магазина, бросила кошелек на пустыре, даже не заглянув в него, вернулась домой, обдумала случившееся и решила держать язык за зубами.

Улов составил сорок два доллара. Вэнеш их тщательно пересчитал, направился в кафетерий и израсходовал часть их на плотный обед. Ему ничего не стоило бы пообедать даром, но это значило бы обнаружить себя и дать тот материал, который в миг озарения может быть правильно истолкован. Одни блюда показались ему отвратительными, другие были сносны, но в первый раз ничего другого ждать и не следовало, а дальше он научится выбирать.

Нерешенной оставалась проблема ночлега. Сон ему требовался не меньше, чем низшим формам жизни, и для него нужно было найти место. О том, чтобы всхрапнуть под чистым небом или в каком-нибудь сарае, не могло быть и речи: с какой стати он будет спать на сене, если туземцы нежатся на пуховиках?

Присматриваясь, читая мысли, справляясь у прохожих, он мало-помалу выяснил, что может поселиться в отеле или в мебелированных комнатах. Первый вариант его не прельстил: это значило почти все время быть на людях и перенапрягаться. В отеле будет опасно на время отключиться и стать самим собой, а он нуждается в таком отдыхе.

Вот в собственной комнате, где ему не будет постоянно грозить вторжение горничной, имеющей второй ключ, он сможет вернуться в нормальное состояние, выспаться и спокойно на досуге обдумать дальнейшие планы.

Он без особого труда отыскал подходящие мебелированные комнаты. Неряшливая толстуха с четырьмя бородавками на багровом лице показала ему его будущий приют и потребовала двенадцать долларов задатку, потому что у

него не было багажа. Уплатив, он сообщил ей, что его зовут Уильям Джонс, что он приехал сюда на неделю по делам и не любит, чтобы ему мешали.

В ответ она дала ему понять, что ее заведение — истинная обитель мира для приличных людей, а если какой-нибудь забулдыга вздумает привести к себе девку, он в два счета отсюда вылетит. Он заверил ее, что ему ничего подобного в голову не приходило — и это было чистой правдой, так как нечто подобное могло ему привидеться только в кошмаре. Удовлетворенная его заверениями, она удалилась.

Вэнеш присел на край кровати и начал обдумывать положение. Конечно, ему ничего не стоило бы рассчитаться с ней полностью, не уплатив при этом ни единого реального цента. Она ушла бы, глубоко убежденная, что получила с него то, что ей причитается. Но двенадцати долларов у нее все равно не хватало бы, и их таинственная пропажа не могла бы ее не озадачить. И если он останется тут, значит, ему пришлось бы снова и снова ее обманывать, и в конце концов только клинический идиот не заметил бы, что ее убытки точно соответствуют сумме, которую она должна получать с него.

Можно было бы заплатить из чужого кармана, а через неделю переехать и повторить все на новом месте. Но такой способ имел свои теневые стороны. Если это станет известно, мошенника начнут разыскивать, и ему придется сменить личность.

Ни кражи, ни смена личности его не смущали — при условии, что в них существует реальная необходимость. Но он не любил размениваться по мелочам. Это его раздражало. Идти на поводу у второстепенных обстоятельств — значило как бы принимать условия игры, навязываемые ему туземцами, а это оскорбляло его самолюбие.

Тем не менее он не мог не признать очевидной предпосылки и неизбежного вывода: на этой планете, чтобы действовать спокойно, без неприятных осложнений, нужны

были деньги. Следовательно, он должен либо раздобыть достаточный запас реальных денег, либо постоянно создавать иллюзию, будто они у него есть. Для того чтобы решить, что проще, особого ума не требовалось.

На других планетах жизненные формы оказывались такими медлительными и тупыми, а их цивилизации — такими примитивными, что для достаточно точной оценки их как будущих противников, а затем рабов много времени не потребовалось. Здесь же положение было гораздо сложнее и требовало более длительной и тщательной разведки. Судя по всему, ему предстоит провести тут довольно много времени. А потому нужно раздобыть денег в количестве, заметно большем, чем суммы, которые обычно носят при себе отдельные индивиды. Когда же запас иссякнет, его придется пополнить.

На следующий день он занялся тем, что проследил движение денег до обильного их источника. Обнаружив этот источник, он начал тщательно его изучать. Говоря на жаргоне преступного мира, он примеривался к банку.

Человек, который, переваливаясь, шел по коридору, весил центнера полтора, о чем свидетельствовал двойной подбородок и внушительный живот. На первый взгляд — просто неуклюжий толстяк. Но первое впечатление бывает обманчиво. Таким телосложением, например, обладал не один чемпион мира по классической борьбе в тяжелом весе. Эдвард Райдер, правда, чемпионом не был, но при случае мог бы расшвырять десяток нападающих в таком стиле, что, окажись там случайно владелец спортивного зала, он сразу же предложил бы Эдварду ангажемент.

Он остановился перед дверью из матового стекла с надписью: «Следственный отдел министерства финансов США». Постучав по стеклу тяжелым кулаком, он вошел и, не дожидаясь ответа, сел без приглашения.

Остролицый субъект, сидевший за большим письмен-

ным столом, выразил легкое неудовольствие, но сказал только:

— Эдди, у меня есть для вас довольно паршивое дельце.

— Другого от вас и не дожدهшься! — Райдер уперся большими руками в большие колени. — И что на этот раз? Еще один незарегистрированный гравер наводнил рынок своими изделиями?

— Нет. Ограбление банка.

Райдер нахмурился. Его густые брови задергались.

— А я думал, что нас интересуют только фальшивые деньги и незаконные валютные операции. Какое нам дело до медвежатников? ими, по-моему, занимается полиция.

— Они увязли.

— Если банк застрахован, они могут обратиться в ФБР.

— Он не застрахован. Мы предложили им руку помощи. Вашу руку.

— С какой, собственно, стати?

Его собеседник сделал глубокий вдох и принялся быстро объяснять:

— Какой-то ловкач нагрел Первый нортвудский банк на двенадцать тысяч долларов — и никто не знает как. Начальник нортвудской полиции капитан Гаррисон утверждает, что тут сам черт ногу сломит. По его словам выходит, что кому-то в конце концов удалось разработать методику нераскрываемого преступления.

— Ясно, он другого не скажет, если встал в тупик. Ну, а нас почему приплели?

— В ходе следствия Гаррисон обнаружил, что в одной из похищенных пачек было сорок стодолларовых бумажек с последовательными номерами. Эти номера известны. Остальные — нет. Он позвонил нам в надежде, что грабитель начнет ими расплачиваться и мы сможем их проследить. С ним разговаривал Эмблтон, и его заинтересовала идея нераскрываемого преступления.

— Ну, и...

— Он посоветовался со мной, и мы оба согласились, что если кто-то и правда научился шить без нитки, для экономики он окажется опаснее, чем крупный фальшивомонетчик.

— Ах, так! — с сомнением протянул Райдер.

— Тогда я посоветовался в верхах. И Баллантайн решил, что нам имеет смысл вмешаться — на всякий случай. Я выбрал вас. Человеку с вашим весом полезно поразмяться. — Он пододвинул к себе папку и взял ручку. — Приезжайте в Нортвуд и подсобите капитану Гаррисону.

— Сегодня?

— А у вас есть причина отложить до завтра или до будущей недели?

— Сегодня я обещал пестовать младенца.

— Не говорите глупостей!

— Это не глупость. Это очень серьезно.

— И вам не стыдно? Женились совсем недавно. У вас милая, верящая вам жена...

— О ней и речь. Я дал ей честное слово, что я...

— А я дал слово Баллантайну и Гаррисону, что вы разберетесь в этом деле с обычной своей слоноподобной результативностью, — нахмурился перебил начальник. — Хотите сохранить свою работу или нет? Ну так позвоните жене и скажите ей, что служебный долг — прежде всего.

— А, ладно! — Райдер вышел, хлопнув дверью, свирепо протопал по коридору, вошел в телефонную будку и двадцать две минуты объяснял жене про служебный долг.

Высокий, сухопарый начальник нортвудской полиции Гаррисон был сыт этим делом по горло. Он сказал:

— Зачем я буду вам все это рассказывать? Свидетельские показания лучше сведений, полученных из вторых рук. А у меня тут ждет очевидец. Я послал за ним, когда

узнал, что вы едете. — Он нажал кнопку селектора. — Пошлите ко мне Эшкрофта.

— А кто он такой?

— Старший кассир Первого банка и довольно-таки перепуганная личность. — И, обращаясь к вошедшему свидетелю, он пояснил: — Это мистер Райдер, следовательно по особо важным делам. Он хотел бы выслушать вашу историю.

Эшкрофт сел, устало потирая лоб. Седой, подтянутый, элегантно одетый человек лет шестидесяти. Райдер мысленно отнес его к тому типу педантичных, немного брюзгливых, но в целом надежных людей, которых принято называть столпами общества.

— Я уже рассказывал ее не меньше двадцати раз, — пожаловался Эшкрофт. — И с каждым разом она выглядит все более нелепо. У меня голова кругом идет. Я не в состоянии найти мало-мальски правоподобного...

— Не волнуйтесь, — мягко сказал Райдер. — Просто изложите мне факты, которые вам известны.

— Каждую неделю мы выплачиваем фабрике стеклянной посуды компании «Дакин» что-то между десятью и пятнадцатью тысячами долларов — общую сумму заработной платы ее рабочих и служащих. Накануне фабрика присылает нам распоряжение о выплате с точным указанием суммы и купюр, в которых она хочет ее получить. И к следующему утру у нас все бывает готово.

— А утром?

— С фабрики приезжает кассир с двумя охранниками. Приезжает он всегда около одиннадцати. Не раньше чем без десяти одиннадцать и не позже чем в десять минут двенадцатого.

— Вы знаете его в лицо?

— У них два кассира. Мистер Суэйн и мистер Летерен. За деньгами приезжает иногда тот, иногда другой, Попере-

менно. То один уходит в отпуск, то заболевает, то занят на фабрике — тогда его подменяет другой. Я хорошо знаю их обоих уже несколько лет.

— Хорошо, продолжайте.

— Кассир привозит с собой запертый кожаный чемоданчик и ключ от него. Он отпирает чемоданчик и отдает его мне. Я кладу деньги в чемоданчик так, что он их считает, и возвращаю его вместе с квитанцией. Он запирает чемоданчик, кладет ключ в карман, расписывается в квитанции и уходит. Я подшиваю квитанцию, на чем все дело и кончается.

— Это небрежность, — заметил Райдер, — что и чемоданчик, и ключ находятся у одного человека.

Ему ответил Гаррисон:

— Мы это проверjali. Ключ находится у охранника. Он отдает его кассиру, когда они приезжают в банк, и забирает обратно после того, как кассир получит деньги.

Проведя языком по пересохшим губам, Эшкрофт продолжал:

— В прошлую пятницу мы приготовили для фабрики двенадцать тысяч сто восемьдесят два доллара. В зал вошел мистер Летерен с чемоданчиком. Ровно в половине одиннадцатого.

— Откуда вы это знаете? — перебил Райдер. — Вы посмотрели на часы? Почему?

— Я посмотрел на часы потому, что немного удивился. Он приехал раньше обычного. Я ждал его только минут через двадцать.

— И было половина одиннадцатого? Вы уверены?

— Абсолютно уверен, — ответил Эшкрофт так, словно это было единственное, в чем он не сомневался. — Мистер Летерен подошел к барьеру и протянул мне чемоданчик. Я поздоровался с ним и сказал, что сегодня он что-то рано к нам выбрался.

— И что он ответил?

— Точных слов я не помню. У меня не было причин запоминать его ответ, а к тому же я в тот момент укладывал деньги в чемоданчик. — Эшкрофт сдвинул брови, напрыгая память. — Он сказал что-то банальное — что лучше прийти рано, чем опоздать.

— Что было дальше?

— Я отдал ему чемоданчик и квитанцию. Он запер чемоданчик, расписался и вышел.

— И все? — спросил Райдер.

— Если бы! — ответил Гаррисон и подбодряюще кивнул Эшкрофту. — Ну-ка расскажите ему остальное.

— Без пяти одиннадцать, — продолжал кассир, растерянно глядя перед собой, — мистер Летерен вернулся, положил чемоданчик на барьер и вопросительно посмотрел на меня. Поэтому я спросил: «Что-нибудь случилось, мистер Летерен?» А он ответил: «Насколько мне известно, нет. А что?»

Эшкрофт смолк и снова потер лоб. Райдер сказал:

— Не торопитесь. Мне нужно, чтобы вы изложили все как можно подробнее и точнее.

Эшкрофт взял себя в руки.

— Я ответил, что все должно быть в порядке, так как деньги пересчитывались трижды. Тогда он с некоторым нетерпением заявил, что это его не интересует: пусть их пересчитывали хоть пятьдесят раз, но не могу ли я поторопиться, потому что его ждут на фабрике.

— И это вас слегка ошарашило? — предположил Райдер с угрюмой улыбкой.

— Я совершенно растерялся. Мне показалось, что он шутит, хотя он не производит впечатления человека, находящего удовольствие в глупых розыгрышах. Я сказал, что уже отдал ему деньги полчаса назад. Он спросил, не свихнулся ли я. Тогда я позвал Джексона, младшего кассира, и он подтвердил мои слова. Он видел, как я укладывал деньги в чемоданчик.

— А он видел, как Летерен их унес?

— Да. И сразу об этом сказал.

— И что же ответил Летерен?

— Он сказал, что хочет видеть управляющего. Я проводил его к мистеру Олсену. Через минуту мистер Олсен позвонил, чтобы я принес ему квитанцию. Я вынул ее из папки и обнаружил, что на ней нет никакой подписи.

— Совсем никакой?

— Да. Я ничего не мог понять. Я же своими глазами видел, как он расписывался на этой квитанции. И все-таки в этой строке ничего не было. Ни малейшей черточки. — Он расстроено помолчал и закончил: — Мистер Летерен потребовал, чтобы мистер Олсен кончил меня расспрашивать и вызвал полицию. Я оставался в кабинете управляющего до прибытия мистера Гаррисона.

Райдер, подумав, спросил:

— А Летерена оба раза сопровождали одни и те же охранники?

— Не знаю. Я их вообще не видел.

— То есть вы хотите сказать, что он был без охраны?

— Они не всегда входят в зал, — ответил за кассира Гаррисон. — Я проверял и перепроверял, пока не зашел в тупик.

— И что же вы узнали по дороге туда?

— Охранники сознательно меняют свое поведение так, чтобы тот, кто задумал ограбление, не знал, где они будут находиться в ту или иную поездку. Иногда они оба сопровождают кассира до барьера и назад. Иногда они ждут у входа и наблюдают за улицей. Или же один остается в машине, а другой рассказывает перед банком...

— Я полагаю, они вооружены?

— Конечно. — Гаррисон посмотрел на Райдера с легкой усмешкой. — Оба охранника клянутся, что в прошлую пятницу они сопровождали Летерена в банк один раз. И приехали туда без пяти минут одиннадцать.

— Но ведь он был в банке в половине одиннадцатого! — возразил Эшкрофт.

— Он это отрицает, — сказал Гаррисон. — И охранники тоже.

— По словам охранников, они вошли в банк? — спросил Райдер, выискивая дополнительные противоречия.

— Не сразу. Они ждали у входа, пока длительное отсутствие Летерена их не встревожило. Они вошли в зал, держа руки на пистолетах. Но Эшкрофт их увидеть не мог, так как он уже был в кабинете Олсена.

— Ну, вы сами видите, как обстоит дело, — сказал Райдер, внимательно глядя на злополучного Эшкрофта. — Вы утверждаете, что Летерен получил деньги в половине одиннадцатого. Он утверждает, что не получал их. Одно исключает другое. У вас есть какие-нибудь объяснения?

— Вы мне не верите, ведь так?

— Почему же? Я пока не делаю выводов. Мы столкнулись с противоречивыми показаниями. Но отсюда вовсе не следует, что один из свидетелей сознательно лжет и что именно в нем следует заподозрить преступника. Кто-то из них может говорить, как ему кажется, совершенную правду — и искренне заблуждаться.

— Вы имеете в виду меня?

— Не исключено. Вы ведь не непогрешимы. Непогрешимых людей не бывает. — Райдер наклонился вперед, придавая особый смысл своим словам. — Будем считать, что факты верны. Если вы сказали правду, значит, деньги были взяты в половине одиннадцатого. Если Летерен сказал правду, значит, он их не брал. Соединим эти факты, и что же мы получим? Ответ: деньги унес кто-то, кто не был Летереном. И если это окажется так, значит, вы впали в заблуждение.

— Нет! Я не обознался, — возразил Эшкрофт. — Я знаю, кого я видел. Я видел Летерена и только его. Или я должен допустить, что не могу доверять собственным глазам!

— Вы ведь это уже допустили, — заметил Райдер.

— Ничего подобного.

— Вы сказали нам, что смотрели, как он подписывает квитанцию. Вы собственными глазами видели, как он ставил свою подпись. — Райдер сделал выжидательную паузу, но кассир не сказал ни слова. — Однако никакой подписи на квитанции не оказалось.

Эшкрофт угрюмо молчал.

— Если вы могли заблуждаться относительно подписи, то вы могли заблуждаться и относительно того, кто подписывался.

— Я не страдаю галлюцинациями.

— Да? — сухо сказал Райдер. — Ну, а квитанция, как вы это объясните?

— Я ничего не обязан объяснять, — внезапно вспыхнул Эшкрофт. — Я изложил вам факты. А объяснить их — ваше дело.

— Справедливо, — согласился Райдер. — И мы не обижаемся, когда нам об этом напоминают. Надеюсь, вы не обидетесь, что вас так долго расспрашивали об одном и том же? Спасибо, что вы согласились прийти.

— Рад быть полезным, — и Эшкрофт с видимым облегчением вышел из комнаты.

Гаррисон сунул в рот зубочистку, пожевал ее и объявил:

— Не дело, а черт знает что. Еще день-другой, и вы пожалеете, что вас прислали сюда учить меня уму-разуму.

Задумчиво разглядывая начальника полиции, Райдер процедил:

— Я приехал не для того, чтобы учить вас, а чтобы помочь вам, так как вы заявили, что вам нужна помощь. Ум хорошо, а два — лучше. Сто умов лучше десяти. Но если вы предпочтете, чтобы я отправился восвояси...

— Ерунда, — сказал Гаррисон. — В такие моменты я на всех огрызаюсь. Мое положение не похоже на ваше. Если кто-то грабит банк у меня под носом, он делает из меня идиота. А вам понравилось бы быть и начальником полиции и идиотом?

— Последнее определение я принял бы только, если бы признал, что потерпел полное поражение. Вы это признаете?

— И не думаю.

— Так хватит кусаться. Нам есть над чем подумать. В этой истории с квитанцией кроется что-то очень странное. Ни с чем не сообразное.

— По-моему, все ясно, как день, — возразил Гаррисон. — Либо Эшкрофт был обманут, либо обманулся сам.

— Не в этом дело, — сказал Райдер. — Непонятно другое. Если считать, что они с Летереном оба говорят правду, то деньги забрал кто-то еще, какой-то неизвестный. И я не могу понять, зачем было преступнику отдавать квитанцию неподписанной с риском, что его тут же разоблачат? Не проще ли ему было расписаться за Летерена? Так почему же он этого не сделал?

Гаррисон задумался.

— Может быть, он боялся — а вдруг Эшкрофт заметит, что подпись подделана, взглянется в него повнимательнее и поднимет тревогу?

— Если он сумел выдать себя за Летерена, то, наверное, мог бы научиться подделывать его подпись.

— Ну, а если он не подписался, потому что неграмотен? — предположил Гаррисон. — Я знал бандитов, которые научились писать только за решеткой.

— Может быть, — согласился Райдер. — Но в любом случае главное подозрение пока падает на Эшкрофта и Летерена. И следует точно установить, виновны они или нет, прежде чем мы начнем дальнейшие розыски. Я думаю, вы обоих уже проверили?

— Еще бы! — воскликнул Гаррисон и скомандовал в селектор: — Пришлите мне папку по Первому банку. — Начнем с Эшкрофта. Финансовое положение хорошее, в прошлом все чисто, превосходная репутация, никаких оснований стать банковским грабителем. Джексон, младший кассир, в какой-то мере подтверждает его показания.

И спрятать деньги Эшкрофт нигде не мог. Мы обыскали банк сверху донизу, и в течение этого времени Эшкрофт все время был под наблюдением. И ничего не нашли. Дальнейшее следствие выявило ряд обстоятельств, говорящих в его пользу... Подробности я расскажу вам позже.

— Вы убеждены в его невиновности?

— Почти, но не совсем, — ответил Гаррисон. — Он мог отдать деньги сообщнику, загримированному под Летерена. В таком случае в банке их прятать бы не пришлось. Эх, если бы обыскать его дом как следует! Одна бумажка с известным номером сразу все поставила бы на свое место! Но судья Мексон отказался подписать ордер на обыск за недостаточностью оснований. Сказал, что для этого требуются более веские подозрения. И, вообще-то говоря, он прав.

— А фабричный кассир Летерен?

— Ему пятьдесят восемь лет. Убежденный холостяк. Ну, я не стану пересказывать вам его биографию. Ведь он никак не может быть виновным.

— Вы уверены?

— Судите сами. Фабричная машина стояла перед конторой все утро до десяти часов тридцати пяти минут. Затем в нее сели Летерен и охранники, чтобы ехать в банк. Раньше чем за двадцать минут они добраться до банка не могли. У Летерена просто не было времени, чтобы заехать в банк раньше на каком-то другом автомобиле, вернуться на фабрику, взять охранников и снова туда отправиться.

— Не говоря уж о необходимости успеть в промежутке где-то спрятать добычу, — вставил Райдер.

— Нет, сделать этого он не мог. Кроме того, сорок свидетелей на фабрике подтверждают, что Летерен был там все время с той минуты, как пришел на работу в девять и до десяти тридцати пяти, пока он не уехал в банк. Полное алиби.

— По-видимому, его сразу можно сбросить со счетов.

Гаррисон скривил губу и сказал:

— Так-то оно так, но с тех пор мы нашли пятерых свидетелей, которые видели, как в десять тридцать он входил в банк.

— Другими словами, они подтверждают показания Эшкрофта и Джексона?

— Да. Я сразу же послал всех своих людей прочесать улицу до конца и ближайшую поперечную улицу. Ну, обычная паршивая будничная работа. Они разыскали троих свидетелей, готовых показать под присягой, что видели, как Летерен входил в банк в десять тридцать. Они его не знают, но опознали по фотографии.

— А его машину они заметили? Описали ее?

— Машину они не видели. Он шел пешком, неся чемоданчик. И заметили они его только потому, что какая-то дворняжка вдруг взвыла и бросилась от него со всех ног. Ну, они и подумали, что он ее пнул, только не поняли — за что.

— Они утверждали, что он ее пнул?

— Нет.

Райдер задумчиво потер оба своих подбородка.

— Так чего же она взвыла и удрала? Просто так собаки этого не делают. Либо ее ударили, либо она чего-то испугалась.

— Ну и что? — Гаррисону было не до дворняжек. — Еще ребята разыскали человека, который говорит, что видел, как Летерен несколько минут спустя выходил из банка с чемоданчиком. Никаких охранников он не заметил. Он говорит, что Летерен пошел по улице так, словно ни о чем не беспокоился, но потом остановил такси и уехал.

— Вы нашли шофера?

— Да. Он тоже узнал его по фотографии, которую мы ему показали. Заявил, что отвез Летерена к кинотеатру «Камея» на Четвертой улице, но не видел, вошел он туда или нет. Просто высадил его, получил деньги и уехал. Мы допросили служащих «Камеи», обыскали там все. И ничего

не нашли. Но рядом — автобусная станция. Мы вымотали там у них все жилы, но ничего не узнали.

— И это пока все?

— Не совсем. Я позвонил в министерство финансов и сообщил им номера банкнот. В восьми штатах я объявил розыск человека с приметам Летерена. Пока мы разговариваем, мои ребята с его фото прочесывают все отели и мебелишки. Он где-то притаился — возможно, у нас же в городе. Но что еще предпринять, я не знаю.

Райдер откинулся на спинку кресла, которое протестующе скрипнуло. Он думал, а Гаррисон неторопливо жевал зубочистку.

Затем Райдер заговорил:

— Превосходная репутация, финансовое благосостояние и отсутствие явного мотива — все это стоит куда меньше свидетельских показаний. У человека могут быть тайные причины. Например, ему почему-то необходимо сейчас же раздобыть двенадцать тысяч долларов, а времени получить их законным путем под страховку, акции или облигации у него нет. Скажем, ему дано только двадцать четыре часа, чтобы раздобыть выкуп.

Глаза Гаррисона выпучились.

— Вы считаете, что нам следует проверить, все ли родственники Эшкрофта и Летерена живы и здоровы и не исчезал ли кто-нибудь из них в последние дни?

— Как сочтете нужным. Сам я считаю, что ничего, кроме лишних хлопот, это не даст. Похититель знает, что ему грозит смертная казнь. Так станет ли он рисковать из-за каких-то жалких двенадцати тысяч, когда может с тем же успехом выбрать жертву побогаче и назначить выкуп побольше? К тому же, даже если проверка принесет положительные результаты, это не объяснит, как был осуществлен грабеж, и не даст нам доказательств, которые суд и прижнанные могли бы счесть убедительными.

— Пожалуй, — согласился Гаррисон. — Тем не менее проверка не помешает. Мне самому ничего и делать не

придется. Если не считать жены Эшкрофта, все их родственники живут в других городах. Надо будет просто связаться с тамошней полицией.

— Как хотите. И раз уж мы принялись шарить впотьмах, так поручите кому-нибудь узнать, нет ли у Летерена на заднем плане бездельника-братца, способного извлечь выгоду из их сходства. А вдруг Летерен — многострадальная половина пары близнецов-двойников?

— В этом случае, — проворчал Гаррисон, — он стал его сообщником с той минуты, как утаил от нас существование такого брата.

— С юридической точки зрения, конечно. Но ведь можно взглянуть на дело и по-человечески. Человек, который боится позора, сам на него напрашиваться не станет. Будь у вас брат — матерый рецидивист, стали бы вы разглашать это?

— Просто так — нет. В интересах правосудия — да.

— Люди же не одинаковы. И слава богу, что так! — Райдер нетерпеливо пожал плечами. — Ну с теми, на кого прямо падает подозрение, мы покончили. Посмотрим, что можно сказать о третьем и неизвестном.

— Я уже говорил вам, что объявил розыск человека с приметамы Летерена, — ответил Гаррисон.

— Да, я помню. По-вашему, это может что-то дать?

— Трудно сказать. Возможно, он мастер переодевания. В этом случае сейчас он уже совсем не похож на того человека, которого видели свидетели. Если же сходство это — настоящее, большое и не поддающееся маскировке, розыск скорее всего даст результаты.

— Пожалуй. Однако если речь идет не о кровном родстве — а этот вариант вы все равно проверяете, — то сходство скорее всего искусственное. Слишком уж велико было бы совпадение. Будем исходить из того, что оно искусственное. Какие мы можем сделать из этого выводы?

— Оно было слишком уж большим, — заметил Гаррисон. — Настолько большим, что обмануло нескольких сви-

детелей. Таким большим, что становится немного не по себе.

— Вот именно, — подхватил Райдер. — И ведь столь одаренный художник своего дела сможет повторить то же самое снова и снова, подыскивая подходящую жертву примерно одного с собой сложения. Следовательно, сходство между ним и Летереном может быть не больше, чем между мной и цирковым тюленем. У нас нет его настоящих примет, и это серьезная помеха. И пока мне не приходит в голову, как мы могли бы установить его подлинный облик.

— Мне тоже, — сказал Гаррисон уныло.

— Впрочем, у нас еще есть шанс: десять против одного, что сейчас он выглядит так, как раньше — до своего трюка. Ему незачем было прибегать к маскараду, пока он проводил примерку и разрабатывал свой план. Грабеж прошел гладко, как по расписанию, и, значит, все до последней мелочи было предусмотрено заранее. А такого рода работа требует долгих предварительных наблюдений. Он не мог за один раз выяснить, каков порядок получения денег, и запомнить наружность Летерена. Разве что он чтец мыслей на расстоянии.

— Я в это не верю, — объявил Гаррисон. — Как в астрологов и ясновидящих.

Не слушая, Райдер продолжал:

— Следовательно, некоторое время до грабежа он жил в городе или в его окрестностях. Довольно много людей должны были его постоянно видеть и могли бы его описать. Ваши ребята, бегая по пивным с фотографиями, его не найдут, потому что он не похож на эту фотографию. Нам нужно установить, где он жил, и узнать, как он выглядит.

— Легче сказать, чем сделать!

— Вариант не из простых, но возьмемся за него. В конце концов мы чего-нибудь добьемся — хотя бы места в сумасшедшем доме... — он умолк и задумался.

Гаррисон сосредоточенно уставился в потолок. Не подозревая об этом, оба прибегли к обычной для Земли заме-

не гениального прозрения, которое случается так редко! Раза два Райдер открывал рот, словно собирался что-то сказать, но тут же снова его закрывал и опять погружался в размышления. Наконец он все-таки сказал:

— Чтобы с такой уверенностью выдавать себя за Летерена, он ведь должен был не только придать себе внешнее сходство с ним, но и одеться точно так же, ходить той же походкой, вести себя точно так же, пахнуть так же..

— Он ничем не отличался от Летерена, — ответил Гаррисон. — Я допрашивал Эшкрофта, пока нам обоим не стало тошно. У него все было как у Летерена, вплоть до ботинок.

— А чемоданчик? — спросил Райдер.

— Чемоданчик? — на худом лице Гаррисона мелькнуло недоумение, тотчас сменившееся злостью на себя. — Тут вы меня поймали. Про чемоданчик-то я и не спросил. Тут я дал маху.

— Не обязательно. Возможно, и он тот же самый, но лучше бы проверить.

— Сейчас и проверим. — Гаррисон взял телефонную трубку, набрал номер и сказал: — Мистер Эшкрофт, у меня к вам есть еще один вопрос. Чемоданчик, в который вы укладывали деньги, он был тот же, с которым всегда приезжали кассиры с фабрики?

Райдер тоже услышал решительный ответ:

— Нет, мистер Гаррисон, это был новый чемоданчик.

— Что?! — взревел Гаррисон, багровея. — Почему же вы раньше молчали?

— Вы меня не спросили, а я не вспомнил. Но если бы и вспомнил, то не придал бы этому никакой важности.

— Послушайте, решать, что важно, а что — нет, это моя обязанность, а не ваша. — Он бросил на Райдера мученический взгляд и продолжал раздраженно: — Так давайте выясним все раз и навсегда. Если не считать его новизны, чемоданчик был точно таким же, как тот, с которым приезжали кассиры?

— Нет, сэр. Но очень похожим. Такая же форма, такой же латунный замок, почти такие же размеры. Но он был чуть длиннее и на дюйм глубже. Я помню, что, укладывая деньги, удивился, зачем им понадобилось покупать второй чемоданчик, но потом решил, что они хотят, чтобы мистер Летерен и мистер Суэйн ездили каждый со своим чемоданчиком.

— А вы не заметили какого-нибудь отличительного признака? Ярлычок с ценой, марка фирмы, инициалы или еще что-нибудь?

— Ничего. Я ведь не смотрел специально. Не предвидя дальнейшего, я не мог...

Голос Эшкрофта оборвался на середине фразы, так как Гаррисон раздраженно швырнул трубку на рычаг. Он устался на Райдера, который ничего не сказал.

— К вашему сведению, — заявил Гаррисон, — я пришел к выводу, что профессия уборщика общественных туалетов имеет множество преимуществ, и бывают времена, когда я испытываю большое искушение... — он задохнулся и включил селектор.

— Есть там кто-нибудь свободный?

— Кастнер, шеф.

— Ну так пошлите его сюда.

Вошел сыщик Кастнер. Он был одет весьма элегантно и явно знал, как ориентироваться в пучине порока.

— Джим! — распорядился Гаррисон. — Слетайте-ка на стекольную фабрику и возьмите чемоданчик кассира. Только убедитесь, что это тот, который они берут с собой в банк. Побывайте с ним во всех галантерейных магазинах города и установите, кому и когда за последний месяц были проданы такие же чемоданчики. Если отыщете покупателя, то пусть он предъявит вам свой чемоданчик и скажет, где он был и что делал в половине одиннадцатого в прошлую пятницу.

— Будет сделано, шеф.

— Звоните мне, как только что-нибудь выясните.

После ухода Кастнера Гаррисон сказал:

— Чемоданчик был куплен специально для этого ограбления. Следовательно, приобретен он скорее всего недавно и, вероятно, у нас в городе. Если в городских магазинах ничего выяснить не удастся, займемся соседними городами.

— Вы займитесь этим, — согласился Райдер, — а я тем временем тоже кое-что предприму.

— А что именно?

— Мы ведь живем в век науки и передовой техники. Мы располагаем широко развитыми и отлично действующими средствами связи, а также действенными системами сбора и хранения информации. Так воспользуемся же тем, что у нас есть.

— Что вы задумали? — спросил Гаррисон.

— Такой ловкий и легкий грабеж просто напрашивается на повторение. Не исключено, что преступник уже не раз пользовался своим способом, и уж, во всяком случае, этим банком он не ограничится.

— Ну, и...

— У нас есть его описание, хотя вряд ли он даст нам много. Но, — Райдер подался вперед, — мы знаем его методы, и вот из них мы можем исходить.

— Да, верно.

— А потому сведем его описание к особенностям, замаскировать которые трудно, к таким, как рост, вес, тип фигуры, цвет глаз. Остальное можно отбросить. И сжато опишем его метод, указывая только факты. Все это мы можем уложить слов в пятьсот.

— А потом?

— В нашей стране имеется шесть тысяч двести восемь банков, из них шесть тысяч с лишним входят в Банковскую ассоциацию. Наш департамент снабдит Ассоциацию циркулярным письмом в количестве экземпляров, достаточном, чтобы разослать его всем ее членам. Они будут предупреждены о возможности грабежа, а если он все-таки повторит-

ся или что-то подобное уже имело место, мы сразу узнаем об этом во всех подробностях.

— Хорошая мысль! — одобрил Гаррисон. — Возможно, где-то начальник полиции ломает голову над двумя-тремя данными, которых не хватает нам, а мы в свою очередь могли бы сообщить ему кое-что интересное. И обмен сведениями даст и нам и ему все, что нужно для поимки преступника.

— Не исключено, что нам удастся значительно упростить процедуру, — сказал Райдер. — При условии, что мы имеем дело с рецидивистом. Если же нет, тогда ничего не выйдет. Но если он был прежде арестован за что-нибудь подобное, мы найдем его карточку в один момент. — Мечтательно посмотрев на потолок, он добавил: — Вашингтонская картотека — это кое-что!

— Конечно, я про нее знаю, — сказал Гаррисон, — но видеть не видел.

— Одному моему приятелю, почтовому инспектору, она недавно сослужила неплохую службу. Он разыскивал типа, который продавал по почте фальшивые нефтяные акции. Он обморочил уже пятьдесят простаков с помощью отлично сработанных документов — заключения геологической разведки, лицензий и так далее. Никто из пострадавших его никогда не видел и потому не мог описать.

— Маловато для следствия!

— Конечно, но и этого хватило. Попытки почтовых властей расставить ему ловушку потерпели неудачу. Он был большой ловкач, а это уже само по себе улика. Несомненно, такой искушенный мошенник не мог не значиться в картотеке.

— И что было дальше?

— Его данные закодировали и вложили в скоростной экстрактор. Ну, словно дали ищейке понюхать платок. Вы и высморкаться бы не успели, как электронные пальцы уже ощупали сотни тысяч перфорированных карточек,

Не тронув профессиональных убийц, грабителей и взломщиков разных категорий, они выбрали примерно четыре тысячи мошенников. Из них они отсортировали, скажем, шестьсот аферистов, специализирующихся на всучении несуществующих ценных бумаг. А из этих отобрали сотню оперирующих нефтяными псевдоакциями, после чего выделили тех двенадцать, кто ограничивал свою деятельность почтовыми отправлениями.

— Да, это заметно сузило поиски, — согласился Гаррисон.

— Машина выбросила двенадцать карточек, — продолжал Райдер. — Будь данных больше, она бы сразу выдала одну-единственную карточку. А так их оказалось двенадцать. Впрочем, никакого значения это уже не имело. Быстрая проверка установила, что из этих двенадцати четверо уже умерло, а шестеро сидело за решеткой. Из оставшихся двух одного сразу нашли, и было точно установлено, что он тут ни при чем. Итак, остался только один. Почтовые власти теперь располагали его фамилией, фотографией, отпечатками пальцев, сведениями о его привычках, связях и обо всем прочем, кроме разве что брачного свидетельства его мамы. Он был арестован через три недели.

— Неплохо. Но я не понимаю, почему они сохраняют в картотеке карточки тех, кто умер.

— Иногда новые данные позволяют установить, что давние преступления, оставшиеся нераскрытыми, — это дело их рук. А рабы картотек терпеть не могут незаконченных дел. Они готовы ждать хоть полжизни, лишь бы пометить их как закрытые. Обожают аккуратность, понимаете?

— Понимаю, — задумчиво ответил Гаррисон. — Кажется бы, преступник, попавший в картотеку, мог бы сообщить, что теперь следует начать честную жизнь или хотя бы изменить методы.

— Нет, они всегда повторяются. Попадают в колею и уже не могут из нее выбраться. Мне еще не приходилось слышать, чтобы фальшивомонетчик пошел в наемные

убийцы или стал бы красть велосипеды. И наш молодчик снова проделает тот же трюк и практически теми же методами. Вот увидите! — Он кивнул в сторону телефона. — Не возражаете, если я закажу парочку междугородних разговоров?

— Сколько хотите. Я ведь их не оплачиваю.

— Ну, в таком случае я закажу и третий. Женушка имеет право на то, чтобы о ней вспоминали.

— Валяйте! — Гаррисон встал и направился к двери, всем своим видом выражая глубочайшее отвращение. — А я поработаю где-нибудь еще. Меня всегда мутит, когда взрослый мужчина начинает ворковать и сюсюкать.

Посмеиваясь, Райдер взял телефонную трубку:

— Соедините меня с министерством финансов, Вашингтон, добавочный 417, мистер О'Киф.

Следующие двадцать четыре часа земные методы продолжали применяться с тем же утомительным упорством. Полицейские задавали вопросы владельцам магазинов, местным сплетницам, барменам, бывшим уголовникам, тайным осведомителям — короче говоря, всем тем, кто мог случайно что-то знать или что-то услышать. Сыщики в штатском стучали в двери, допрашивали тех, кто им отвечал, наводили справки о тех, кто отвечать отказался. Дорожная полиция проверяла мотели и кемпинги, допрашивала владельцев, управляющих, помощников. Шерифы объезжали фермы, где иногда сдавались комнаты.

В Вашингтоне одна машина выбросила шесть тысяч экземпляров циркулярного письма, а неподалеку другая машина печатала адреса на шести тысячах конвертов. Рядом с ней электронные пальцы, прощупывая миллионы перфорированных карточек, отыскивали специфическое расположение отверстий. В десятке больших и маленьких городов полицейские навели справки о некоторых людях,

сообщили то, что узнали, по телефону в Нортвуд и занялись текущими делами.

Как обычно, прежде всего была получена стопка отрицательных ответов. Все родственники Эшкрофта были целы и невредимы, и никто из них в последнее время не исчезал из дому. В семье Летерена не имелось ни одной черной овцы, брата-близнеца у него не было, а единственный брат, моложе его на десять лет и не особенно на него похожий, обладал безупречной репутацией, да и все утро пятницы провел у себя в конторе, что подтверждали надежные свидетели.

Ни один банк не сообщил о похищении денег ловким жуликом, загримированным под уважаемого клиента. Ни в меблированных комнатах, ни в отелях, ни в кемпингах не удалось обнаружить постояльца, хотя бы отдаленно похожего на Летерена.

В картотеке имелось сорок два мошенника, живых и мертвых, хитро ограбивших банки. Но их способы совсем не походили на примененный в этот раз. Машина с сожалением выдала ответ: «Не значитя».

Однако достаточное число негативных факторов позволяло прийти к некоторым позитивным выводам. Обдумав полученные ответы, Гаррисон и Райдер сошлись на том, что Эшкрофта и Летерена можно считать непричастными к грабежу, что неизвестный преступник еще только начинает свою карьеру и первый успех побудит его повторить удавшуюся операцию и что, используя свой особый талант, он скрывается теперь под совсем другой личиной.

Первая удача выпала им в конце дня. В кабинет вошел Каствнер, сдвинул шляпу на затылок и скавал:

— Возможно, я кое на что набрел.

— А именно? — спросил Гаррисон, настораживаясь.

— Такие чемоданчики особым спросом не пользуются, и продает их только один магазин. За последний месяц им удалось сбыть три.

— Оплачивались чеками?

— Наличнымп, — и угрюмо улыбнувшись разочарованию своего начальника, Кастнер продолжал: — Но двое были давними уважаемыми клиентами. Оба купили свои чемоданчики недели три назад. Чемоданчики они мне предъявили и рассказали, как провели утро пятницы. Я проверил их истории — все совершенно верно.

— Ну, а третий покупатель?

— К этому я и веду, шеф. По-моему, он нам и требуется. Чемоданчик он купил накануне ограбления. И его никто не знает.

— Приезжий?

— Не совсем. Хильда Кассиди, продавщица, которая его обслуживала, подробно описала его. Говорит, что это пожилой тихий человечек с острым лицом. Похож на бальзамировщика, у которого болят зубы.

— Ну, а почему вы думаете, что он не приезжий?

— А потому, шеф, что кожаными изделиями в городе торгуют одиннадцать магазинов. Я ведь здешний, но и мне пришлось порыскать, прежде чем я отыскал тот, где имелись эти чемоданчики. Ну, и этот служитель морга — решил я — тоже не сразу нашел то, что ему требовалось. А потому я еще раз прошелся по магазинам, спрашивая их уже прямо о нем.

— Ну?

— В трех вспомнили, что похожий по описанию человек спрашивал товар, которого они не держат, — он сделал многозначительную паузу. — Сол Бергмен из «Туриста» говорит, что его физиономия показалась ему знакомой. Кто он, Бергмен не знает и ничего к этому добавить не может. Но он уверен, что видел его раза два раньше.

— Может быть, он время от времени приезжает в город, а живет где-то не очень близко.

— И я так думаю, шеф.

— «Не очень близко» может означать любое место в радиусе ста миль, а то и дальше, — проворчал Гаррисон.

Он кисло посмотрел на Кастнера. — Кто из них лучше всех его разглядел?

— Хильда Кассиди.

— Ну так привезите ее сюда, и поживее!

— Уже привез, шеф. Дождется в приемной.

— Молодец, Джим! — сказал Гаррисон, повеселев. —

Давайте ее сюда!

Кастнер вышел и вернулся с продавщицей. Это была высокая стройная девушка лет двадцати с умным лицом. Она сидела, положив руки на колени, и со спокойной деловитостью отвечала на вопросы Гаррисона, который старался как можно полнее выяснить, что еще она может вспомнить о внешности подозрительного покупателя.

— Опять то же! — пожаловался Гаррисон, когда она замолчала. — Ребятам придется еще раз обойти город и проверить, не знает ли кто-нибудь этого типа.

— Если он только приезжает в город, вам нужно будет заручиться содействием полиции других городов, — вмешался Райдер.

— Да, конечно.

— Но, возможно, мы сумеем облегчить им задачу, — Райдер посмотрел через стол на девушку. — Если мисс Кассиди согласится нам помочь.

— С удовольствием, если только сумею.

— Что вы еще придумали? — заинтересовался Гаррисон.

— Думаю заручиться услугами Роджера Кинга.

— А кто он такой?

— Художник в штате нашего департамента. Подрабатывает на стороне карикатурами. Он настоящий мастер. — Райдер снова повернулся к девушке. — Не могли бы вы завтра прийти сюда пораньше на все утро?

— Если управляющий разрешит.

— Он разрешит. Это я беру на себя, — объявил Гаррисон.

— Вот и прекрасно, — сказал Райдер девушке. — Когда

вы придете, мистер Кинг покажет вам фотографии разных людей. Вам нужно будет внимательно их рассмотреть и указать на те черты, которые напомнят вам лицо человека, купившего этот чемоданчик. Тут подбородок, там нос, еще где-то — рот. А мистер Кинг нарисует по ним словесный портрет и будет изменять его по вашим указаниям, пока сходство не станет полным. Ну как, справитесь?

— Конечно.

— Можно сделать даже лучше, — вмешался Кастнер. — Сол Бергмен до смерти обрадуется, если и его попросить помочь. Он такие штуки любит.

— Ну так пригласите его назавтра.

Когда Кастнер и девушка ушли, Райдер спросил у Гаррисона:

— У вас тут найдется кто-нибудь, чтобы размножить портрет?

— Конечно.

— Вот и хорошо. — Райдер повернулся к телефону. — Можно, я добавлю к счету еще цифру-другую?

— Мне-то все равно, пусть даже мэр при виде этого счета в обморок хлопнется, — ответил Гаррисон. — Но если вы намерены излить в трубку первобытную страсть, так и скажите, чтобы я успел загодя убраться.

— На этот раз — нет. Возможно, она и тоскует, но долг прежде всего! — Он взял трубку. — Министерство финансов, Вашингтон, добавочный 338. Попросите Роджера Кинга.

Рисунок Кинга был разослан вместе с описанием и просьбой задержать человека, ему отвечающего. Всего через несколько минут после того, как они попали к адресатам, в кабинете Гаррисона зазвонил телефон. Он схватил трубку.

— Казармы полиции штата. Говорит сержант Уилкинс. Мы только что получили ваш пакет. Я знаю этого типа, он живет на моем участке.

— Кто он такой?

— Уильям Джонс. Владелец небольшого питомника на шоссе номер 4, часах в двух езды от вашего города. Довольно унылая личность, но ничего дурного о нем не известно. Я бы сказал, что он отъявленный пессимист, но человек честный. Хотите, чтобы мы его задержали?

— А вы уверены, что это он?

— На вашем рисунке его лицо, а больше я ничего утверждать не берусь. В полиции я служу столько же, сколько и вы, и при опознании ошибок не делаю.

— Конечно, сержант. Мы будем очень вам благодарны, если вы пришлете его к нам для выяснения.

— Хорошо.

Он повесил трубку. Гаррисон откинулся на спинку стула и вперил взгляд в стол, взвешивая то, что услышал. Через несколько минут он сказал:

— Все-таки меня бы больше устроило, если бы этот Джонс в прошлом был, скажем, цирковым клоуном или эстрадным имитатором. Владелец питомника в двух часах езды от ближайшего города больше смахивает на простака-фермера, чем на ловкача, способного провернуть такое дело.

— Возможно, он только сообщник. Купил чемоданчик перед ограблением, потом спрятал деньги или стоял на стреме, пока грабитель был в банке.

Гаррисон кивнул.

— Ну, мы все выясним, когда он придет. И если он не сумеет доказать, что купил чемоданчик без всякой задней мысли, ему придется плохо.

— А если сумеет?

— Тогда мы вернемся к тому, с чего начали, — Гаррисон помрачнел, подумав об этом, но тут зазвонил телефон, и он схватил трубку. — Нортвудский полицейский участок.

— Говорит полицейский Клинтон, шеф. Я только что показал этот рисунок миссис Бастико. Она содержит ме-

блированные комнаты. Дом 157 по Стивенс-стрит. Она клянется, что это Уильям Джонс, который жил у нее десять дней. Он явился к ней без багажа, но позже купил себе чемоданчик, вроде того кассирского. В субботу утром он уехал, захватив чемоданчик. У него было уплачено вперед за четыре дня, но он ни слова про это не сказал и больше не возвращался.

— Подождите там, Клинтон. Мы сейчас подъедем, — Гаррисон причмокнул и сказал Райдеру: — Ну, поехали!

Полицейская машина быстро доставила их к дому 157 по Стивенс-стрит. Это было ветхое кирпичное здание с каменной лестницей, истертой тысячами подошв.

Миссис Бастико, чье топорное лицо украшали бородавки, воскликнула в добродетельном негодовании:

— У меня в доме еще никогда не бывало полиции. За все двадцать лет!

— Ну, зато в нем хотя бы теперь побывали порядочные люди, — утешил ее Гаррисон. — Так что вы можете сказать про этого Джонса?

— Да ничего особенного, — ответила она, все еще кипя. — Он почти все время запирался у себя. А у меня нет привычки вступать в разговоры с жильцами, если они ведут себя прилично.

— Он упоминал что-нибудь о том, откуда он приехал, или куда намерен отправиться дальше, или еще что-нибудь в том же роде?

— Нет. Он уплатил вперед, сказал мне свою фамилию, объяснил, что приехал по делам, а больше ничего. Он каждое утро куда-то уходил, вечером возвращался рано, всегда был трезвым и ни к кому не приставал.

— А к нему кто-нибудь приходил? — Гаррисон вытащил фотографию Летерена. — Вот этот человек, например?

— Ваш полицейский вчера показывал мне эту карточку. Я его не знаю. Я ни разу не видела, чтобы мистер Джонс с кем-то разговаривал.

— Гм-м-м... — разочарованно протянул Гаррисон. — Ну, мы осмотрим его комнату. Вы не против?

Она неохотно провела их наверх, отперла дверь и предоставила им перерыть комнату, как им вздумается. Судя по лицу миссис Бастико, полиция вызывала у нее аллергию.

Они тщательно обыскали комнату — сняли с кровати простыни и матрас, передвинули всю мебель, перевернули коврики и даже отвинтили отстойник раковины и исследовали его содержимое. Полицейский Клинтон извлек из узкой щели между половицами маленький кусочек прозрачной розовой обертки и два странных семечка, похожих на удлиненные миндалины с сильным своеобразным запахом.

Убедившись, что в комнате больше нет ничего интересного, они увезли эти скудные результаты обыска в участок, откуда отправили их в криминалистическую лабораторию штата для анализа.

Три часа спустя в кабинет вошел Уильям Джонс. Он посмотрел мимо Райдера и, сердито уставившись на Гаррисона, который был в форме, спросил раздраженно:

— С какой это стати вы меня сюда приволокли? Я ничего не сделал!

— В таком случае чего же вам беспокоиться? — Гаррисон напустил на себя самый грозный вид. — Где вы были утром в прошлую пятницу?

— Это я вам сразу скажу, — с ехидством в голосе ответил Джонс. — Я был в Смоки-Фолсе, покупал запасные части для культиватора.

— Это же в восьмидесяти милях отсюда!

— Ну и что? От моего дома туда гораздо ближе. А запасных частей к культиватору здесь больше нигде не купишь. Может, вы знаете агента в Нортвуде? Назовите его мне, и я вам спасибо скажу.

— Ну, довольно об этом. Сколько времени вы там пробыли?

— Приехал туда в десять, уехал днем.

— Так вам понадобилось около пяти часов, чтобы купить какие-то запасные части?

— А я никуда не торопился! Купил еще кое-каких продуктов. Пообедал там. Ну, и выпил.

— Значит, найдется много людей, которые смогут подтвердить, что видели вас там?

— А как же! — согласился Джонс с обескураживающей решительностью.

Гаррисон включил селектор и сказал кому-то:

— Привезите сюда миссис Бастико, Кассиди и Сола Бергмена. — Затем он снова вернулся к Джонсу. — Скажите мне точно, куда именно вы заходили, пока находились в Смоки-Фолсе, и кто вас видел в каждом из этих мест.

Он принялся быстро записывать все, что сообщал ему Джонс о своих покупках утром в пятницу. Кончив, он позвонил в полицейский участок Смоки-Фолс, быстро изложил суть дела, сообщил данные, полученные от Джонса, и попросил как следует их проверить.

Услышав его просьбу, Джонс вдруг встревожился:

— Можно мне теперь уйти? Мне работать нужно.

— Мне тоже, — сказал Гаррисон. — А куда вы прятали кожаный чемоданчик?

— Какой чемоданчик?

— Новый, который вы купили днем в четверг.

Растерянно глядя на него, Джонс выкрикнул:

— Что это вы мне приписываете? Никаких чемоданчиков я не покупал! На черта мне сдался ваш чемоданчик!

— Вы еще скажете, что не жили в мебелированных комнатах на Стивенс-стрит!

— И не жил. На вашей Стивенс-стрит мне делать нечего. Я туда и за деньги не пошел бы!

Спор продолжался двадцать минут. Джонс с ослиным упрямством утверждал, что весь четверг работал у себя в питомнике — как и все то время, когда он якобы жил в мебелированных комнатах. Никакой миссис Бастико он не

знает и не желает знать. Никогда в жизни никаких кожаных чемоданчиков он не покупал. Пусть устроят у него обыск — он ничего против не имеет, но если там окажется чемоданчик, значит, они сами его подбросили.

В дверь просунулась голова полицейского:

— Они здесь, шеф.

— Ладно. Приготовьте все для опознания.

Через десять минут Гаррисон провел Уильяма Джонса в заднюю комнату и поставил его в ряд вместе с четырьмя сыщиками и пятью добровольцами с улицы. Затем в комнату вошли Сол Бергмен, Хильда Кассиди и миссис Бастико. Они посмотрели на шеренгу и одновременно показали на одного и того же человека.

— Он самый, — сказала миссис Бастико.

— Это он, — подтвердила продавщица.

— И никто другой, — подхватил Сол Бергмен.

— Они у вас тут все с приветом! — объявил Джонс в полной растерянности.

Гаррисон увел троих свидетелей к себе в кабинет и попробовал установить, не допустили ли они ошибки. Они утверждали, что нет, что они абсолютно уверены: Уильям Джонс — это тот самый человек.

Гаррисон отпустил их, а Уильяма Джонса задержал до получения сведений из Смоки-Фолса. Результаты проверки пришли, когда двадцать четыре часа — максимальный срок, на который закон разрешает задерживать подозреваемого без предъявления ему обвинения, — уже почти истекли. Показания тридцати двух человек полностью подтверждали, что Джонс действительно был в Смоки-Фолсе с десяти до пятнадцати тридцати. Проверки на дорогах помогли установить весь его путь до этого городка и обратно. Несколько свидетелей показали, что видели его в питомнике в те часы, когда он якобы был в доме миссис Бастико. В доме и в питомнике Джонса был произведен обыск — ни чемоданчика, ни похищенных денег обнаружено не было.

— Ну, все! — проворчал Гаррисон. — Мне остается только выпустить его с самыми нижайшими извинениями. Что за паршивое, что за гнусное дело, где все принимают всех за кого-то еще?

Массируя свои подбородки, Райдер предложил:

— А не проверить ли нам и это? Давайте-ка поговорим с Джонсом еще раз, прежде чем вы его отпустите.

Джонс вошел, сгорбившись и сильно попричихнув: он был готов отвечать на любые вопросы, лишь бы скорее вернуться домой.

— Мы очень сожалеем, что причинили вам столько неудобств, — вежливо сказал Райдер. — Но при сложившихся обстоятельствах это было неизбежно. Мы столкнулись с чрезвычайно сложной проблемой. — Наклонившись вперед, он пристально посмотрел на Джонса: — Постарайтесь вспомнить, не было ли случая, когда вас приняли за кого-то другого?

Джонс открыл было рот, снова его закрыл и наконец сказал:

— Ах, черт! Выл такой случай. Недели две назад.

— Ну-ка, расскажите, — попросил Райдер, и его глаза заблестели.

— Я проехал Нортвуд не останавливаясь — мне нужно было в Саутвуд. Пробыл там около часу, как вдруг какой-то тип окликнул меня с той стороны улицы. Совсем знакомый. Я даже подумал, что он зовет кого-то другого. Но только он меня окликнул.

— А дальше что было? — нетерпеливо проговорил Гаррисон.

— Он меня спросил, как это я очутился тут. И вид у него был ошарашенный. Я ответил, что приехал на своей машине. Но он мне не поверил.

— Почему?

— Он сказал, что я шел пешком и голосовал. Он это знал потому, что сам подвез меня до Нортвуда. И добавил, что, высадив меня там, дальше нигде не останавливал-

ся и гнал так, что до Саутвуда его никто не обгонял. Он только сейчас поставил машину, пошел по улице и — бац! — я иду ему навстречу по другой стороне.

— А вы ему что сказали?

— Я сказал, что подвозил он не меня, а кого-то другого. Его же собственные слова это доказывают.

— Это поставило его в тупик, э?

— Он совсем растерялся. Подвел меня к своей машине и говорит: «Что же, значит, вы в ней не ехали?» Конечно, я сказал, что нет, и пошел своей дорогой. Сначала я подумал, что это какой-то розыгрыш. А потом решил, что у него не все дома.

— Нам придется найти этого человека, — отдельно сказал Райдер. — Расскажите все, что можете о нем вспомнить.

Джонс задумался.

— Ему под сорок. Одет хорошо, разговаривает гладко, смахивает на коммивояжера. В машине у него полно проспектов, цветных таблиц и жестянок с красками.

— В багажнике? Вы туда заглядывали?

— Нет, на заднем сиденье. Словно у него привычка хватать их в спешке, а потом бросать.

— Ну, а машина?

— «Флэш» последней модели. Двухцветный — зеленый с белыми крыльями. Радиоприемник. Номера я не заметил.

Они расспрашивали Джонса еще десять минут, выясняя в подробностях, как выглядел и как был одет этот человек. Затем Гаррисон позвонил в полицию города и попросил произвести розыск.

— Начните с москательных магазинов. Судя по всему, он коммивояжер какой-то фирмы, производящей краски. Наверное, там смогут сказать, кто у них был в тот день.

Ему обещали, что это будет сделано немедленно. Джонс отправился домой, сердясь, но и испытывая большое облегчение. Не прошло и двух часов, как его рассказ принес плоды. Гаррисону позвонили из города.

— В четвертом же магазине мы узнали все, что вас интересует. В торговле красками это личность известная. Бердж Киммелмен, представитель лакокрасочной компании «Акме» в Марионе, штат Иллинойс. Местопребывание в настоящее время неизвестно. Но, конечно, вы сможете отыскать его через «Акме».

— Огромное спасибо! — Гаррисон положил трубку и тут же начал звонить в «Акме». После недолгого разговора он снова положил трубку и повернулся к Райдеру.

— Он сейчас едет где-то по шоссе милях в двухстах к югу. Вечером они созвонятся с ним, и завтра он будет здесь.

— Прекрасно.

— Да? — спросил Гаррисон с раздражением. — Мы сбиваемся с ног, разыскивая то одного, то другого, только чтобы тут же погнаться за третьим. Так может продолжаться без конца.

— Или же до чьего-то конца! — возразил Райдер. — Жернова человеческие мелют медленно, но очень тщательно.

Совсем в другом месте, на семьсот миль западнее, еще один человек занимался своей будничной работой. Организованные усилия могут быть очень внушительными, но действенность их удваивается, когда они вбирают в себя результаты индивидуальных трудов.

Человек, о котором идет речь, был остролицым и остроносым, жил в мансарде, питался в закусочных-автоматах, стучал на машинке бурными от никотина пальцами, двадцать лет лелеял мечту написать Великий Американский Роман, но все не мог собраться.

Звали его Артур Килкард, что, естественно, сократилось в «Кильку», и был он репортером. Хуже того — репортером бульварной газетенки. Он беззаботно вошел в редакцию, но тут некто с язвой желудка и кислым лицом сунул ему листок.

— Вот, Килька. Еще один псих с летающим блюдцем. Отправляйся.

Килкард недовольно отправился выполнять поручение. Он отыскал указанный в записке дом и постучал. Дверь открыл юноша лет восемнадцати-двадцати с умным энергичным лицом.

— Вы Джордж Леймот?

— Совершенно верно.

— Я из «Звонка». Вы сообщили, что у вас имеется материал про блюдечко. Так?

Леймот брезгливо поморщился.

— Это вовсе не блюдце, и я этого слова не употреблял. Это сферический предмет искусственного происхождения.

— Предположим, что так. Где и когда вы его видели?

— В прошлую ночь и в позапрошлую. В небе.

— Прямо над городом?

— Нет, но его видно отсюда.

— Я вот его не видел. И, насколько мне известно, вы — единственный, кто его видел. Как вы это объясните?

— Рассмотреть его невооруженным глазом почти невозможно. У меня есть восьмидюймовый телескоп.

— Сами собрали?

— Да.

— Это дело не простое! — похвалил Арт Килкард. — А вы мне его не покажете?

После некоторых колебаний Леймот сказал «ладно» и повел его на чердак. И действительно, там стоял самый настоящий телескоп, задирая любопытный нос к раздвижной дверце в крыше.

— И вы видели ваш сферический предмет в эту штуку?

— Две ночи подряд, — подтвердил Леймот. — Надеюсь и сегодня за ним понаблюдать.

— Ну, и что он такое, по-вашему?

— Это ведь одни догадки, — уклончиво ответил юноша. — Я могу сказать только, что он движется вокруг Земли по замкнутой орбите, имеет строго сферическую форму,

и, по-видимому, представляет собой искусственное сооружение из металла.

— А фотографии его у вас нет?

— К сожалению, я не располагаю необходимой аппаратурой.

— А не может тут вам помочь наш фотограф?

— Если у него есть подходящая камера.

Килкард задал еще десятка два вопросов и под копец сказал с сомнением в голосе:

— То, что вы видели, может увидеть в телескоп кто угодно. А в мире полно телескопов и некоторые такие громадные, что сквозь них тепловоз проедет. Так почему же еще никто не прокричал об этом на весь мир? Как по-вашему?

Леймот ответил с легкой улыбкой:

— Те, у кого есть телескопы, не смотрят в них круглые сутки. А когда смотрят, то обычно изучают какие-то отдельные участки звездного неба. К тому же кто-то должен крикнуть первым. Потому-то я и позвонил в «Звонок».

— И правильно сделали! — одобрил Килкард, предвкушая собственный успех.

— Тем более, — продолжал Леймот, — что его видели и другие. Вчера вечером я позвонил трем знакомым астрономам. Они поглядели и тоже его увидели. Двое сказали, что позвонят в ближайшие обсерватории. Сегодня я отправил в обсерваторию полный отчет о своих наблюдениях, и еще один — в научный журнал.

— О, черт! — сказал Килкард, встревожившись. — Надо поторопиться, прежде чем какая-нибудь другая газетенка тиснет статейку... — На его лице вдруг появилось подозрительное выражение. — Поскольку я сам этой сферической штуки не видел, мне надо проверить материал по другому источнику. Это вовсе не значит, что я думаю, что вы врете. Но если я не буду проверять материал, мне придется искать другую работу. Не можете ли вы мне дать фамилию и адрес одного из ваших приятелей-астрономов?

Леймот сообщил ему адрес и проводил до дверей. Когда Килкард торопливо направился к телефонной будке, у дома Леймота резко затормозила патрульная полицейская машина. Килкард узнал полицейского в форме, сидевшего за рулем, но два дюжих субъекта в штатском на заднем сиденье были ему незнакомы. Это его удивило — как репортер с большим стажем, он знал всех местных сыщиков и фамильярно называл их по имени. Издали он увидел, как двое неизвестных вылезли из машины, подошли к двери Леймота и позвонили.

Шмыгнув за угол, Килкард зашел в будку и набросал в аппарат побольше монет для междугородного разговора.

— Алан Рид? Моя фамилия Килкард. Я пишу на астрономические темы. Если не ошибаюсь, вы видели на небе неизвестный металлический предмет. Что-что? — Он нахмурился. — Бросьте! Ваш приятель Джордж Леймот тоже его видел. Он сам мне сказал, что звонил вам вчера насчет этой штуки. — Он замолчал, прижимая трубку к уху. — Какой смысл повторять «ничего не могу сказать по этому поводу?» Послушайте, либо вы его видели, либо нет. А пока вы еще не сказали, что нет. — После новой паузы он спросил язвительно: — Мистер Рид, вам кто-нибудь приказал держать язык за зубами?

Он дернул рычаг, опасливо поглядел на угол, бросил в автомат несколько монет и сказал кому-то:

— Говорит Арт. Если решите тиснуть этот материалчик, то вам придется поторопиться, и как! Он проскочит, только если вас не успеют остановить! — Он подождал, услышал щелчок подключенного диктофона и начал поспешно наговаривать ленту. Через пять минут он кончил, вышел из будки и осторожно заглянул за угол. Патрульная машина все еще стояла возле дома Джорджа Леймота.

Вскоре улицы наводнили газетчики с экстренным выпуском «Звонка». И сразу же множество газет в маленьких городах, получив с телетайпа ту же новость, запестрели

сыпью двухдюймовых заголовков:

КОСМИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ В НЕБЕ —
ЧЬЯ?

На исходе следующего утра Гаррисон упрямо занимался текущими делами. В углу его кабинета Райдер, вытянув бревноподобные ноги, медленно и внимательно читал пачку напечатанных на машинке листов.

Пачка эта была плодом будничной работы очень многих людей. В ней, исключая немногие пробелы, час за часом прослеживались передвижения некоего Уильяма Джонса, о котором было известно, что он — не настоящий Уильям Джонс. Его видели, когда он бродил по Нортвуду, тараща глаза, как провинциальный турист. Его много раз видели на главной улице, где он изучал расположенные там торговые заведения. Его видели в магазине самообслуживания примерно в то время, когда там у покупательницы был украден кошелек. Он обедал в кафе и ресторанах, пил пиво в барах и пивных.

Эшкрофт, Джонсон и еще один кассир вспомнили, что какой-то похожий на Джонса человек за неделю до ограбления несколько раз заходил в банк и задавал праздные вопросы. Летерен и его охранники припомнили, что некто, как две капли воды похожий на Уильяма Джонса, стоял поблизости, когда Летерен брал деньги в предыдущий раз. В целом эти по крохам собранные сведения покрывали почти все время, которое предполагаемый преступник провел в Нортвуде — период, равный десяти дням.

Кончив читать, Райдер закрыл глаза и принялся вновь и вновь продумывать все подробности в надежде натолкнуться на новую идею. Тем временем включенный приемник на полке продолжал извергать приглушенную, но негодующую речь радиокomentатора:

— ...Теперь уже всему миру известно, что кому-то удалось запустить на орбиту космическую станцию. Всякий, у

кого есть телескоп или даже сильный бинокль, может сам наблюдать ее по ночам. Так с какой же стати наше правительство делает вид, будто эта станция не существует? Если ее запустили не мы, так объявите об этом во всеуслышание — тем, кто ее запустил, это ведь все равно известно. Если же она принадлежит нам, если ее туда забросили мы, то почему от нас это скрывают, когда она сама уже давно перестала быть тайной? Может быть, кто-то считает нас неразумными младенцами? Какие бюрократы присвоили себе право решать, о чем нас можно ставить в известность, а о чем — нет? С этим надо покончить! Правительству пора прервать молчание!

— Тут я с ним согласен, — сказал Гаррисон, поднимая голову от бумаг. — Почему они не желают прямо сказать, наша она или не наша? Кое-кто там слишком много на себя берет. Хороший пиннок... — он замолчал и схватил телефонную трубку. — Нортвудский полицейский участок. — Пока он слушал, на его худом лице промелькнула целая гамма странных выражений, затем он положил трубку и сказал: — С каждой минутой это дело становится все более дурацким.

— Что на этот раз?

— Семена. Лаборатория не смогла установить, что это такое.

— Не вижу ничего странного. Не могут же они знать все!

— Во всяком случае, они знают, когда орешек оказывается им не по зубам, — возразил Гаррисон. — А потому послали наши семечки какой-то нью-йоркской фирме, где про семена знают все. И только что получили ответ.

— Ну?

— Все то же: науке неизвестны. В Нью-Йорке пошли даже дальше: отжали масла, а остаток подвергли всем возможным анализам. Результат: семена, не значащиеся ни в одном каталоге, — он испустил смешок, похожий на стон. — Они просят нас прислать им еще десяток этих не-

известных семян, чтобы они смогли их прорастить. Им интересно было бы узнать, что вырастет.

— Выбросьте все это из головы, — посоветовал Райдер. — Семян у нас больше нет, и мы не знаем, где их можно достать.

— Но у нас есть кое-что поинтереснее, — продолжал Гаррисон. — С семенами мы послали розовую прозрачную обертку, помните? Я тогда думал, что это цветной целлофан. А лаборатория сообщает, что это вовсе не искусственная пленка. Она органического происхождения, имеет клетки и прожилки, и, по-видимому, представляет собой кожу неизвестного плода.

— ...давно известно в теории и, как предполагают, разрабатывается в условиях строгой секретности, — бубнило радио. — Тот, кто осуществит это первым, получит неоспоримое стратегическое преимущество с военной точки зрения.

— Порой я перестаю понимать, какой был смысл рождаться, — пробормотал Гаррисон.

Селектор квакнул и объявил:

— Шеф, вас спрашивает какой-то Бердж Киммелмен.

— Давайте его сюда.

Вошел Киммелмен, щеголеватый, самоуверенный. По-видимому, он только обрадовался возможности отдохнуть от обычных дел, поспешив на помощь закону и порядку. Он сел, закинул ногу за ногу, расположился, как дома, и принялся рассказывать свою историю:

— Просто черт знает что, капитан. Начать с того, что я никогда не беру в машину незнакомых людей. Но я остановился и подвез этого типа, хотя до сих пор не пойму, как это произошло.

— А где вы его подобрали?

— Примерно в полумиле за колонкой Сигера, если ехать в этом направлении. Он стоял на обочине, и я вдруг затормозил и распахнул перед ним дверцу. Я подвез его до Нортвуда, высадил, а сам рванул вперед в Саутвуд.

Только я там отошел от автомобильной стоянки, как вижу: он идет по той стороне улицы, — Киммелмен умолк и выжидательно посмотрел на них.

— Продолжайте, — сказал Райдер.

— Я его тут же окликнул и спросил, как это он очутился в городе раньше меня. А он сделал такие глаза, будто не понимал, о чем я говорю, — Киммелмен недоуменно пожал плечами. — Я над этим без конца ломал голову, но так ничего и не смог придумать. Я знаю, что подвез этого типа или его брата-близнеца. Но второго быть не может: ведь в таком случае он понял бы, почему я ошибся, и объяснил бы, что я, очевидно, подвез его брата, но он ничего подобного не сказал. И постарался вежливо прекратить разговор, как будто имел дело с ненормальным.

— Пока он ехал с вами, не говорил ли он чего-нибудь? — спросил Гаррисон. — Что-нибудь о себе, своей профессии, цели своей поездки?

— Ничего. Он на меня прямо как с неба упал.

— Тут все словно с неба упало, — кисло проворчал Гаррисон. — Известные семена, кожица неведомых плодов, и... — он внезапно умолк. Рот его остался раскрытым, глаза выпучились.

— ...подобной базой, любая страна окажется в положении, позволяющем диктовать...

Райдер подошел к приемнику, выключил его и сказал:

— Будьте любезны, подождите немного в приемной, мистер Киммелмен.

Когда коммивояжер вышел, он продолжал, обращаясь к Гаррисону:

— Ну, решайте же наконец, хватит вас удар или нет?!

Гаррисон закрыл рот, снова открыл, но не сумел издать ни звука. Его выпученные глаза, казалось, не могли вернуться в исходную позицию. Правой рукой он бессильно помахал в воздухе. Райдер взял телефонную трубку и, когда его соединили, сказал:

— О'Киф, что у вас там слышно по поводу этой космической станции?

— Вы мне только из-за этого звоните? А я как раз брался за трубку, чтоб связаться с вами.

— По какому поводу?

— Пришло одиннадцать ответов на циркулярное письмо. Первые девять из двух больших городов, а последние два — из Нью-Йорка. Ваш подопечный на месте не сидит. Держу пари на десять кокосовых орехов против одного, что следующий банк, который он попробует ограбить, будет в Нью-Йорке или его окрестностях.

— Вполне возможно. Но пока забудьте про него. Я вас спросил про станцию. Как у вас там реагируют на это?

— Гудят, как потревоженный улей. По слухам, астрономы заметили эту штуку и сообщили о ней еще за неделю до того, как газеты подняли шум. Если это так, значит, кто-то наверху пытался засекретить эти сведения.

— Зачем?

— А я откуда знаю! — вспыхнул О'Киф. — Как я могу ответить, почему кто-то делает глупости!

— Значит, вы считаете, что они должны были прямо сказать, наша это станция или нет, поскольку правда рано или поздно все равно выйдет на поверхность?

— Вот именно. Но вы-то чего этим так интересуетесь, Эдди? Какое отношение станция имеет к нашему делу?

— Я просто выражаю вслух мысль, которая произвела на Гаррисона противоположное действие. Он лишился дара речи.

— Какую еще мысль?

— Что эта космическая станция вовсе не станция. И что официальных сообщений не поступило потому, что специалисты встали в тупик. Они же не могут что-нибудь сказать, если им нечего сказать, верно?

— Зато мне есть что сказать, — объявил О'Киф. — Займитесь делом! Если вы больше не нужны Гаррисону, то возвращайтесь. Хватит отдыхать на казенный счет!

— Послушайте, у меня нет привычки развлекаться междугородными телефонными разговорами. С одной стороны, в небе болтается нечто, и никто не знает, что это такое. С другой стороны, здесь, внизу, нечто имитирует людей, грабит банки, выбрасывает объедки неземного происхождения, и никто опять-таки не знает, что это такое. Два плюс два равняется четырем. Попробуйте сами сложить.

— Эдди, вы свихнулись?

— Дайте я вам изложу все подробности, а потом судите сами. — Он быстро перечислил факты и закончил. — Постарайтесь заинтересовать тех, к кому это имеет прямое отношение. Нам одним такое дело не по зубам. Обратитесь к тем, у кого есть власть и возможности справиться с такой проблемой. Заставьте их понять!

Он положил трубку и посмотрел на Гаррисона, который мгновенно обрел способность говорить:

— А я все-таки не в силах поверить. Какая-то фантастика. В тот день, когда я доложу мэру, что банк ограбил марсианин, в Нортвуде будет новый начальник полиции. А меня он отправит к психиатру.

— А у вас есть другое объяснение?

— Нет. Это-то и хуже всего!

Выразительно пожав плечами, Райдер снова взял трубку и позвонил в лакокрасочную компанию «Акме». Затем вызвал из приемной Киммелмена.

— Очень вероятно, что вы нам завтра понадобится, а возможно, и в следующие дни тоже. Я только что звонил в вашу контору и договорился с ними.

— Не возражаю, — сказал коммивояжер, довольный возможностью побездельничать с разрешения начальства. — Тогда я отправлюсь снять номер.

— Но сперва скажите: этот ваш пассажир... был у него какой-нибудь багаж?

— Нет.

— Ни пакета, ни маленького свертка?

— Ничего, — решительно ответил Киммелмен.

Глаза Райдера заблестели.
— Возможно, нам повезло.

На следующий день по разным шоссе, успешно избежав внимания прессы, в Нортвуд приехали важные люди. Кабинет Гаррисона оказался битком набитым.

Среди приехавших были пишки из министерства финансов, генерал, адмирал, глава секретной службы, один из руководителей военной разведки, три директора ФБР, начальник контрразведки, а также их помощники, секретари и технические советники плюс букет ученых, включавший двух астрономов, специалиста по радиолокации, специалиста по управляемым снарядам и несколько растерянного старца, знатока муравьев с международной репутацией.

Они молча — одни с интересом, другие скептически — выслушали исчерпывающий доклад Гаррисона. Он кончил и сел, выжидающе глядя на слушателя.

Первым заговорил представительный седой человек:

— Я склонен согласиться с вами, что вы разыскиваете существо из иного мира. Я не берусь говорить от лица присутствующих. Возможно, у них сложилось иное мнение. Однако, мне кажется, нет смысла тратить время на споры. Проще решить вопрос, поймав преступника. В этом и заключается стоящая перед нами задача. Каким способом мы бы могли его схватить?

— Обычные методы тут не подходят, — объявил директор ФБР. — Того, кто способен изменить свою внешность настолько убедительно, что и стоя с ним рядом заметить подделку невозможно, изловить не так-то просто. Мы способны отыскать любого человека, если в нашем распоряжении будет достаточно времени, но не вижу, как мы можем выследить индивида, меняющего личности.

— Даже пришелец из другого мира не стал бы красть деньги, если бы они ему не были нужны, — заметил человек с пронзительными глазами. — Ведь больше нигде в кос-

мосе они хождения не имеют. Таким образом, можно предположить, что они ему были нужны. Однако деньги, кто бы их ни тратил, имеют тенденцию иссякать. Когда он их израсходует, ему придется пополнить запас. И он попробует ограбить еще один банк. Если все банки страны превратить в ловушки, он будет пойман.

— Как это вы расставите ловушку тому, кого сами будете считать лучшим и наиболее уважаемым своим клиентом? — спросил директор ФБР и с ехидной усмешкой добавил: — Если уж на то пошло, откуда вы знаете, что я — это не он?

Это предположение никого не обрадовало. Все тревожно переглянулись и умолкли, тщетно пытаясь найти решение проблемы.

Молчание нарушил Райдер.

— Откровенно говоря, я считаю, что искать по всему миру существо, которое способно выдавать себя за кого угодно, значит попусту терять время. Если он сумел в совершенстве скопировать двоих, то скопирует и двадцать и двести человек. Я думал об этом, пока у меня голова кругом не пошла, но не вижу, каким способом его можно опознать и схватить. Он же практически неуловим!

— Возможно, если бы мы могли точно узнать, как он это делает, нам было бы легче составить какой-нибудь план, — перебил один из ученых. — У вас нет никаких данных о его методах?

— Нет, сэр.

— На мой взгляд, речь идет о гипнозе, — сказал тот же ученый.

— Возможно, вы правы, — признал Райдер. — Но пока у нас нет никаких доказательств. — После некоторых колебаний он продолжал. — Насколько я могу судить, есть только один способ поймать его.

— Какой же?

— Вряд ли он явился к нам навсегда. Да и эта штука-вина в небе свидетельствует о том же. Для чего она? Я ду-

маю, для того, чтобы доставить его обратно, когда он будет готов убраться восвояси.

— Ну? — нетерпеливо спросил кто-то.

— Чтобы забрать его, эта штука должна спуститься с высоты в несколько тысяч миль. Следовательно, ее нужно будет вызвать. Ему придется дать сигнал своей команде, если она у него есть. Или же, если она управляется автоматически, посадить ее с помощью дистанционного управления. В любом случае ему будет нужен передатчик.

— Если передача будет продолжаться недолго, мы не успеем засечь ее и... — начал какой-то скептик.

Райдер отмахнулся от него.

— Я имею в виду совсем другое. Нам известно, что он явился в Нортвуд без багажа. Это утверждает Киммелмен. Это утверждает миссис Бастико. Его неоднократно в различное время видели многочисленные свидетели, но если не считать чемоданчика с деньгами, он никогда ничего с собой не носил. Даже если его цивилизация создала электронное оборудование, в десять раз более компактное и легкое, чем наше, все-таки передатчик дальнего действия будет слишком велик, чтобы носить его в кармане.

— Вы полагаете, что он его где-то спрятал? — спросил человек с пронзительным взглядом.

— Мне это кажется более чем вероятным. Но если он его спрятал, тем самым он ограничил свою свободу действий. Он не может посадить корабль там, где ему вздумается. Для этого ему надо будет вернуться к спрятанному передатчику.

— Но он мог спрятать передатчик где угодно. Не вижу, чем это нам поможет.

— Наоборот! — Райдер взял доклад Гаррисона и прочел несколько выдержек, делая ударения на самом важном. — Возможно, я ошибаюсь, но надеюсь, что нет. Какой бы облик он ни принимал, одного он замаскировать не мог — своего поведения. Если бы он замаскировался под

слона и начал проявлять любопытство, он был бы очень правдоподобным слонем, но слонем любопытным.

— К чему вы клоните? — спросил генерал с четырьмя звездами на погонах.

— Судя по его промахам, он только-только явился на Землю. Если бы он провел где-то еще хотя бы пару дней, в Нортвуде он вел бы себя совсем по-другому. Ведь большинство свидетелей подчеркивают, что он все время что-то выглядывал и высматривал. Он совершенно не знал обстановки. Он держался как чужак, которому все в новинку. Если я прав, то Нортвуд был его первой остановкой. А это в свою очередь означает, что место посадки — и, следовательно, место взлета! — должно находиться где-то поблизости. И скорее всего возле шоссе, где его подобрал Киммелмен.

Споры продолжались около получаса, а затем было принято решение, в результате которого развернулись поиски, которые возможны, только если за ними стоит вся государственная машина. Киммелмен проехал по шоссе пять миль и указал точное место, которое и стало исходной точкой всех операций.

Заправщиков на колонке Сигера допрашивали с величайшей тщательностью, но безрезультатно. Были найдены и допрошены шоферы, часто пользующиеся этим шоссе, — местные жители, водители автобусов и грузовиков. Немногочисленные обитатели редконаселенных холмов — мелкие фермеры, бродяги, любители уединения и случайно оказавшиеся там люди — были разысканы и подробно допрошены.

За четыре дня напряженной работы и бесконечных расспросов в круге диаметром в десять миль были обнаружены три человека, которые смутно припомнили, что вроде бы недели три назад они видели, как что-то упало с неба, а может наоборот, и унеслось в него. Фермеру померещилось, что он видит вдали летающее блюдце, но он никому про это не сказал, опасаясь насмешек. Еще один фермер на-

блюдал странный свет над холмами, который тут же исчез, а шофер грузовика краешком глаза заметил непонятный предмет, но когда повернул голову, там уже ничего не было.

Каждый из троих показал место, где это произошло, и с помощью теодолита постарался поточнее установить, в какой точке неба он видел непонятное явление.

В результате на карте появился удлинённый треугольник площадью почти в квадратную милю. Теперь все внимание сосредоточилось на нем. Из его центра была описана окружность радиусом в две мили, после чего полицейские, помощники шерифов, национальная гвардия и многие другие принялись обыскивать местность внутри этой окружности фут за футом. Это была настоящая армия, вооружённая миноискателями и другими приборами, реагирующими на металлы.

За час до сумерек Райдер, Гаррисон и несколько высокопоставленных лиц услышали возбуждённый крик и поспешили туда, где уже столпились все члены этой поисковой группы. Кто-то, подчиняясь тихому тиканью своего миноискателя, отвалил большой валун и увидел в яме под ним металлическую коробочку.

Коробочка была сделана из сизого металла. Длина её равнялась двенадцати дюймам, ширина — десяти, а высота — восьми. В её верхнюю грань было вделано шесть серебряных колец, по-видимому, служивших направленной антенной. Кроме того, на ней имелось четыре циферблата, установленных в разных позициях. И ещё — небольшая кнопка.

Специалисты, уже готовые к такой находке, сразу принялись за работу. Они сняли коробочку на цветную пленку во всех ракурсах, измерили её, взвесили, положили обратно в яму и опять прикрыли валуном.

На максимальной дистанции остались в засаде снайперы, снабжённые ночными прицелами и скорострельными винтовками. Данные о внешнем виде передатчика были

спешно отправлены в город, а между шоссе и тайником на земле были установлены микрофоны, провода которых вели туда, где снайперы ждали, не раздадутся ли во мраке крадущиеся шаги.

До рассвета в холмах заняли позицию и замаскировались четыре прожекторные команды и шесть зенитных батарей. Зброшенная ферма была использована под командный пост, а в амбаре расположилась радиолокационная установка.

Для всякого другого хватило бы засады с десятком дюжих полицейских. Но не для этого существа, которое могло явиться в любом, самом неожиданном виде, например епископом в полном облачении. Однако если он пойдет к передатчику и достанет его...

Через два дня из города пришла машина и забрала передатчик. На его место была положена точнейшая его копия, однако не способная ничего призвать с неба. Земляне тоже умели неплохо имитировать.

Но на кнопку настоящего передатчика никто нажимать не стал. Время для этого еще не пришло. До тех пор пока корабль остается на орбите, его загадочный пассажир будет терпиться обманчивым сознанием своей безопасности и рано или поздно угодит в расставленную для него ловушку.

Земля была готова терпеливо ждать. И ждала четыре месяца.

Банк на Лонг-Айленде лишился восемнадцати тысяч долларов. Метод был тот же самый — вошел, получил, ушел, исчез. Известный сенатор осмотрел бруклинские военноморские верфи, одновременно присутствуя на конференции в Ньюпорт-Ньюсе. Управляющий обошел телевизионные студии, размещенные на шести этажах небоскреба, с двадцатого по двадцать пятый, все время оставаясь в своем кабинете на десятом этаже. Пришелец успел уже узнать так много, что наглед все больше.

Переснимались чертежи, вскрывались сейфы, обследовались лаборатории. Сталелитейные и военные заводы подверглись неторопливому и подробному осмотру. Начальник большого инструментального цеха сам водил по заводу самозванного гостя и давал ему необходимые объяснения.

Но даже у того, кто практически неуязвим, не все сходит гладко. Самый большой ум не гарантирует от ошибок. Харапа Вэнеш сделал большую глупость, когда в сомнительном баре достал из кармана плотную пачку крупных купюр. Его выследили до отеля. На следующий день, когда он вышел, за ним никто не следил, но, пока он вынюхивал очередные секреты Земли, в его номере произошла кража. Вернувшись, он обнаружил, что от денег, взятых в лонг-айлендском банке, не осталось ничего. Это означало перерыв в шпионаже: нужно было подоить третий банк.

И наконец он завершил свою работу. Обследовав одну из наиболее развитых областей этой планеты, он не счел нужным знакомиться с остальными. Все, что требовалось для целей андромедян, он уже узнал. Располагая собранной им информацией, гипнотисты империи, включающей двести планет, могли в любую минуту без всякого труда прибавить к ней еще одну.

Неподалеку от колонки Сигера он вылез из машины и вежливо поблагодарил автомобилиста, который никак не мог понять, с какой стати он сделал такой большой крюк ради совершенно незнакомого человека. Стоя у обочины, Вэнеш смотрел вслед машине. Она уносилась прочь на бешеной скорости, словно водитель был очень зол на себя.

Крепко держа чемоданчик, набитый заметками и набросками, он оглядел местность и увидел то же, что видел четыре с лишним месяца назад. Тем, кто находился в пределах его гипнотического воздействия, он представлялся дородным и несколько самодовольным коммерсантом, который лениво осматривал холмы. Те же, кто находился вне этих пределов, были слишком далеко, чтобы невооружен-

ным глазом увидеть что-либо, кроме неясной фигуры, издали напоминающей человека.

Но те, кто смотрел в подзорные трубы и бинокли с расстояния свыше мили, видели то, чем он был на самом деле. Существо не из этого мира. Нечто. Они могли бы сразу же его захватить. Но сочли это излишним: ведь все уже было давно готово к его приему.

Крепко прижимая к себе чемоданчик, он быстро пошел от шоссе прямо к тому месту, где был спрятан передатчик. Оставалось только нажать кнопку, вернуться в Нортвуд, заглянуть в какую-нибудь забегаловку, выспаться и вернуться сюда. Корабль, следуя по лучу передатчика, приземлится здесь, но это займет ровно восемнадцать часов двадцать минут.

Подойдя к валуну, Вэнеш в последний раз настороженно осмотрелся. Нигде ни души. Он откатил валун и почувствовал легкое облегчение, увидев, что его прибор лежит в яме — так, как он его и оставил. Нагнувшись, Вэнеш нажал на кнопку.

Из коробки с шипением вырвался одуряющий газ. Тут люди допустили ошибку. Они были убеждены, что он потеряет сознание по меньшей мере на сутки. Но ничего подобного не произошло. Его организм не был похож на человеческий, а потому он только закашлялся и кинулся бежать.

В шестистах ярдах от него из-за скалы выскочило четыре человека. Наведя на него винтовки, они крикнули, чтобы он остановился. Слева из-под земли выскочили еще десятеро и закричали то же самое. Он ухмыльнулся, показывая им зубы, которых на самом деле у него не было.

Он не мог заставить их сунуть дуло себе в рот. Но зато с его помощью они могли изрешетить друг друга. Не замедляя бега, он метнулся в сторону, чтобы уйти с линии огня. Четверо справа услужливо подождали, пока он не оказался в безопасном месте, а затем начали палить в де-

сятерых. Те в свою очередь принялись поливать их свинцом.

Вэнеш продолжал бежать изо всех сил. Он мог бы с удобством развалиться на скале и просто подождать, пока люди не перестреляют друг друга, — при условии, что вне зоны его гипнотического воздействия не скрывается еще засада с оружием дальнего действия. Он не мог рисковать.

Разумнее всего было следующее: как можно скорее покинуть опасное место, вновь выйти на шоссе, забрать первый же автомобиль и опять исчезнуть в гуще многомиллионного населения этой страны. О том, как подать сигнал кораблю, он подумает на досуге в безопасном месте. Задача не была неразрешимой — ведь в случае необходимости он может стать и здешним президентом.

Опасения Вэнеша были вполне оправданны: в полумиле от него прятался плотный толстяк по имени Хэнк, который не стерпел такого трусливого и наглого бегства с фронта гражданской войны. Вспыльчивый Хэнк лежал за тяжелым пулеметом. Видел он не то, что видели те, кто находился ближе к беглецу, и, не слыша команды «отставить!», Хэнк повернул свой пулемет, хмуро посмотрел в прорезь прицела и нажал спуск. Пулемет оглушительно затрещал, его лента задергалась и загремела.

Несмотря на расстояние, он точно попал в цель. Хараша Вэнеш опрокинулся на бок, дернулся и больше не встал. Его неподвижное тело продолжало сотрясаться от ударов все новых и новых пуль. Он был мертв.

Гаррисон поспешил к телефону, чтобы скорее сообщить новость. Ему ответил О'Киф.

— Его тут нет. У него сегодня выходной день.

— А где я мог бы его найти?

— У него дома. Я дам вам номер. Он там пестует младенца.

Гаррисон позвонил по указанному номеру.

— Он... вернее, оно убито. Примерно час назад.

— Гм-м-м... Жаль! Надо было бы взять его живьем.

— Легче сказать, чем сделать! Да и как бы вы держали в заключении существо, которое могло бы заставить вас снять с него наручники и надеть их на себя?

— Над этим пусть ломают головы служба безопасности и полиция. А я работаю в министерстве финансов.

Положив трубку, Гаррисон хмуро уставился на стену. За стеной, в нескольких сотнях миль к югу, люди вышли на взлетную дорожку аэродрома, положили на бетон бурую коробочку и нажали кнопку, после чего начали ждать, наблюдая за небом.

Командор Круин неторопливо спускался по металлическому трапу, на последней ступеньке секунду помедлил и, горделиво присанившись, шагнул вниз. Наконец под ногами твердь. Новая территория. Он первым из людей ступил на поверхность этой незнакомой планеты.

Огромный, могучего сложения, в полном парадном одеянии, стоял он возле флагманского корабля, озаренный лучами чужого солнца. Серовато-зеленый, идеального покроя мундир — без единой морщинки. На груди сверкают усыпанные бриллиантами ордена. Сапоги начищены до зеркального блеска, как ни разу еще с момента старта на родной планете. Круин чуть переступил с ноги на ногу, и золотые колокольчики на каблуках — знаки различия — тоненько зазвенели. Из-под козырька тяжелого, затейливо украшенного шлема самодовольно смотрели холодные глаза.

Тотчас же вслед за ним из отсека, откуда он только что вышел, раскачиваясь, спустился микрофон. Круин поймал его своей левой ручищей, отрешенный взгляд устремился вдаль, точно ему были открыты видения далекого прошлого и еще более отдаленного будущего. Великий момент в истории Гульда.

— Во имя моей планеты, во имя моего великого народа, — торжественно, официальным тоном начал он, — объявляю эту территорию владением Гульда. — И четко, резко, как автомат, отдал честь.

И сейчас же двадцать два древка с черно-красно-золотыми полотнищами — цветами Гульда — высунулись одновременно из носовых иллюминаторов черных длинных ракет. Внутри каждого корабля семьдесят человек команды

вытянулись по стойке смирно и, отдав честь, дружно грянули гимн Гульда: «О святая отчизна Гульд».

Когда гимн был пропет, Круин опять отдал честь. Полторы тысячи рук взметнулись вверх в ответном салюте. Круин поднялся по лестнице во внутреннее помещение флагама. Вымпелы были тотчас же убраны, люки задрены. Двадцать два корабля чужеземных захватчиков стояли в военном строю на равном расстоянии один от другого, носы выравнены строго по воображаемой прямой.

Над невысоким холмом к востоку от долины вырос столб огня и густого дыма. Горело то, что осталось от двадцать третьего корабля — восьмая катастрофа за три года космического полета от Гульда на эту незнакомую планету. В момент старта их было тридцать. Цели достигли двадцать два.

Войдя в рубку, командор Круин опустился в кресло перед своим столиком, снял с головы тяжелый шлем и поправил орден, скромно спрятавшийся за соседа.

— Этап четвертый, — с удовлетворением проговорил он.

Первый помощник Джусик почтительно кивнул и протянул командору тоненькую книжку. Раскрыв ее, Круин стал негромко читать:

— Этап первый: выяснить, годятся ли природные условия планеты для наших форм жизни. — Потерев могучий подбородок, Круин ответил себе: — Выяснили, годятся.

— Да, сэр. Ваша первая большая победа.

— Благодарю, Джусик. — Крупное лицо командора скривила жесткая улыбка: — Этап второй: держаться в тени, отбрасываемой планетой, на расстоянии не менее одного ее диаметра, пока самолеты-разведчики исследуют поверхность на предмет существования более высоких форм жизни. Третий этап: выбрать место посадки вдали от крупных городов, способных оказать серьезное сопротив-

ление, но так, чтобы вблизи были небольшие селения, которые легко покорить. Четвертый этап: торжественная церемония провозглашения планеты колонией Гульда в соответствии с Уставом космической службы. — Круин опять потер подбородок. — Все это позади. — Он снова улыбнулся и с удовлетворением взглянул в иллюминатор над столом. Точно картина в круглой раме, открылся ему далекий холм со столбом дыма. Чело командора нахмурилось. На скулах заиграли желваки.

— Окончить школу космических навигаторов, получить самую высокую квалификацию! — Он презрительно нахмурился. — И погибнуть у самой цели! Нет еще одного корабля, еще одной команды. Восьмая катастрофа за три года. Вернемся на Гульд, придется навести порядок в учебно-астронавигационном центре.

— Так точно, сэр, — поддакнул Джусик. — Этому не может быть оправдания.

— Никому и ничему не может быть оправдания!

— Не может, сэр.

Презрительно фыркнув, Круин продолжал читать:

— Пятый этап: занять оборонительную позицию, как предписано в наставлении по обороне. — Круин взглянул на Джусика, в его худое с тонкими чертами лицо. — Каждый капитан имеет Боевой устав. К выполнению пятого этапа приступили?

— Да, сэр, приступили.

— Хорошо. Того, кто будет последним, понижу в звании. — Послюнявив большой палец, Круин перелистнул страницу: — Этап шестой: если на планете обитают разумные существа, захватить несколько особей. — Откинувшись на спинку стула, Круин выждал секунду и вдруг рявкнул: — Вы чего ждете?

— Прошу прощения, сэр?

— Немедленно доставить сюда туземцев! — заорал Круин.

— Будет сделано, сэр.

Не моргнув глазом, Джусик отдал честь и строевым шагом вышел из капитанской рубки.

Дверь автоматически затворилась. Круин смотрел на нее с ненавистью.

— Чертов учебный центр! С тех пор, как я оттуда ушел, дела там идут из рук вон плохо.

Отодвинувшись в кресле, он положил вытянутые ноги на стол и едва заметно подрагивал ими, чтобы слышать, как звенят золотые колокольчики. Он ожидал, когда приведут туземцев.

Туземцев не пришлось долго искать, они подвернулись сами. Выстроившись у хвоста самой последней ракеты, они широко раскрытыми глазами смотрели на невиданное чудо. Капитан Сомир лично привел их к командору.

— Этап шестой предусматривает поимку туземцев, — обратился он к Круину. — Я понимаю, вам требовалось что-нибудь получше. Но я нашел этих под самым нашим носом.

— Под самым носом? Вы где, у себя дома на Гульде? Как вы можете допустить, чтобы вокруг вашего корабля разгуливали как ни в чем не бывало обитатели новой территории? Почему не сработала оборонительная система?

— Пятый этап еще не завершен, сэр. На все нужно время.

— А что делают ваши наблюдатели? Спят?

— Никак нет, сэр, — заверил командора Сомир, чувствуя, что почва уходит у него из-под ног. — Но они решили, что из-за этих вот не стоит поднимать общей тревоги.

Круин нехотя согласился. Окинул презрительным взглядом стоявшую перед ним троицу: мальчишка от горшка два вершка, курносый, во рту пухлый кулачок, голенастая с мышинными хвостиками девочка постарше и девочка-подросток, высокая, чуть пониже Сомира, в легком платье, тоже худенькая, но уже с намечающейся грудью. У всех троих ярко-рыжие волосы и лица в веснушках.

— Я Марва, Марва Мередит, — сказала высокая де-

вочка, обращаясь к Круину. — Это Сью, а вот это — Сэм. Мы живем в Вильямсвилле, вон там. — Она улыбнулась Круину, и он вдруг заметил, что глаза у нее ослепительно ярко-зеленые. — Мы собирали голубику, а тут прилетели вы.

Круин хмыкнул, сложив руки на животе. То, что обитатели планеты оказались по виду такими, как он, ничуть не удивило его. Ему в голову не приходило, что может быть иначе. Ученые Гульда утверждали, что все высшие формы жизни должны быть человекоподобными, и до сих пор исключений из этого правила не наблюдалось.

— Я не понимаю ни слова этой тарабарщины, — сказал он Сомиру, — а она, разумеется, не понимает меня. Надо быть идиоткой, чтобы тратить время на такой бессмысленный разговор.

— Да, сэр, — согласился Сомир. — Отвести их в учебный отсек?

— Не надо. Какой от них толк!

Круин брезгливо смотрел на усыпанное веснушками лицо стоящего перед ним малыша. Он никогда прежде не видел ничего подобного.

— Они все в каких-то точках. Может, это болезнь? Фу, мерзость! — его передернуло от отвращения. — Они прошли дезинфекционную лучкамеру?

— Разумеется, сэр. Это первое, что было сделано.

— И впредь не забывайте об этом.

Он медленно перевел взгляд с малыша на девочку с мышиными хвостиками, затем на высокую, зеленоглазую. Он не хотел смотреть на нее, но знал, что не удержится и посмотрит. В ее чистых, как утренняя роса, глазах было что-то такое, отчего он ощутил смутное беспокойство. Против воли глаза его встретили ее взгляд. Она опять улыбнулась, и на ее щеках обозначились ямочки.

— Вышвырни их вон, — рявкнул Круин, не взглянув на Сомира.

— Как прикажете, сэр, — ответил тот и легонько под-

толкнул всех троих. Взявшись за руки, дети цепочкой пошли к двери.

— До свидания, — важно пробасил малыш.

— До свидания, — застенчиво проговорили мышинные хвостики.

Высокая девочка обернулась в дверях.

— До свидания, — сказала она и снова показала ямочки.

Круин взглянул на нее. Услыдав еще одно непонятное слово, заерзал в кресле. Дверь за детьми автоматически затворилась.

«До свидания», — мысленно произнес Круин незнакомое слово. Судя по ситуации, прощальное приветствие. Вот он уже знает одно туземное выражение.

«Этап седьмой — обучить туземцев гульдскому языку и вступить с ними в общение».

Обучить их. А не наоборот. Не они должны обучать, а ты их. Раб не должен учить хозяина. Хозяин должен учить раба.

«До свидания», — в сердцах повторил Круин. Казалось бы, пустяк, но налицо явное нарушение устава. Никому и ничему не может быть оправдания.

Оглушительно грохотали двигатели — космические корабли занимали оборонительную позицию, предусмотренную наставлением по обороне. В течение нескольких часов эти громадины маневрировали в тесной долине: разворачивались, двигались вперед, осторожно подавали назад. И в конце концов образовали, встав носами к центру, хвостами наружу, две одиннадцатиконечные звезды. Полоса земли, покрытая пеплом сожженной травы, кустов и деревьев, окружала эти два зловещих кольца, ощетилившихся соплами, пламя которых могло испепелить все живое в радиусе одной мили.

Покончив с передислокацией, пропитанные потом и копотью гульдианцы снимали с кораблей носовые орудия и устанавливали их в промежутках между соплами. Хвостовые орудия остались на месте, но их стволы были нацелены под углом вверх. Пушки плюс сопла двигателей образовали грозную круговую оборону. Эта хитроумная система была гордостью Гульда, изобретением его военных специалистов. Но наблюдатель с другой планеты сказал бы, что круговая оборона — очень древнее изобретение, что ее применяли в стародавние времена еще пионеры Дальнего Запада, отправлявшиеся на поиски новых земель в своих допотопных фургонах. Правда, это было в столь далеком прошлом, что о круговой обороне помнили только немногие знатоки древней истории. И, конечно, нагрянувшие сюда космические пираты ничего об этом не знали.

Впереди каждого космического корабля были поставлены носом наружу по два маленьких скоростных, вооруженных до зубов самолета-разведчика, готовых взмыть в любую минуту. Стояли они так, что ни огонь из сопел, ни пушечные выстрелы им не угрожали. Много сил и времени было потрачено, чтобы добиться идеального построения: расстояние между каждой парой самолетов было выверено до сантиметра; так же точно были выверены углы поворота. Весь лагерь имел ту геометрическую правильность построения, которая так мила сердцу военного.

Шагая по узкой дорожке вдоль наружной палубы флагмана, Круин с удовлетворением наблюдал, как трудится его команда. Четкая организация, дисциплина, прилежание и беспрекословное повиновение — вот в чем сила Гульда, залог его нынешнего и будущего стократного могущества.

Дойдя до хвостовой части, Круин остановился, облокотившись на перила, и взглянул вниз на концентрические круги широкого короткого сопла. Команда флагмана измеряла углы поворота самолетов-разведчиков относительно корпуса корабля. Через выжженное поле во главе с Джу-

сиком шагали с автоматами через плечо четверо стражников, ведя под конвоем пленных.

Увидев командора, Джусик скомандовал: «Стой!» Стража и пленные остановились, щелкнув каблуками и подняв облако черной пыли. Взглянув в их сторону, Круин отдал честь.

— Шестеро особей, сэр.

Круин оглядел пленников безразличным взглядом: шестеро мужчин в песочного цвета мешковато сидевших костюмах. Он бы медного гроша не дал и за шесть тысяч таких, как эти.

Самый высокий, второй слева, был рыжеволос, изо рта у него торчало что-то длинное, дымящееся. Он был шире Круина в плечах, но весил наверняка вдвое меньше. «Интересно, не зеленые ли у него глаза», — рассеянно подумал командор. На таком расстоянии не было видно.

Спокойно посмотрев на Круина, рыжеволосый вынул дымящуюся штуку изо рта и, не повышая тона, проговорил:

— Черт возьми, живой генерал.

Затем сунул дымящуюся штуку в рот и выпустил сизую струйку дыма.

Остальные с сомнением покачали головами, точно не поняли приятеля или не поверили ему.

— Не может быть! — возразил стоявший справа, тощий, длинный, с худым мрачным лицом.

— Говорю тебе, генерал, — также не повышая тона, повторил Рыжий.

— Отвести их в учебный отсек, сэр? — спросил Джусик.

— Да.

Выпрямившись, Круин стал аккуратно натягивать белые парадные перчатки.

— Доложите мне о них, когда они научатся говорить по-гульдски. А до тех пор ничего не желаю о них слышать.

Ответив на приветствие Джусика и стражи, Круин отправился обратно в нос корабля.

— Теперь видите? — спросил Рыжий, стараясь идти в ногу со стражей. Казалось, это доставляет ему удовольствие. Подмигнув соседу, он выпустил изо рта душистый завиток дыма.

Лингвисты Фейн и Парт на другой же вечер попросили аудиенции у командора. Джусик их впустил. Круин недовольно оторвался от доклада, который он обычно составлял в этот час.

— В чем дело?

— Сэр, пленники предлагают, чтобы мы обучали их языку у них дома.

— Как они смогли предложить вам это?

— Мы объясняем знаками.

— А как вам могло прийти в голову, что эта идиотская идея заслуживает моего внимания?

— Есть соображения, сэр, которые вынуждают обратиться к вам, — гнул свое Фейн. — Согласно Уставу внутренней службы, подобные дела должны представляться на рассмотрение вышестоящего начальства, чье решение считается окончательным.

— Прекрасно, прекрасно, — Круин посмотрел на Фейна более благосклонно. — Какие же это соображения?

— Время — самый важный для нас фактор. Чем быстрее наши пленники научатся нас понимать, тем лучше. Здесь же их внимание слишком поглощено непривычной и, возможно, таящей опасность обстановкой. К тому же они все время думают об оставленных семьях, о друзьях. А дома их ничто не будет отвлекать. Они будут заниматься куда более прилежно и очень скоро выучатся нашему языку.

— Несерьезно, — презрительно скривился Круин.

— Это еще не все. По натуре здешние туземцы приветливы и простодушны. И я думаю, что мы можем их не бояться. Если бы они были настроены агрессивно, то уже давно бы напали на нас.

— Как сказать. Осторожность необходима всегда. Это неоднократно подчеркивается в наставлении по обороне. Туземцы скорее всего сначала разведывают о нас побольше, а уж потом нападут.

Фейн вдруг сообразил, чем можно подействовать на командора.

— Ваши последние слова — мой самый веский довод, — сказал он. — В недрах нашего лагеря находятся сейчас шесть пар чужих глаз и шесть пар чужих ушей. Кроме того, отсутствие этих шестерых наверняка встревожило их соплеменников. Если же они вернутся в целостности и сохранности, то тревога уступит место благодущию, а в их расположении появятся наши глаза и уши.

— Хорошо сказано, — на секунду забылся Джусик.

— Молчать, — рявкнул Круин. — Я не помню, чтобы где-нибудь в уставе имелись на этот счет указания. — Взглянув на Джусика, он придвинул к себе Устав космической службы и долго изучал его. Наконец сказал: — Единственное подходящее к данному случаю правило заключается, по-видимому, в следующем. В случаях, не предусмотренных инструкцией, решение должен принимать я при условии, что оно не будет противоречить параграфам других уставов, а также распоряжениям вышестоящего начальства.

— Да, сэр, — откликнулся Фейн.

— Разумеется, сэр, — поддержал его Парт.

— Далеко живут эти пленные? — нахмурившись, спросил Круин.

— В часе ходьбы отсюда. Если же, — Фейн энергично взмахнул рукой, — с нами что-нибудь случится, а это почти невероятно, то стоит послать одного разведчика, и от их деревни останется мокрое место. Один разведчик, одна бомба, один миг — и все кончено. По вашему приказанию, разумеется, — благоразумно прибавил он,

Круин был явно доволен.

— Не вижу причины, почему бы нам не воспользоваться их исключительной тупостью. — Он смотрел на Джусика, как бы спрашивая его мнение, но тот предпочел не заметить взгляда начальства. — Поскольку вы, лингвисты, подали свой план на мое рассмотрение, я ваш план одобряю и приказываю приступить к его выполнению, — с этими словами Круин заглянул в листок, который вынул из ящика. — Вместе с вами пойдут два психолога, Калма и Хеффи.

— Есть, сэр, — Фейн бесстрастно откозырнул и в сопровождении Парта вышел из рубки командора.

Рассеянно глядя на неоконченный доклад, Круин поиграл немного вечным пером, взглянул на Джусика и вдруг рывкнул:

— Вы чему улыбаетесь? — Улыбка тотчас растаяла на лице Джусика. — Выкладывайте, что там у вас.

— Я думаю, сэр, — медленно начал Джусик, — что три года на борту космического корабля — это очень много.

Швырнув ручку на стол, Круин встал, выпрямившись во весь рост.

— Разве для меня этот путь был короче, чем для других?

— Ваш путь, — твердо, но почтительно произнес Джусик, — был самым длинным.

— Убирайся вон, — заорал на помощника Круин.

Он смотрел, как Джусик вышел, как сама собой закрылась дверь, подождал, пока щелкнет замок. Перевел взгляд на стекло иллюминатора. За стеклом сгущались сумерки. Он стоял неподвижно, и золотые колокольчики молчали. Невидимое солнце втягивало в себя последние лучи щупальца.

Спустя короткое время по полю в сторону далекого холма, поросшего лесом, зашагали десять фигур. Четверо были в форме, остальные шесть — в мешковатых, песочного цвета костюмах. Они шли, переговариваясь с помощью жестов, один смеялся. Командор Круин закусил

нижнюю губу, следя взглядом за теми, кто уходил к чужим, пока вечерние сумерки не поглотили их.

— Этап восьмой: отразить первый удар противника в соответствии с Боевым уставом, — Круин презрительно фыркнул, заученным жестом поправил ордена.

— Первого удара не было, — заметил Джусик.

— Мне этот факт небезызвестен, — сдвинув брови и саркастически усмехнувшись, заметил Круин. — Но я предпочел бы, чтобы был. Мы готовы отразить его. Чем раньше они решат померяться с нами силой, тем скорее поймут, кто хозяин положения! — Круин сунул большие пальцы огромных рук за отделанный серебряной чеканкой ремень. — Кроме того, и люди были бы заняты. Я не могу заставить их зубрить уставы с утра до ночи. Мы здесь уже девятый день, а ничего еще не случилось. — Вспомнив про устав, Круин продолжал: — Этап девятый: отразив нападение, взять инициативу в свои руки и в соответствии с Боевым уставом перейти в наступление. — Круин опять фыркнул. — Как можно наступать, если не было первого удара противника?

— Это невозможно, — рискнул вставить Джусик.

— Невозможных вещей нет, — из духа противоречия огрызнулся Круин. — Этап десятый: в случае если разумные существа не нападут или даже выкажут явное дружелюбие, что маловероятно, оборону по-прежнему не снимать, захваченных в плен обучать гульдскому языку и производить разведку с помощью самолетов-разведчиков, причем в разведывательных полетах использовать не больше одной пятой всех имеющихся в наличии самолетов.

— Это значит, что мы можем послать сразу восемь или девять самолетов-разведчиков, — подумав, заметил Джусик. — А что предписано делать, если самолет-разведчик не вернулся в назначенный срок?

— Почему вы задали этот вопрос?

— Восемь самолетов-разведчиков, посланных по вашему приказанию, вылетели сорок периодов назад и в назначенный срок не вернулись.

Командор Круин в ярости отшвырнул книгу. Его тяжелое широкоскулое лицо побагровело.

— Первый помощник Джусик, вы обязаны были сообщить мне тотчас же по окончании этого срока.

— Что я и сделал, — невозмутимо отпарировал Джусик. — Самолеты могут находиться в воздухе сорок периодов, не дольше. Горючее, как вам известно, рассчитано именно на этот срок. Таким образом, они должны были сейчас вернуться. Но, как видите, их пока нет.

Круин дважды прошелся по рубке, ордена на груди повязкивали в такт перезвону золотых колокольчиков.

— Если самолет не вернулся, ответное действие — стереть с лица планеты все населенные пункты, которые находятся вдоль трассы его полета. Никаких полумер. Урок должен быть наглядным.

— Какие именно населенные пункты, сэр?

Остановившись на середине рубки, Круин заорал:

— Вы это должны знать! У всех самолетов-разведчиков имелся строго установленный маршрут. Так что проще простого...

Резкий свистящий звук прервал его на полуслове, свист перешел в глухой гул и снова поднялся до самых высоких нот.

— Номер первый, — сказал Джусик, сверившись с висющим на стене хронометром. — С опозданием, но вернулся. Возможно, сейчас появятся другие.

— Кто-то дорого поплатится, если они не вернуться.

— Пойду приму донесение вернувшегося пилота, — сказал Джусик и, отдав честь, вышел из каюты.

Подойдя к иллюминатору, Круин наблюдал за тем, как самолет-разведчик приземляется возле ближайшего кораб-

ля. Он опять закусил нижнюю губу и медленно, долго жевал ее — мысли путались.

За серой, выжженной полосой начинался зеленый луг, пестрый от лютиков и ромашек. Там гудели пчелы, и легкий ветерок шелестел листвою соседнего леса. Четверо механиков корабля № 17, открыв этот рай земной, улеглись в тени цветущего большелистного куста. Зажмурив глаза, перебирая руками стебли травы, они лениво болтали о пустяках и не слышали приближающегося звяканья золотых колокольчиков. Подойдя вплотную к беззаботно отдыхавшим парням, Круин, весь побагровев, рявкнул:

— Встать!

Вскочив на ноги, все четверо вытянулись по стойке смирно: плечо к плечу, руки по швам, бесстрастные лица, глаза устремлены на Круина.

— Ваши фамилии?

Каждый послушно, громким, отчетливым голосом назвал фамилию, Круин записал их в блокнот и, пообещав заняться ими попозже, приказал: «Кругом — марш!»

Откозыряв, все четверо, четко печатая шаг, зашагали в сторону лагеря: ать-два, ать-два! Круин зло смотрел им вслед, пока их фигуры не слились с тенью ракеты. Только тогда он повернулся и пошел дальше. Поднимаясь по холму, Круин не снял руки с холодной рукоятки пистолета. Дойдя до гребня, он остановился и посмотрел вниз, в долину, откуда только что пришел. Корабли Гульда, образовав две геометрически правильных звезды, стояли молчаливые и зловецкие.

Тяжелый властный взгляд Круина устремился в долину по другую сторону холма. Мирная, пасторальная картина открылась ему. Заросший лесом склон холма убежал вниз, к маленькой речушке, голубая лента которой вилась, исчезая в туманной дали. За речкой тянулись возделанные поля и виднелись три небольших домика.

Усевшись на большой валун, Круин расстегнул кобуру, настороженно огляделся, вынул из кармана свернутое в трубочку донесение, расправил и стал в сотый раз просматривать. Слабый запах травы и хвои приятно щекотал ноздри.

«Я кружил над аэродромом на небольшой высоте и старался сфотографировать все стоявшие там машины. В воздухе находилось еще две машины, но они не мешали мне и скоро улетели куда-то по своим делам. Люди внизу подавали мне какие-то сигналы. Было похоже, что они приглашают меня сесть. Я решил воспользоваться приглашением, как рекомендовано в Уставе космической службы. И сел. Мой самолет сейчас же отвели с взлетно-посадочной полосы. Встретили меня очень любезно».

Что-то засвистело, забулькало над головой, Круин взглянул вверх, инстинктивно схватившись за кобуру. Это запела в кустах маленькая серая птичка. Перелистав несколько страниц, Круин нахмурился и стал читать заключительную часть:

«...не зная языка, я не мог отказаться от приглашения осмотреть город. Всюду меня угощали каким-то напитком. После шести стаканов я почувствовал, что ноги у меня стали как ватные, и повалился на руки моим спутникам. Решив, что меня отравили, коварно заманив в ловушку, я стал ожидать смерти... они щекотали мне шею и, смеясь, что-то говорили... меня немного поташнивало». — Круин в недоумении потер подбородок и продолжал читать: «Только убедившись, что я окончательно пришел в себя, они отвели меня обратно к моему самолету. Я вырулил на старт и взлетел, а они стояли внизу и махали мне вслед. Приношу извинение моему капитану за опоздание. Меня задержали обстоятельства, перед которыми я был бессилён».

Птичка вспорхнула с ветки и села на траву у самых ног Круина. Она тоненько, жалобно засвистела, склонила набок крошечную головку и посмотрела на него ясными глазками-бусинками.

Окончив один рапорт, Круин взялся за следующий. Этот был аккуратно отпечатан на машинке и подписан Партом, Фейном, Калмой и Хефни.

«Они, кажется, не понимают, что произошло, и относятся к прилету космических кораблей Гульда как к чему-то вполне заурядному. Их самоуверенность поразительна, тем более что, как мы успели заметить, для нее нет никаких оснований. Покорить их так просто, что если связной корабль отправить на Гульд чуть попозже, то мы сможем доложить не только об открытии этой планеты, но и о ее завоевании, а значит, о нашей новой победе».

«Победа», — прошептал Круин. Какое внушительное, какое весомое слово! Услышав его, весь Гульд возликует и будет восторженно рукоплескать.

Пять космических навигаторов рапортовали до него об открытии новых планет, но никто из них не залетал так далеко, ничей путь не был таким тяжелым и долгим. И никто еще как награду за все испытания не получал такой лакомый кусок — такую большую, одетую сочной растительностью, такую гостеприимную планету. И никто до него не рапортовал о победе. Нельзя одержать победу над голой каменной глыбой. Но это...

За спиной командора раздался голос:

— Доброе утро.

Говорили по-гульдски, но с незнакомым акцентом.

Круин поспешно поднялся на ноги, опустил руки по швам, лицо стало жестоким, властным.

Она смотрела на него ясными зелеными глазами и смеялась.

— Вы помните меня? Я Марва Мередит.

Ветер разметал ее огненно-рыжие волосы.

— Ну вот, — продолжала она медленно, не совсем уверенно. — Вот я и умею немного говорить по-гульдски. Всего несколько фраз.

— Кто тебя научил? — резко спросил он.

— Фейн и Парт.

— Это у вас они остановились?

— Да, у нас. Калма и Хефни гостят у Билла Глисона. А Фейн и Парт у нас. Их привел отец. Они живут в комнате для гостей.

— В комнате для гостей?

— Ну да.

Усевшись на валун, на котором только что сидел Круин, она подтянула к подбородку тонкие ноги, обхватила их руками и уткнулась подбородком в колени. Он заметил, что ноги ее, как и лицо, все в веснушках.

— Ну да, — повторила она. — А где же еще? В каждом доме есть комната для гостей, ведь правда?

Круин промолчал.

— А у вас в доме есть такая комната?

— У меня в доме?

Он поискал взглядом птичку, которая только что пела над головой в кустах, но птичка улетела. Забывшись, Круин снял руку с кобуры. Его ладони, как живые существа, прильнули одна к другой, пожимали, поглаживали друг друга, точно искали близкую душу, ожидали утешения.

Взглянув на его руки, Марва сказала мягко и нерешительно:

— Ведь у вас где-нибудь есть дом, свой дом? Есть?

— Нет.

Вытянув ноги, она встала.

— Мне очень, очень вас жаль.

— Тебе жаль меня? — Его взгляд метнулся к ней. В нем были недоверие, изумление, сменившиеся мгновенной вспышкой гнева.

— Ты чудовищно глупа, — прибавил он грубо.

— Правда? — спросила она робко.

— Ни у кого в моей экспедиции нет дома, — продолжал он. — Каждый прошел очень строгий отбор, самые разнообразные испытания. Ум и профессиональное умение —

еще не все. Участник экспедиции должен быть молод, здоров, без всяких привязанностей. Определяющей при отборе мы считали способность сконцентрировать все свое внимание, все свои силы на выполнении поставленной задачи, чтобы никакая сентиментальная чушь, вроде тоски по оставленному дому, не мешала ему. Это снижает моральный дух.

— Я не понимаю всех ваших длинных слов, — жалобно проговорила зеленоглазая девочка, — и говорите вы очень быстро.

Круин повторил все сначала, на этот раз медленно, выговаривая каждое слово:

— Космический корабль покидает базу на многие годы, и команда не должна тосковать по родине. Мы набирали команду из людей, не имеющих дома, чтобы, расставаясь с Гульдом, ни один не проронил и слезинки. Все они обладают мужеством первопроходцев!

— Молодые, здоровые, без всяких привязанностей, — повторила Марва. — В этом их сила?

— Разумеется, — подтвердил Круин.

— Специально отобранные для космоса. Сильные люди. — Марва посмотрела вниз на свои узкие ступни, и ее зеленые глаза спрятались под ресницами. — Но ведь теперь они не в космосе. Они здесь, на нашей планете.

— Ну и что же? — спросил Круин.

— Ничего, — раскинув руки, Марва глубоко вздохнула, улыбнулась Круину, показав ямочки на щеках, и повторила: — Ничего.

— Ты еще совсем ребенок, — презрительно проговорил Круин. — Вот когда вырастешь...

— Станешь умнее, — закончила Марва за Круина. И нежным, ласкающим ухо голосом повторила нараспев: — Когда вырастешь, станешь умнее. Станешь умнее. Станешь умнее. Тра-ля-ля! Тра-ля-ля!

Кусая в раздражении губы, Круин повернулся и пошел прочь, вниз по холму к своим кораблям.

— Куда вы? — крикнула ему вдогонку Марва.

— К себе, — резко бросил он на ходу.

— А разве вам не нравится вон там, у нас? — ее брови в изумлении изогнулись дугой.

Круин, остановившись в десяти шагах, хмуро сказал:

— Какое тебе дело?

— Я... я не хотела быть навязчивой, — проговорила Марва с виноватой улыбкой. — Я спросила вас потому... потому что...

— Почему?

— Я хотела узнать, не согласитесь ли вы пойти к нам в гости?

— Чушь! Это невозможно! — ответил Круин и быстро зашагал вниз.

— Отец приглашает вас. Он думал, что вам будет приятно пообедать с нами. Свежие продукты. Вам, наверное, уже надоела ваша еда? — Марва вопросительно смотрела на Круина, а ветер развеивал ее медно-красные волосы. — Отец говорил с Фейном и Партом. Они сказали, что это прекрасная мысль.

— Вот как? Прекрасная мысль? — черты его лица казались отлитыми из стали. — Скажи Фейну и Парту, чтобы они прибыли ко мне сегодня вечером с докладом. Непременно.

Марва села на камень и смотрела, как Круин тяжело спускается вниз, держа путь к своему оцетинившемуся орудиями лагерю. Ее руки лежали на коленях, ладонь на ладони, как недавно руки Круина. Но ее руки ничего не искали. В них были покой и терпение, древние как мир.

Видя, что командор чем-то сильно раздражен, Джусик решил обратиться к нему с докладом попозже.

— Капитанов Дрэка и Белтона ко мне, — приказал Круин.

Когда Джусик ушел, Круин снял с головы шлем, бросил на стол и взгляделся в свое отражение в зеркале. На его

лице еще не успели разгладиться морщины усталости, как за дверью раздались шаги. Круин сел за стол, приняв строго официальную позу. Капитаны вошли, молча отдали честь и замерли посреди комнаты по стойке смирно. Круин не отрывал от них разъяренного взгляда. Лица их выражали полнейшее бесстрашие.

— Я наткнулся на ваших четырех парней за пределами зоны безопасности. Они позволили себе валяться на траве, как будто прилетели сюда на прогулку. Никакой дисциплины! — разразился он гневной тирадой. Взгляд его буравил капитана Дрэка: — Они с вашего корабля! А вы, Белтон, сегодня начальник охраны. Что вы оба можете сказать в свое оправдание?

— У них сегодня свободный от дежурства день, и все они получили увольнение, — объяснил Дрэк. — Их специально предупреждали, чтоб они не выходили за пределы выжженной зоны.

— Я не знаю, как они сумели проскочить мимо охраны, — ответил Белтон, не повышая тона, как положено по инструкции. — По-видимому, охрана была недостаточно бдительна. Это моя вина.

— Нарушение дисциплины будет занесено в ваш послужной список, — отрезал Круин. — Всех четверых и потерявшую бдительность охрану наказать в соответствии с Дисциплинарным уставом. — Он чуть приподнялся и через стол пристально посмотрел на обоих. — Еще одно подобное нарушение, и вы будете понижены в звании.

— Слушаюсь, сэр, — на одном выдохе хором произнесли провинившиеся капитаны.

Отпустив капитанов, Круин взглянул на Джусика.

— Как только Фейн и Парт доложат о прибытии, немедленно проведите их ко мне.

— Будет сделано, сэр.

Круин на секунду отвел глаза и снова воззрелся на Джусика:

— Что с вами такое сегодня?

— Со мной? — Джусик явно смутился. — Ничего, сэр.

— Не лгите, Джусик. Чтобы узнать человека, надо с ним пожить. Мы с вами живем бок о бок три года. И я вас вижу насквозь. Так что вам не обмануть меня. Вы чем-то обеспокоены.

— Меня беспокоят наши люди, — признался Джусик, не выдержав взгляда командора.

— А что с ними такое?

— Они волнуются, сэр.

— Вот как? Ну что же, у меня есть от этого лекарство! А чем они недовольны?

— Причин недовольства несколько.

Джусик замолчал, Круин подождал немного и вдруг заорал:

— Я что, должен каждое слово из вас тянуть?

— Никак нет, сэр, — запротестовал Джусик и без особого энтузиазма продолжал: — Во-первых, им нечего делать. Во-вторых, вместо понятной, приносящей пользу работы ежедневная, набившая оскомину муштра. И постоянное ожидание. Три года они были как в тюрьме. И вот они ждут, ждут, но ничего не происходит.

— Что еще?

— А рядом, за выжженной зоной, они видят такую знакомую, милую сердцу жизнь. Фейн, Парт и другие с вашего разрешения наслаждаются этой жизнью. Пилоты, что вернулись из разведки и приземлялись в разных местах, рассказывают такие заманчивые истории. — Джусик говорил все это, твердо глядя в лицо командора. — На сегодняшний день в разведывательных полетах участвовало пять эскадрилий, то есть сорок машин. Из них только шесть уложились в срок. Все остальные под тем или иным предлогом вернулись в лагерь с опозданием. Пилоты рассказывают, как их принимали, показывают фотографии, хвалятся подарками. Один сидит под арестом за то, что привез несколько бутылок с одурманивающим питье-

ем. Но дело уже сделано. Эти рассказы взбудоражили людей.

— Что еще?

— Прошу прощения, сэр. Люди видели, как вы поднимались на гребень холма. Они завидуют даже этому. — Джусик не мигая смотрел в глаза командора. — Я сам завидую.

— Но я командир экспедиции, — заметил Круин.

— Так точно, сэр, — сказал, не опуская глаз, Джусик, но ничего больше не прибавил.

Первый помощник ожидал взрыва, но командор молчал. Сложные чувства поочередно отражались на его тяжелом широкоскулом лице. Откинувшись в кресле, он рассеянно смотрел в стекло иллюминатора, а ум его был поглощен размышлениями над услышанным.

— Вы напрасно думаете, Джусик, что я ничего не вижу. Я все вижу, все знаю и все это предвидел, — прервал он свои размышления. — Но я знаю еще что-то, что ускользнуло от вашего внимания. Если мы упустим время, Джусик, мы очутимся в довольно-таки скверном положении. И это очень меня беспокоит.

— Да, сэр?

— Я хотел бы, Джусик, чтобы вы об этом помалкивали. Насколько мне известно, ни в одном уставе ничего не сказано, как действовать в таких случаях.

— Вы уверены, сэр? — Джусик облизал пересохшие губы, чувствуя, что его откровенность увела разговор по совершенно неожиданному руслу.

— Давайте оценим обстановку, — продолжал Круин. — Мы утвердились на этом клочке суши. В нашем распоряжении оружие такой мощи, что ничего не стоит покорить эту планету. Достаточно одной бомбы из нашего боевого запаса, чтобы от горизонта до горизонта не осталось камня на камне. Но всякое оружие надо применять с наибольшей

эффективностью. Нельзя бросать бомбы где попало, наудачу. Ведь если удар не придется по основным силам противника и не устрасит его, мы окажемся безоружными перед лицом наступающего врага. У нас просто не останется бомб. А помощь, если ее затребовать, придет только через шесть лет. Поэтому мы должны напасть как раз в том месте, где эффект от взрыва бомб будет максимальным. — Круин замолчал, потирая рукой массивный подбородок. Затем немного погодя добавил: — А где такое место, мы не знаем.

— Не знаем, — подтвердил недоумевающий Джусик.

— Мы должны выяснить, где их главные города — ключевые центры их цивилизации, кто правители этой планеты и где их резиденция. Удар должен быть нанесен по нервным центрам этой страны. А это означает, что, пока мы не получим всей необходимой информации, руки у нас связаны. А из этого в свою очередь следует, что мы должны как можно быстрее, используя наших лингвистов, вступить в общение с туземцами. — Круин опять начал массировать челюсть. — А для этого необходимо время.

— Да, сэр, но...

— Но время идет, и моральный дух команды падает. Мы здесь только двенадцатый день, а люди уже беспокойны. Завтра будет еще хуже.

— Я знаю, как решить проблему, сэр, если вы позволите дать вам совет, — волнуясь, прервал командора Джусик. — На Гульде каждый пятый день — выходной. Человек в этот день может делать что хочет, идти, куда ему вздумается. Так вот, если вы отдадите приказ давать нашим людям увольнение раз в десять дней, то ежедневно у нас будет отсутствовать всего одна десятая наличного состава. Мы можем позволить себе это, но, конечно, надо будет усилить охрану.

— Ну наконец-то вы высказались. Стало быть, вот что беспокоило вас последние дни. — Круин невесело улыбнулся. Джусик покраснел до корней волос. — Но я и об этом

думал, — продолжал командор. — Вы зря считаете меня таким уж безмозглым.

— Я никогда этого не считал, сэр, — возразил Джусик.

— А-а, пустяки, Джусик. Давайте лучше вернемся к вашему предложению о свободном дне. Свободный день — для нас западня. И в этом вся беда. Ни в одном уставе не сказано, как поступать в таких обстоятельствах, — Круин нетерпеливо постучал ладонью по полированной поверхности стола. — Если я лишу своих людей этой крупицы свободы, они, естественно, станут волноваться еще больше. Если же я им дам эту свободу, то они начнут мирно общаться с врагом, увидят жизнь, которая так похожа на нашу. И тогда, естественно, у них будет еще больше причин для недовольства.

— Позвольте мне возразить вам, сэр, — опять перебил командора Джусик. — Наши люди преданы Гульдму. Клянусь мраком космоса, преданы.

— Да, они были преданы. Вероятно, преданы еще и сейчас. — Ему вспомнились сказанные недавно слова, и он криво усмехнулся. — Они молоды, здоровы, без всяких привязанностей. В космосе это имеет значение. Здесь — нет. — Круин медленно поднялся на ноги — огромный, грузный, давящий. — Мне это хорошо известно, — сказал он.

Джусик взглянул на него и понял, что Круину это действительно известно.

— Да, сэр, — послушно согласился он.

— Поэтому вся ответственность за принятие оптимального решения лежит на мне. Решать буду я. А вы как первый помощник проследите, чтобы мои приказы исполнялись неукоснительно.

— Я знаю свой долг, сэр, — худое, с правильными чертами лицо Джусика выражало все большее беспокойство.

— И мое окончательное решение таково: весь персонал без исключения должен немедленно прекратить всякое общение с противником. Только два психолога и два линг-

виста под моим непосредственным руководством будут продолжать работу с туземцами. Никому никаких выходных дней, строжайше запретить выход за пределы выжженной зоны. Самое малейшее нарушение этого приказа должно караться немедленно и со всей строгостью. Вы должны проинструктировать капитанов всех кораблей, чтобы они самым решительным образом пресекали слухи, сеющие смуту.

Глаза Круина холодно блестели, на скулах играли желваки.

— Все вылеты самолетов-разведчиков впредь отменить, — продолжал он. — Никаких отлучек без особого разрешения.

— Но тогда мы совсем не будем получать информации, — заметил Джусик. — Во время последнего вылета на юг были обнаружены десять полностью покинутых городов. Это очень важно в свете...

— Я сказал, — вылеты должны быть отменены! — заорал Круин. — Даже если я прикажу перекрасить самолеты-разведчики в розовый цвет, то вы должны будете беспрекословно подчиниться и от носа до хвоста тщательно и без промедления покрасить машины, как я приказал. Ясно? Выше меня здесь начальства нет.

— Так точно, сэр.

— И наконец, объявите капитанам, что завтра в полдень я сделаю инспекторский обход всех кораблей. Пусть приведут их в порядок. Таким образом, и команды займутся делом.

— Будет исполнено, сэр.

Отдав честь, Джусик с тяжелым сердцем подошел к двери, отворил ее и выглянул в коридор.

— Фейн, Калма, Парт и Хефни ждут приема, сэр, — сказал он.

— Впустите их.

Выслушав Круина, который в самых резких выражениях обрисовал им ситуацию, Фейн сказал:

— Мы понимаем, что дорога каждая минута, сэр. И мы стараемся не за страх, а за совесть. Но эта публика бегло заговорит по-гульдски не раньше чем через месяц. Они просто неспособны к языкам.

— Мне не нужна беглость, — прорычал Круин. — Мне нужно несколько десятков слов, чтобы они могли сообщить все необходимые для нас сведения. Сведения, без которых мы не можем двинуться дальше ни на шаг.

— Я хотел сказать — не бегло, а связно. А то ведь они до сих пор объясняются с нами знаками.

— Рыжеволосая девчонка говорит вполне сносно.

— Да, она сделала успехи, — согласился Фейн. — Но у нее, видно, особый талант к языкам. К сожалению, ее познания в военной области столь ничтожны, что пользы от нее никакой.

Круин в раздражении оглядел Фейна с головы до ног.

— Вы жили среди этих людей почти две недели, — проговорил он, угрожающе понизив голос. — Я гляжу на вас и не узнаю, так вы изменились. В чем дело?

— Изменились? — с изумлением воскликнули четверо и переглянулись.

— По вашему виду не скажешь, что вы три года бороздили космическое пространство. Куда девался суровый аскет-астронавт? Морщины на ваших лицах разгладились, щеки округлились, порозовели. Глаза довольно поблескивают, как у жирных поросят, хрюкающих возле кормушки. Видно, что вы провели время с пользой для себя. — Круин приподнялся в кресле, и лицо его исказилось гневом.

— А может быть, вы нарочно тянете с выполнением задания?

Как и следовало ожидать, все четверо с негодованием отвергли это чудовищное предположение.

— Мы ели все свежее и высыпались, — начал оправды-

ваться Фейн, — и наше самочувствие улучшилось. Теперь мы можем вкладывать в свою работу еще больше сил. Мы считаем, что противник своим гостеприимством, сам того не подозревая, оказывает нам существенную услугу. А поскольку в Уставе...

— Своим гостеприимством? — резко прервал его Круин.

Фейн заметно растерялся, тщетно пытаюсь найти эпитет, более подходящий для характеристики врага.

— Даю вам еще одну неделю, — категорически отрезал командор. — И ни одного дня больше. В это время ровно через неделю приведете ко мне всех шестерых своих подопечных, и чтобы они были в состоянии понимать меня и отвечать на мои вопросы.

— Трудная задача, сэр.

— Нет ничего трудного. Нет ничего невыполнимого. Ничему не может быть оправдания. — Круин из-под грозно сдвинутых бровей взглянул в лицо Фейна. — Вам ясен мой приказ? Выполняйте!

— Слушаюсь, сэр!

Взгляд Круина устремился на психологов.

— Ну, с лингвистами все, — сказал Круин. — Теперь вы. Что вы мне можете рассказать? Много ли вы узнали?

— Не так много, — нервно мигая от страха, начал Хефни. — Все упирается в незнание языка.

— Сгори оно в пламени Солнца, это незнание языка! Я вас спрашиваю, что вы узнали, пока набивали брюхо жирной снетью?

— Люди этой планеты, — сказал Хефни, взглянув на свой ремень, как будто вдруг с запоздалым раскаянием почувствовал, как туго он перепоясывает живот. — Люди этой планеты, — повторил он, — очень странные существа. Что касается домашнего быта, в этом их цивилизация, бесспорно, стоит на очень высокой ступени. Во всем остальном они сущие младенцы. Семья Мерeditов, к примеру, живет

в прекрасном доме, оснащенном самой первоклассной техникой. У них есть абсолютно все удобства, даже цветной телевизор.

— Вы отдаете себе отчет в том, что говорите? Цветное телевидение? Здесь? Немыслимо!

— И тем не менее, сэр, у них оно есть, — осмелился возразить Хефни. — Мы сами видели.

— Да, это так, — подтвердил Фейн.

— Молчать! — Круин был готов испепелить взглядом слишком ретивого лингвиста. — С вами разговор окончен. Меня сейчас интересуют эти двое, — он снова воззрился на дрожащего мелкой дрожью Хефни. — Дальше!

— В них, без сомнения, есть что-то странное, чего мы еще не можем пока понять. У них нет, например, всеобщего эквивалента. Они обменивают один товар на другой, не учитывая его товарной стоимости. Они работают, когда им хочется. Если не хочется — не работают. И, несмотря на это, они почти все время что-то делают.

— То есть как? — недоверчиво спросил Круин.

— Мы спрашивали их, почему они работают, если никто и ничто их не принуждает. Они ответили — работают, чтобы не было скучно. Мы это объяснение не приняли, — Хефни развел руками. — Во многих местечках у них маленькие фабрики, которые в соответствии с их непонятной, противоречащей здравому смыслу логикой являются увеселительными центрами. Эти фабрики работают только тогда, когда кому-нибудь вздумается поработать.

— Что, что? — переспросил совсем сбитый с толку Круин.

— Вот, например, в Вильямсвилле, небольшом городке в часе ходьбы от дома Мередитов, есть обувная фабрика. Она непрерывно работает. Иногда туда приходят десять человек, иногда набирается до пятидесяти, а иногда и до ста. Но никто не помнит, чтобы фабрика остановилась хотя бы на день из-за отсутствия добровольной рабочей силы.

Марва, старшая дочка Мередитов, пока мы у них гостили, три дня работала на этой фабрике. Мы спросили ее, что заставляет ее ходить на фабрику.

— И что же она ответила?

— Сказала, что ходит для собственного удовольствия.

— Для собственного удовольствия... — Круин силился понять, что это могло бы значить. — Удовольствие... хм, а что, собственно, это такое?

— Мы этого не выяснили, — признался Хефни. — Виноват языковой барьер.

— Черт бы побрал этот языковой барьер! Сгори он в пламени Солнца! — выругался Круин. — Она ходила на фабрику в принудительном порядке?

— Нет, сэр.

— А вы уверены в этом?

— Да, уверены. Работать на фабрику ходят по желанию. Других побудительных причин нет.

— А за какое вознаграждение они работают? — Круин подошел к проблеме с другой стороны.

— Ни за какое или почти ни за какое, — проговорил Хефни, сам не веря своим словам. — Один раз она принесла пару туфель для матери. Мы спросили, не плата ли это за труд? Она ответила, что туфли сшил один ее приятель по имени Джордж и подарил ей. А вся недельная продукция, как нам объяснили, была отправлена в соседний город, где в то время в обуви появилась нужда. Город в свою очередь собирается поставить партию кожи, но сколько этой кожи будет, никто не знает. Да и никого это не волнует.

— Какая глупость, — рассудил Круин. — Нет, это чистый идиотизм.

Он подозрительно посмотрел на психологов, не выдумали ли они сами эту явную несообразность.

— Даже самое примитивно организованное общество не может функционировать, когда в экономике царит такой хаос. Вы, по-видимому, рассмотрели очень немногое.

Остальное или вам не показали, или вы со своим куцым умишком не сумели ничего понять.

— Уверяю вас... — начал было Хефни.

— А впрочем, это не имеет значения, — отмахнулся Круин. — Не все ли мне равно, на каких принципах держится их экономика? В конце концов им придется работать так, как мы им прикажем. — Круин подпер кулаком тяжелый подбородок. — Меня больше интересует другое. Вот, например, наши разведчики сообщают, что на планете много городов. Одни города населены, но плотность населения в них очень мала. В других совсем никто не живет. Они покинуты. Города, где есть жители, вполне благоустроены. В них имеются прекрасные взлетные площадки для летательных аппаратов. Как могло случиться, что такое примитивное общество имеет летательные аппараты?

— Одни делают обувь, другие — летательные машины. Каждый делает, что умеет, занимается тем, к чему испытывает склонность.

— У этого Мередита есть летательная машина?

— Нет, — ответил Хефни. Вид у него был растерянный, как у человека, потерпевшего полное фиаско. — Если ему понадобится самолет, он подаст заявку на телевидение, где есть специальная программа спроса и потребления.

— И что тогда?

— Рано или поздно он получит самолет, новый или подержанный. Даром или в обмен на что-нибудь.

— И для этого надо всего только подать заявку?

— Да.

Круин вышел из-за стола и стал мерить рубку шагами. Стальные пластины на каблуках щелкали по металлическому полу, золотые колокольчики мелодично позвякивали в такт. Он был зол, неудовлетворен, нетерпение сжигало его.

— В вашем идиотском сообщении нет никакой информации.

Он вдруг остановился перед Хефни.

— Вы хвалились, что будете моими глазами и ушами. — Громко фыркнув, Круин продолжал: — Невидящие глаза и заткнутые ватой уши! Хоть бы одна цифра, характеризующая их силы, хоть бы...

— Прошу прощения, сэр, — рискнул прервать командора Хефни, — их всего двадцать семь миллионов.

— Ага, — на лице Круина отразился живейший интерес. — Всего двадцать семь миллионов? Вот как! Население Гульда в сотни раз превосходит население этой планеты, а размеры планет почти одинаковы! — Он на секунду задумался. — Плотность населения здесь чрезвычайно мала. Во многих городах нет ни одной живой души. Но у них есть летательные машины и другие механизмы, которые могла создать только высокоразвитая цивилизация. То, что мы видим, — это остатки великой цивилизации. Вы понимаете, что это означает?

Хефни замигал, ничего не ответив. Калма нахмурился. Фейн и Парт стояли молча, с непроницаемыми лицами.

— Это означает одно из двух, — продолжал Круин, — войну или мор. Или то, или другое, но в масштабах всей планеты. Я должен иметь информацию, проливающую свет на этот период их истории. Я должен знать, какое оружие они применяли в этой войне, сколько этого оружия осталось и где оно хранится. Если же это не война, то какая именно болезнь опустошила планету, чем она вызывается и как ее лечат. — Круин замолчал и, чтобы придать вес своим словам, постучал кулаком в грудь Хефни. — Я хочу знать, что они скрывают, что так тщательно прячут от ваших глаз, потому что эти добряки могут не сегодня-завтра напасть на нас. И тогда, если мы не разгадаем их тайны, мы будем беспомощны перед ними, и мы погибли. Кроме того, я хочу знать, кто отдаст приказ о первом ударе, где находятся эти люди.

— Все понятно, сэр, — с сомнением в голосе проговорил Хефни.

— Вот какая информация мне нужна от ваших шестерых туземцев. Информация, а не приглашение на обед. — Увидев, как Хефни от страха замигал, Круин жестко усмехнулся. — Если вы сами все вытянете из своих подопечных, это будет занесено в графу отличий вашего послужного списка. Но если мне придется делать вашу работу — пеняйте на себя.

Хефни отрыл было рот, потом закрыл и затравленно посмотрел на Калму, который стоял ни жив ни мертв.

— Можете идти, — отпустил всех четверых Круин. — В вашем распоряжении одна неделя. Если вы не выполните задания, я расценю это как дезертирство с линии фронта, и вас будут судить как находящихся на действительной службе со всей строгостью, предусмотренной Дисциплинарным уставом.

Все четверо побледнели, отдали честь и двинулись по одному к двери. Круин, презрительно сощурившись, глядел им вслед. Подойдя к иллюминатору, он стал смотреть, как за стеклом быстро сгущаются сумерки. На востоке слабо светилась мерцающая звездочка. Она была очень далеко, но Гульд был еще дальше.

На шестнадцатые сутки, в полдень, командор Круин, начищенный и при всех орденах, под резкий звон золотых колокольчиков отправился к зеленому холму. На границе выжженной зоны ему отдал честь недавно поставленный здесь часовой. Лицо у него было мрачное, и козырял он вяло.

— Вот как ты приветствуешь начальство! — сказал ему Круин, поймав его угрюмый взгляд.

Часовой еще раз отдал честь, на этот раз чуть живее.

— Давно не занимались строевой подготовкой, — ехидно заключил Круин. — Отвыкли от военной дисциплины.

Я знаю, чем от этого лечат. Каждый день в течение целого периода будешь тренироваться — отдавать честь. — Взгляд Круина не отрывался от лица часового. — Ты что, немой?

— Никак нет, сэр.

— Молчать! — рявкнул Круин. И, выпятив грудь, добавил: — Продолжай нести караул.

Остекленевший взгляд часового блеснул возмущением, он молча отдал честь третий раз, повернулся, щелкнув по уставу каблуками, и зашагал вдоль края выжженной полосы.

Взойдя на холм, Круин сел на большой валун. Сначала посмотрел налево, на долину космических кораблей, затем перевел взгляд в другую сторону, туда, где росли деревья, тянулись возделанные поля и вдали виднелись домики. Стальной шлем, украшенный литыми крыльями, давил голову, но он не снял его. Серые глаза холодно созерцали из-под нависшего козырька открывшийся ему мирный пейзаж.

Наконец она пришла. Он сидел здесь уже полтора периода, а ее все не было, но он чувствовал, знал, что она придет, знал, хотя и не мог понять, какой тайный инстинкт подсказал ему это. Никакого желания видеть ее у него не было. Никакого. Да, не было.

Она легко шла между деревьями на своих тонких длинных ногах. С ней пришли Сью и Сэм и еще три молоденькие девушки. У них были большие смеющиеся глаза. Волосы у всех были темные, а ноги длинные.

— Привет! — окликнула они Круина, увидев его.

— Привет! — как эхо, повторила Сью, тряхнув мышинными хвостиками.

— Пывет! — надул щеки малыш, стараясь не отставать от сестер.

Круин нахмурился. Его сапоги и шлем сияли на солнце.

— Это Бекки, Рита и Джойс — мои друзья, — сказала Марва на своем странном гульдском языке.

Все три улыбнулись Круину.

— Я привела их посмотреть корабли.

Круин промолчал.

— Вы ведь не возражаете, чтобы они посмотрели на корабли?

— Не возражаю, — недовольно буркнул он.

Марва изящным движением опустила на траву, подобрав под себя длинные ноги. Все остальные уселись рядом, кроме Сэма, который крепко стоял на своих толстых ножках и сосал большой палец, сосредоточенно изучая орден Круина.

— Отец очень жалеет, что вы не могли к нам прийти.

Круин ничего не ответил.

— И мама тоже. Она прекрасно готовит. И очень любит гостей.

Круин молчал.

— Вы не смогли бы прийти к нам сегодня вечером?

— Нет.

— А завтра или послезавтра?

— Мадемуазель, — начал он жестко, — я не хожу по гостям. И никто из моих людей не ходит.

Марва перевела его слова подругам. И все дружно от души рассмеялись. Круин покраснел и встал.

— Что в этом смешного?

— Ничего, — смутившись, ответила Марва. — Если я вам скажу, вы все равно не поймете.

— Я не пойму? — в сердитом взгляде Круина загорелось беспокойство. Он посмотрел на одну подружку Марвы, на другую, потом на третью. — Я все-таки думаю, что они смеялись не надо мной. По-видимому, они смеялись над чем-то, чего я не знаю, но должен был бы знать и чего они не хотят мне сказать.

Он нагнулся над Марвой, большой, сильный, не человек, а исполин. Марва подняла голову и посмотрела на него огромными зелеными глазами.

— Что же я такого по невежеству сказал, что показалось смешным? — спросил он.

Марва, не отрывая глаз, смотрела на него, но ничего не ответила. Слабый, нежный запах исходил от ее волос.

— Я сказал: никто из моих людей не ходит по гостям, — повторил он. — Смешное заявление, не правда ли? Не думайте, что я так уж глуп. — Круин выпрямился. — Ну мне пора, — прибавил он. — Пойду делать переключку.

Спускаясь по холму, Круин чувствовал, что вся компания провожает его взглядом. Все молчали, только Сэм тоненько пискнул: «Пивет!» Круин сделал вид, что не слышит.

Ни разу не обернувшись, он подошел к флагману, поднялся по металлическому трапу, вошел в рубку и приказал Джусику немедленно сделать переключку.

— Что-нибудь случилось, сэр? — спросил встревоженный Джусик.

— Немедленно сделать переключку, — взорвался Круин, сдернув с головы шлем. — Тогда и увидим, случилось что-нибудь или нет.

Еле сдерживая ярость, он резким движением повесил шлем на крючок, сел, вытер лоб.

Джусика не было почти целый период. Наконец он вернулся. Лицо у него было озабоченное, но решительное.

— С прискорбием докладываю, что восемнадцать человек отсутствуют, сэр.

— Они смеялись надо мной, — тихо, с горечью произнес Круин. — Они смеялись, потому что знали! — Он сжал подлокотники кресла, и суставы его пальцев побелели.

— Прошу прощения, сэр? — Брови Джусика удивленно поползли вверх.

— Сколько времени они отсутствуют?

— Еще утром одиннадцать были на дежурстве.

— Значит, остальные семь отсутствуют со вчерашнего дня?

- Боюсь, что вы правы, сэр.
- И никто не счел нужным доложить мне об этом?
- Никто.
- Что еще вы держите от меня в тайне?

Джусик замаялся, лицо у него исказилось, как от боли.

— Выкладывайте!

— Эти люди ушли из лагеря не в первый раз, — сказал Джусик, с трудом выговаривая слова, — и не второй. И даже, наверное, не в шестой.

— Сколько времени длится этот обман? — Круин подождал ответа и, не дождавшись, заорал: — Отвечайте! Вы что, язык проглотили?!

— Дней десять, сэр.

— Сколько капитанов знали об этом и не сообщили мне?

— Девять, сэр. Четверо из них ожидают за дверью ваших распоряжений.

— Где остальные пятеро?

— Они... они... — Джусик облизнул пересохшие губы. Круин угрожающе поднялся.

— Что вы тянете? Ведь сказать все равно придется.

— Они тоже в самовольной отлучке, сэр.

— Ясно. — Круин подошел к двери, остановился. — Вывод напрашивается сам собой: остальные также были в самовольной отлучке, но, к счастью, успели вернуться до переключки. Им повезло. Вижу, что установить точное число нарушивших приказ не представляется возможным. Они ускользали с кораблей неслышно, как ночные твари, и так же неслышно возвращались. Дезертиры все как один. А дезертирство в военное время карается только...

— Но, сэр, учитывая обстоятельства...

— Никаких обстоятельств! — голос Круина сорвался от ярости. — Смерть — наказание дезертиру. — Подойдя к столу, Круин постучал кулаком по разбросанным на столе брошюрам. — Смертная казнь в присутствии всего личного состава в соответствии с Дисциплинарным уставом. Дезер-

тирство, саботаж, неповиновение командованию, злостное нарушение Устава и неисполнение моих приказов — все это карается смертью. — Голос Круина, поднявшийся было до визга, вдруг сорвался. — Кроме того, мой дорогой Джусик, — продолжал он уже на низких нотах, — если мы сознательно уклонимся от исполнения долга, сознательно нарушим параграф устава и заменим смертную казнь другим наказанием, что ожидает нас?

— Смерть, — Джусик в упор посмотрел на Круина. — По крайней мере на Гульде.

— А мы на Гульде! Я объявил эту планету колонией Гульда. И теперь это Гульд.

— Осмелюсь заметить, сэр, объявили на словах.

— Джусик, вы что, заодно с бунтовщиками?

Глаза Круина лихорадочно заблестели, рука потянулась к пистолету.

— Никак нет, сэр! — На лице первого помощника отразилось смятение. — Но позвольте заметить, сэр, что все мы здесь связаны почти братскими узами, долгое космическое путешествие в этих тесных каморках спаяло нас. Мы многих потеряли и еще потеряем на обратном пути. Вряд ли можно ожидать, чтобы люди...

— Я требую повиновения! — Круин не снимал руки с пистолета. — Я требую железной дисциплины и полного, беспрекословного, незамедлительного повиновения! Тогда мы победим. Если этого не будет, мы потерпим поражение. — Круин указал рукой на дверь. — Капитаны кораблей, ожидающие допроса, приведены в надлежащий вид, как предписано Уставом?

— Да, сэр, они разоружены и под стражей.

— Ввести! — опершись ладонями о стол, Круин готовился вынести приговор подчиненным. Минута ожидания показалась ему вечностью.

Нежный запах ее волос.

Взгляд зеленых, как льдинки, глаз.

Но железная дисциплина — наш девиз.
Такова цена власти.

Глядя на четверых капитанов, он почувствовал, что ищет лазейку, как бы на законном основании смягчить приговор: заменить высшую меру наказания разжалованием. К счастью, такую лазейку Устав предусматривал.

Капитаны стояли перед ним в ряд, с белыми как полотно застывшими лицами, мундиры на них были расстегнуты, ремни сняты. По обеим сторонам замерла безучастная к происходящему стража. Круин дал волю гневу, он осыпал их бранью, упреками, ударяя правым кулаком по левой ладони.

— Но поскольку, — наконец смягчился он, — вы в момент переключки оказались на своих местах и таким образом формально я не могу обвинить вас в дезертирстве, поскольку вы незамедлительно подчинились моему распоряжению и явились с повинной, на вас налагается не самое суровое наказание: вы все разжалованы в рядовые и ваше недостойное поведение будет занесено в ваш послужной список. Все!

Круин резко взмахнул белой перчаткой, отпуская арестованных. Те молча вышли. Командор взглянул на Джусика.

— Сообщите помощникам этих капитанов, что они производятся в капитаны и что им предписывается наметить кандидатуру для замещения должностей, освободившихся в результате их повышения. Всех намеченных кандидатов прислать ко мне в течение дня.

— Будет сделано, сэр.

— Поставьте их также в известность, что им предписано принять участие в суде над всеми солдатами и младшими офицерами, возвращающимися из самовольной отлучки. Сообщите капитану Сомиру, что он назначается командиром взвода, который будет приводить в исполнение приговор немедленно после его вынесения.

— Будет сделано, сэр.

Джусик с ввалившимися глазами, постаревший на десять лет, повернулся и, щелкнув каблуками, вышел из рубки.

Когда дверь автоматически закрылась за ним, Круин сел за стол, оперся на него локтями и спрятал лицо в ладони. Если дезертиры не вернутся, их нельзя будет наказать. Ни у кого во всей Вселенной нет власти покарать отсутствующего преступника. Закон бессилев, если его граждане лишены весьма существенного свойства: быть в пределах досягаемости. Все законы, все уставы Гульда не могут вызвать дух сбежавшего дезертира и повести его на расстрел.

Но он должен примерно наказать злостных нарушителей приказа. Он понимал, что тайные посещения вражеского стана стали весьма частым явлением и даже, наверное, вошли в привычку. Нет сомнения, эти перебежчики сейчас с комфортом гостят у кого-нибудь, заняв комнату для гостей, вкусно едят, смеются, развлекаются. Нет сомнения, они прибавили в весе; разгладились морщины, оставленные годами космического полета; потускневшие глаза снова жизнерадостно заблестели. Они ведут беседы при помощи знаков и рисунков, участвуют в играх, учатся сосать эти дымящие штуки и гуляют с девушками в зеленых дубравах.

Круин смотрел в окошко иллюминатора. На его бычьей шее сильно билась жилка: он ждал, что внутри тройного кольца охраны вот-вот появится первый задержанный дезертир. Где-то очень глубоко в подсознании жила предательская надежда (хотя он никогда бы не признался в этом), что ни один дезертир не вернется.

Потому что пойманный дезертир — это четкое, неторопливое движение страшного взвода, хриплый крик «Целься!», затем «Огоны!» И последний милосердный выстрел Сомира.

Будь проклят Устав.

Стемнело. Прошел период, начался другой, как вдруг в рубку ворвался Джусик и, едва отдышавшись, отдал командору честь. Падающий с потолка свет углубил морщины на его худом лице, каждая щетинка на небритом подбородке была видна как сквозь увеличительное стекло.

— Сэр, я должен донести вам, что люди вышли из повиновения.

— Что, что? — нахмутив брови, Круин грозно посмотрел на Джусика.

— Им стало известно о недавнем разжаловании. О том, что назначен военно-полевой суд над дезертирами... — Джусик перевел дыхание. — Они знают, какое наказание им грозит.

— Ну?

— За это время ушло еще несколько человек — предупредить ушедших раньше, чтобы те не возвращались.

— Так, — Круин криво усмехнулся. — А что же охрана? Пропустила их?

— Вместе с ними ушло десять человек охраны, — ответил Джусик.

— Десять? — Круин быстро встал, подошел к помощнику и пристально взглянул на него: — А сколько всего ушло?

— Девяносто семь.

Сняв шлем с крючка, Круин резким движением надел его, затянул металлический ремешок под подбородком.

— Девяносто семь — это больше, чем команда одного корабля. — Круин осмотрел пистолет, сунул в кобуру, пристегнул на ремень второй. — Эдак они к утру уйдут все. — Он посмотрел на Джусика. — Как вы думаете, Джусик?

— Боюсь, что уйдут, сэр.

— Ответ на эти действия, Джусик, самый простой. — Круин хлопнул помощника по плечу. — Мы немедленно снимаемся с места.

— Снимаемся с места?

— Разумеется. И всей флотилией. Надо выйти на равновесную орбиту, откуда ни один человек не сумеет сбежать. А пока мы будем находиться на этой орбите, я еще раз все хорошо обдумаю. По всей вероятности, мы найдем новое место для приземления, но такое, откуда никто не сможет убежать. Просто потому, что бежать будет некуда. Тем временем самолет-разведчик подберет Фейна с его группой.

— Сомневаюсь, чтобы команда подчинилась приказу об отлете, сэр.

— Посмотрим, посмотрим. — Круин опять улыбнулся, жестко, язвительно. — Если вы внимательно читали уставы, вы должны знать, что бунт в зародыше подавить нетрудно. Единственное, что надо сделать, — изолировать зачинщиков. Толпа — это не просто совокупность людей как таковых. Толпа — это зачинщики и стадо безмозглых идиотов. — Круин похлопал по рукоятке пистолета. — А зачинщиков узнать легче легкого. Как правило, они первые разевают рот.

— Так точно, сэр, — с сомнением проговорил Джузик. — Прикажете просигнализировать общий сбор?

Душераздирающе взвыла сирена флагамена, нарушив покой ночи. На кораблях один за другим вспыхнули прожекторы, на холме за выжженной полосой в кронах деревьев проснулись и громко защебетали испуганные птицы.

Медленно, уверенно, важно спускался Круин по металлическому трапу. Устремленные на него лица в свете бортовых огней казались гроздьями белых шаров. Капитаны кораблей и их помощники встали позади командора и по обе стороны от него. Каждый был вооружен двумя пистолетами.

— После трех лет верной службы Гульду, — напыщенно начал Круин, — среди вас оказались изменники. Это малодушные трусы, неспособные потерпеть каких-нибудь несколько дней. Всего несколько дней, и нас ждет блестя-

щая победа. Позабыв о своем долге, они нарушают приказы, братаются с врагом, утешаются с их женщинами. Они, эта горстка ничтожных эгоистов, стремятся за счет большинства наслаждаться всеми радостями жизни. — Круин обвел собравшихся тяжелым, осуждающим взглядом. — Придет время, и эти люди будут жестоко наказаны.

На него со всех сторон глядели ничего не выражающие глаза. Он был меткий стрелок, с двадцати пяти шагов попадал в ухо бегущего человека, и он ждал, когда цель обнаружит себя. Этого ждали и стоявшие рядом с ним.

Но никто не нарушил молчания.

— Среди вас наверняка есть виновные в тех же самых преступлениях. Но пусть они не радуются. Ибо очень скоро они будут лишены возможности совершать свои беззакония. — Круин переводил взгляд с одного лица на другое, глаза его вспыхивали гневом, а руки крепко сжимали пистолеты. — Корабли должны быть приведены в полную готовность. Стартуем немедленно и выходим на равновесную орбиту. Вас ожидают бессонные ночи и тяжкий многодневный труд, за что вы должны благодарить своих товарищей, изменивших долгу. — Круин секунду помолчал, потом спросил: — Возражения есть?

Один зачинщик ведет за собой тысячу.

Ответом опять было молчание.

— Приказываю начать подготовку к старту, — отрубил Круин и повернулся, чтобы идти к флагману.

Капитан Сомир, оказавшийся лицом к лицу с Круином, вдруг закричал:

— Командор, берегитесь!

Рука с пистолетом взметнулась вверх, у самого уха Круина прозвучал выстрел.

Услыхав за спиной рев толпы, он резко повернулся и вскинул обе руки, сжимающие пистолеты. Он не слышал выстрела Сомира, не видел больше толпы, рев прекратился так же внезапно, как начался. Страшная тяжесть сдавила голову, трава поплыла на него, руки разжались, пистолеты

выпали, и он, прикрыв руками лицо, упал. Расплывшиеся, танцующие огни стали меркнуть в его глазах, и скоро все поглотила тьма.

Как сквозь сон, Круин слышал слабый, беспорядочный топот множества ног, приглушенные, точно доносившиеся издалека, крики, исторгавшиеся сотнями орущих глоток. Потом все перекрыли чудовищной силы взрывы: один, другой, третий... Круин ощущал, как содрогается от взрывов почва.

Кто-то плеснул ему в лицо холодной воды.

Круин сел и обеими руками обхватил гудящую голову. Бледные пальцы рассвета уже ощупывали край неба. Болели глаза; помигав, чтобы рассеять затягивающую их пелену, Круин разглядел возле себя Джусика, Сомира и еще восьмерых. Все были с ног до головы в грязи, лица в синяках, мундиры порваны и точно изжеваны.

— Они напали на нас в тот самый момент, когда вы вернулись, чтобы идти на корабль, — мрачно проговорил Джусик. — Впереди стояло около сотни человек, и все они в какой-то безумной ярости, как по команде, бросились на нас. За ними ринулись все остальные, нас было очень мало. — Джусик посмотрел на командора красными, воспаленными глазами. — Вы всю ночь были без сознания.

Круин, пошатываясь, встал на ноги и заковылял, нетвердо ступая.

— Сколько убитых?

— Ни одного. Мы выстрелили по верх голов. Ну, а потом было уже поздно.

— Поверх голов? — расправив плечи, Круин почувствовал в позвоночнике острую боль, но, не обращая на нее внимания, продолжал:

— Разве оружие существует не затем, чтобы убивать?

— Это не так просто, — слабо запротестовал Джусик. — Не так просто стрелять в своих товарищей.

— Вы тоже так думаете? — спросил Круин, взглянув на остальных.

Капитаны с унылым видом кивнули, а Сомир сказал:

— У нас было совсем мало времени. А если начинаешь колебаться, как мы в этот раз, то...

— Ничему не может быть оправдания. Вам был отдан приказ, вы должны были его исполнить. — Его лихорадочный взгляд обжег одного, потом другого. — Вы оба недостойны носить свое звание. Я разжалую вас в рядовые. — Нижняя челюсть Круина выпятилась, лицо стало уродливым, полным ненависти. — Убирайтесь вон с моих глаз! — заорал он.

Капитаны пошлепелись прочь. Круин, кипя от ярости, поднялся по трапу, вошел во внутреннее помещение флагмана, осмотрел его от носа до хвоста. На борту не было ни души. Забравшись в хвост, он понял, какие взрывы слышались ему тогда. Сжав губы, смотрел он на искореженные баки для горючего, развороченные двигатели. Флагман был теперь просто грудой металлического лома.

Круин обошел все остальные корабли. Всюду было пусто, все корабли выведены из строя. И починить их нет никакой возможности. Бунтовщики действовали по крайней мере логично. Только связной корабль, вовремя отправленный на Гульд, мог бы сообщить родной планете местопребывание Круина и его экспедиции. А так, пусть даже будут предприняты самые тщательные поиски в этой части Вселенной, их не удастся обнаружить и через тысячу лет. Восставшие поступили умно: отрезали себе путь на Гульд до конца дней своих и таким образом избежали ожидавшего их возмездия.

Испив до конца горькую чашу поражения, Круин сел на ступеньку трапа последнего, двадцать второго корабля и прощальным взглядом окинул двойную звезду своей разбитой армады. Их орудия, теперь уже нестрашные, попрежнему смотрели в сторону противника. Двенадцати

самолетов-разведчиков не было. Остальные также приведены в негодность.

Посмотрев вверх, Круин заметил на фоне светлеющего неба силуэты Джусика, Сомира и других капитанов, взбиравшихся по холму. Они уходили от него, уходили за холм в ту долину, на которую он так часто смотрел. Наверху их встретили четверо ребятишек, дальше все пошли вместе — впереди капитаны, сзади, весело смеясь и обгоняя друг друга, три девочки и один мальчик. Вся группа скоро исчезла за гребнем холма, озаренного восходящим солнцем.

Пернувшись на флагман, Круин положил в рюкзак личное имущество и скинул его на плечи. Даже не взглянув в последний раз на свое безжизненное детище, он зашагал прочь от этого места, прочь от солнца, в сторону, противоположную той, куда ушли его люди.

Его сапоги облепило грязью. Ордена висели перекосившись, на месте одного, потерянного в ночной свалке, зияла проплешина. Золотой колокольчик остался только на левом сапоге. Его нестройное, с перебоями звяканье раздражало Круина. Пройдя шагов двадцать, он отвинтил его и выбросил.

Рюкзак за плечами был очень тяжел. Но еще тяжелее было у него на сердце. Упрямо сдвинув брови, он шагал вперед и вперед, подальше отсюда, навстречу туманной дымке утра, один перед лицом нового неведомого мира.

Три с половиной года оставили свой след на боках кораблей Гульда. Они все еще стояли в долине, выстроенные с геометрической правильностью носами внутрь, хвостами наружу, как их поставила здесь стальная воля Круина. Ржавчина на одну четверть изъела толстые бока прочнейшего панциря, металлические трапы прогнили, на них было опасно ступить. Полевые мыши и суслики нашли под ними себе приют, внутри гнездились птицы. На мес-

те выжженной полосы буйно разрослись кустарник и высокие травы, навсегда скрыв ее очертания.

Из зарослей кустарника вышел человек, опустил на траву рюкзак и стал разглядывать дотлевающие остатки былой космической мощи. Он был высок ростом, могучего телосложения, с загорелой кожей цвета старинного пергамента. Серые, спокойные, глубоко посаженные глаза задумчиво смотрели на густую кисею плюща, затянувшую хвост флагамена.

Так он стоял около получаса, размышляя о чем-то своем. Солнце уже стало клониться к западу, когда он снова надел рюкзак и пошел через кусты в сторону холма, потом вверх по холму и, перевалив через гребень, спустился в соседнюю долину. Его движения не стеснял простой, свободного покроя костюм. Шагал он уверенно и неторопливо.

Скоро он вышел на дорогу, которая привела его к небольшому каменному коттеджу. Изысканная темноволосая женщина срезала в саду цветы. Прислонившись к калитке, человек заговорил с ней. Говорил он быстро, но акцент выдавал в нем чужеземца. Голос у него был хрипловатый, но приятного тембра.

— Добрый день, — проговорил он.

Женщина выпрямилась, держа в руках огромную охапку пестрых, ярких цветов, и взглянула на незнакомца черными бархатистыми глазами.

— Добрый день, — ее пухлые губы тронула приветливая улыбка. — Путешествуете? Не хотите ли погостить у нас? Мой муж Джусик будет счастлив. Наша комната для гостей свободна.

— Мне очень жаль, — перебил гостеприимную хозяйку прищелец, — но я ищу Мерeditов. Вы не скажете, где они живут?

— Следующий дом по просеке, — ответила женщина, ловким движением подхватила выпавший из охапки цветок и прижала его к груди. — Если их комната для гостей занята, пожалуйста, не забудьте про нас.

— Не забуду, — пообещал незнакомец. Он ласково посмотрел на женщину, и его широкоскулое, волевое лицо озарилось улыбкой: — Спасибо вам большое.

Шевельнув плечами, он поправил рюкзак и зашагал дальше, чувствуя, что она провожает его взглядом. У следующей калитки он остановился: в саду, полном цветов, стоял очень живописный, вытянутый в длину дом со множеством пристроек. Возле калитки играл мальчик. Человек остановился. Мальчик взглянул на него и спросил:

— Вы путешествуете, сэр?

— Сэр? — как эхо повторил человек. — Сэр? — лицо его чуть дрогнуло в улыбке. — Да, сынок, путешествую. Я ищу Мередитов.

— Я и есть Мередит, Сэм Мередит, — лицо мальчугана вдруг вспыхнуло от радости: — Вы хотите погостить у нас?

— Да, если можно.

— Ура! — мальчишка со всех ног побежал по дорожке в глубь сада, крича на ходу: — Мама, папа, Марва, Сью, у нас гости!

К калитке подошел высокий рыжеволосый мужчина с трубкой во рту. Он смотрел на гостя спокойно и чуть насмешливо.

Человек вынул изо рта трубку и сказал:

— Я Джек Мередит. Входите, пожалуйста. — Отступив в сторону и пропустив гостя, он крикнул: — Мэри, Мэри, приготовь гостю поесть с дороги.

— Сейчас, — откликнулся откуда-то звонкий, веселый голос.

— Идемте, — пригласил Мередит гостя и повел его на веранду. Подвинув ему кресло, сказал: — Отдохните, пока готовится обед. Мэри в пять минут не уложится. Она до вольна только тогда, когда ножки у стола готовы обломиться под тяжестью снеди. Горе тому, кто оставит хотя бы кусочек.

— Спасибо, — сказал гость, вытягивая усталые ноги, и, глубоко вздохнув, оглядел окружающую его мирную картину. Мередит сел рядом и разжег трубку.

— Вы видели почтовый корабль?

— Да, вчера утром. Мне повезло — он пролетел прямо над моей головой.

— Вам действительно повезло. Ведь он появляется один раз в четыре года. Я сам видел его лишь дважды. Он проплыл прямо над нашим домом. Внушительное зрелище.

— Да, внушительное, — подтвердил гость с неожиданным волнением. — Мне показалось, что он в пять миль длиной. Грандиозное сооружение. Его масса, должно быть, во много раз больше, чем все чужеземные корабли из соседней долины, вместе взятые.

— Да, во много, — согласился Мередит.

— Я часто спрашивал себя, — начал гость, чуть подавившись вперед и не отрывая взгляда от лица хозяина, — как чужеземцы объясняли такую малую численность населения. Скорее всего — мором или войной, не допуская мысли об эмиграции в таких широких масштабах и обо всем, что из этого вытекает.

— Сомневаюсь, чтобы это очень их волновало, поскольку они сожгли за собой мосты и поселились среди нас. — Мередит кончиком трубки указал на соседний дом. — Один из них живет в соседнем коттедже. Его зовут Джусик. Славный парень. Женится на местной девушке. Они очень счастливы.

— Не сомневаюсь.

Оба помолчали, затем Мередит проговорил отрешенно, точно думая вслух:

— Они привезли с собой мощнейшее оружие, не зная, что у нас тоже есть оружие, которое поистине несокрушимо. — Мередит неопределенно взмахнул рукой, как бы охватывая этим взмахом весь мир. — Нам понадобились тысячелетия, чтобы понять, что единственным непобеди-

мым оружием является идея. Идею никто не может взорвать, сжечь, раздавить. Идею может победить только другая идея, более высокая, более разумная. — Он опять сунул трубку в рот.

— Да, — продолжал Мередит, — они прилетели слишком поздно. Опоздали на десять тысяч лет. — Искося взглянув на собеседника, он заключил: — Наша история — это долгий, долгий день. Она была такой беспокойной, что перемены происходили ежеминутно. Ежеминутно — новый выпуск последних известий. А теперь вот финал — конец долгой ночи.

— Философствуем? — добродушно спросил гость.

Мередит улыбнулся.

— Я часто сижу здесь, наслаждаясь покоем. Сижу и думаю. И каждый раз неизбежно прихожу к одному выводу.

— К какому же?

— А вот к какому. Если бы я лично владел всеми видимыми звездами и бесчисленным количеством обращающихся вокруг них планет, я все равно был бы ограничен в одном, — наклонившись, Мередит выбил трубку о каблук. — Я не мог бы, как и все остальные люди, съесть больше того, что вмещает желудок.

Мередит встал, высокий, широкоплечий.

— Сюда идет моя дочь Марва. Вы не возражаете, если она покажет вам ваше жилье?

Гость окинул комнату оценивающим взглядом. Удобная постель, изящная мебель.

— Вам нравится здесь? — спросила Марва.

— Да, конечно. — Его серые глаза внимательно рассматривали девушку: она была высокая, стройная, рыжеволосая, с зелеными глазами и изящной, вполне оформившейся фигурой. Потерев рукой массивный подбородок, он спросил:

— Вы не находите, что я похож на Круина?

— На Круина? — ее тонкие, изогнутые брови поползли вверх от удивления.

— На командора Круина, начальника чужеземной космической экспедиции.

— А, на него. — Глаза ее засмеялись, на щеках обозначились ямочки. — Какие глупости! Вы ни капельки на него не похожи. Он был старый, злой, с глубокими морщинами на лице. А вы молодой и гораздо красивее Круина.

— Вы очень добры, — тихо проговорил он и вдруг, волнуясь, растерянно зашагал по комнате, провожаемый спокойным, открытым взглядом ее ярко-зеленых глаз. Потом подошел к рюкзаку, развязал его.

— Есть обычай, чтобы гость дарил что-нибудь хозяевам, — в голосе его зазвучали горделивые нотки. — Вот и я принес вам подарок. Я его сделал сам. Мне потребовалось несколько лет, чтобы научиться... несколько лет... Вот этими неумелыми руками. Я мастерил его долго, почти три года.

Марва взглянула на подарок и побежала из комнаты в сад. На площадке, облокотившись на перила, она закричала:

— Мама, папа, наш гость принес нам подарок! Часы, чудесные часы с птичкой. Она будет куковать и показывать, который час.

Внизу слышались быстрые шаги и затем голос Мэри:

— А мне можно посмотреть? Пожалуйста, я очень хочу посмотреть подарок.

Запыхавшаяся, с блестящими глазами, она чуть не бегом поднималась по лестнице.

Он ждал их в комнате с подарком, сделанным собственными руками. Плечи его распрямились, он весь приосанился, точно принимал парад. Часы, чуть вздрагивая, тикали в его руках. Птичка начала куковать. Раз, два...

Высокий крутой холм, вершина которого поросла лесом, возвышался над равниной в лучах палящего солнца, отбрасывая густую тень на полосу земли, за которой начинались джунгли.

На почти отвесном его склоне, как раз посередине, прилепился огромный серый утес, напоминавший фигуру великана, погруженного в размышления. Этот утес, неровный, щербатый, изъеденный водой и ветром, так разительно походил на гигантскую статую человека, занятого решением мировых загадок, что еще со времен исчезнувших чиапасеков назывался «Мыслитель» и внушал суеверный страх.

Медно-красное небо Чиапаса заливало раскаленными лучами горы, долину и джунгли. В нескольких милях к югу расположился городок Паленке, вблизи которого покоятся оплетенные вьющимися растениями руины — остатки позабытой цивилизации. Там, в Паленке, — ближайший кабачок, где бедный пеон мог утолить жажду, а также стряхнуть с себя мистический страх, внушаемый этим колоссом, погруженным в вековечные думы.

Неуклюже развернув мула в конце борозды и перенеся вслед за ним соху, Хосе Фелипе Эгуерола остановился и отер платком пот с худого, дочерна загорелого лица, облизнул потрескавшиеся губы и отогнал тучу moskitov. Слева, в зарослях джунглей, насмешливо тьякали, пищали и выли невидимые твари. Справа вздымался крутой холм с выступающим каменным чудовищем. Тень огромной головы падала наискось, доставая самые дальние борозды — так высоко в небо возносилась голова гиганта.

Хосе Фелипе Эгуерола старался не смотреть на мрачную фигуру Мыслителя. Ни разу еще он не взглянул ей прямо в лицо. Это считалось опасным. Он не имел ни малейшего понятия почему, но испытывать судьбу не решался. И так уже, по мнению многих, он вел себя слишком неосторожно.

Только брат Бенедиктус со святой водой да несколько сумасшедших янки могли следовать пословице, что и кошке дозволено глядеть на царя. И, насколько ему было известно, ничего плохого с ними не случилось. Но у него, Хосе Фелипе, не было сандалий из сыромятной кожи, никогда в жизни не удавалось ему пленить пухленькую сеньориту и никогда не выигрывал он в лотерею ни единого песо. Вся его собственность состояла из семи акров болотистой, нагоняющей лихорадку земли, соломенной хижины, расположенной по соседству с кабачком, сохи, мула и пары драных штанов. Но вопреки всему он был одержим стремлением во что бы то ни стало жить.

В двадцатый раз в тот день перекатил он языком во рту от щеки к щеке кусочек смолы, отогнал moskitov и, сойдя с борозды, уголком черного влажного глаза искоса взглянул на каменного гиганта. Несмотря на палящий зной, по спине его пробежал холодок — так громаден был гигант, так величав, так царственно равнодушен к возне крошечных существ, копошащихся внизу у его исполинских ног.

Сдвинув вперед соломенное, плетеное вручную сомбре-ро, чтобы солнце не било в глаза, Хосе Фелипе хлестнул крепкие, грязно-серые ягодицы мула и громко закричал: «Н-но, мул, но, но!» Мул послушно поплелся. Налегши всей тяжестью тела на соху, Хосе Фелипе пошел за ним, неуклюже ступая по свежевспаханной земле босыми ногами.

Высоко в небе Мыслитель продолжал думать свою думу, не замечая крошечных букашек внизу — двуногую и четвероногую, — медленно приближавшихся к его тени.

Он восседал на этой скале так давно и был так сильно изъеден временем, ливнями и ветром, что никто не мог с уверенностью сказать, вытесала его в стародавние времена рука искусного мастера или он был всего-навсего причудливым порождением стихий.

Но истина заключалась в том, что он не был ни игрой природы, ни древним идолом. Те немногие, кто видел его и пытался научно объяснить факт его существования, совершали ошибку, отбрасывая очевидное в угоду собственным фантазиям. Он был именно тем, чем казался: мыслителем. В этом отношении шестое чувство Хосе Фелипе, внушавшее ему безотчетный страх, явилось более верным судьей, чем эрудиция его образованных соплеменников.

Человек и скотина с замиранием сердца вступили в полосу тени, отбрасываемой каменным изваянием. Слова выйдя на свет, Хосе Фелипе, прокашлявшись от пыли, с облегчением вздохнул. В любом другом месте тень радовала его как всякого педана: в тени — спасение от жгучего солнца, в тени можно предаться безделью, поваляться на земле, блаженно вытянув голые до колен ноги, и слушать умные речи жирного, ленивого сеньора Антонио Мигеля Гаутисоло-и-Ласареса, который умел не только читать, но и писать. Любимым его изречением было: «Пусть работают янки, они более развитый народ».

Но сейчас тень не радовала его. Не вообще тень, а именно эта, короткая, густая тень колосса, который гнал отсюда прочь индейцев и педанов, охраняя этот клочок земли от всех, кроме самых храбрых, таких, как Хосе Фелипе. Он даже частенько жалел, что храбрость его так велика. Им восхищались в Паленке. О нем говорили даже в далеком Вилье-Эрмосе. Очень приятно, когда тобой восхищаются, особенно в родном Паленке, за стойкой в шумном веселом кабаке. Но платить за похвалы приходилось

дьяволу на этом поле, осененном зловещей тенью, и цена с каждым днем становилась выше. Здесь не было восхищенных зрителей, здесь только он сам, его бессловесный мул и каменный истукан, к подножию которого не смеют выбегать даже голодные обитатели джунглей.

Дойдя до конца поля, он развернул мула, перенес соху, вытер платком лицо, отогнал moskitов, поправил сомбреро и с опаской взглянул на скалу. «Н-но, мул, но!» Его голос уносился к каменной крепости, эхом завывал в ней, проваливаясь в расщелины, прыгая с одного отрога на другой. «Н-но, мул, но!» В непроницаемой гуще джунглей верещали попугаи, кто-то тяжело ухал в самых недрах зеленого ада. Где-то в отдалении треснула ветка. «Н-но, мул, но!» Мыслитель очнулся.

Неторопливым, титаническим усилием, как в кошмарном сне, Мыслитель приподнял руку, подпиравшую голову, и снял локоть с бугра, изображавшего округлость колена. Весь его огромный торс пришел в движение, гора ожила, подножие содрогнулось, и две тысячи тонн камня обрушились вниз, разлетевшись на милю кругом. Грохот стоял такой, точно раскололись одновременно земля и небо. В джунглях залаяли, запищали, завывали, зарычали тысячи приглушенных голосов, выражая несказанное удивление.

Мул остановился, в испуге прядая ушами. Хосе Фелипе точно прирос к земле: он глядел не вверх, а вниз, себе под ноги на борозды, которые затемняла гигантская тень. Он видел, как локоть оторвался от колена и начал подниматься вверх. Ладони Хосе Фелипе взмокли, пальцы, державшие соху, бессильно разжались. Медленно, против воли он обернулся.

Сердце его в мгновение ока обратилось в речного угря, бьющегося на крючке. По носу, за ушами, по икрам побежали тоненькие струйки пота. Мышцы челюсти, живота и бедер вдруг стали точно ватные. Голова закружилась, как будто он долго стоял нагнувшись под палящим солнцем.

Он не мог сдвинуться с места, не мог шевельнуть ни единым мускулом. Он остолбенел, точно его на веки вечные установили здесь, подобно каменному изваянию, на которое он сейчас смотрел.

Оглашая воздух душераздирающим скрежетом, Мыслитель постепенно, могучим усилием отъединился от горы. Лавина камней, гальки, земли сыпалась по его бокам, густая пыль окутала ноги. Огромные валуны неслись вниз, подпрыгивая, катились по полю, иные падали в трех шагах от пригвожденного к земле свидетеля чуда. Загремев суставами, Мыслитель выпрямился и неподвижно замер, его выросшая тень упала на джунгли, и тревожный гомон в чаще стих. Умолкли птицы. Только медно-красное небо по-прежнему изливало на землю раскаленные лучи. Весь мир оцепенел, объятый изумлением и ужасом.

Мыслитель вздохнул. Точно взвыл ветер — искатель приключений, заблудившийся в незнакомых горах. Затем вдруг Мыслитель, ничем не обнаружив своего намерения, огромными пальцами осторожно взял мула. Сбруя натянулась и лопнула, и несчастное животное, перевернутое вниз головой и в мгновение ока вознесенное на стометровую высоту, задергало в воздухе всеми четырьмя конечностями. Какое-то время исполнив изучал его со спокойным, чуть насмешливым интересом. Потом, презрительно хмыкнув, опустил на землю. Мул лежал на боку, тяжело дыша, глаза у него безумно вращались, из оскаленного рта вывалился язык.

Огромная ручища приблизилась к Хосе Фелипе. В отчаянии силился тот отодрать от земли ноги, ставшие непослушными. Но тщетно, ступни его точно приклеились. Рука сомкнулась вокруг него: огромная, жесткая, сильная — не рука, а каменная западня. Раскрыв рот, Хосе Фелипе издал вопль на такой высокой ноте, что сам не услышал себя. И с леденящей душу быстротой стал возноситься вверх, замурованный в камень, издавая беззвучные вопли широко разинутым ртом.

Точно в кошмарном сне приблизился он как на качелях к гигантскому лицу. Оно изучающе глядело на него двумя каменными шарами. И Хосе Фелипе каким-то необъяснимым образом понял, что изваяние видит, или, вернее, впитывает в себя его облик с помощью чувства, аналогичного зрению.

— Санта-Мария! — сорвалось с уст Хосе Фелипе. Ноги его, висающие над пропастью, судорожно задергались.

— Спокойно, — услышал Хосе Фелипе. У Мыслителя не было рта, на каменном лице только явственно обозначались толстые губы, но вещал он внятно и членораздельно, как говорящий колосс Мемнон.

— Спокойно, букашка, жалкое мое подобие. — Исполин повертел Хосе Фелипе, чтобы лучше его рассмотреть. У Хосе затрещали кости. Он опять завопил, обезумев от страха. Каменные пальцы чуть ослабили хватку.

— Ясно, — сказал Мыслитель, — эта тварь — хозяйин той. Эта умеет думать. Так, так, — усмехнулся он. — Забавно. Значит, козявка, ты действительно умеешь думать? Это уже нечто. И я умею. Скажи, есть ли на свете более достойное, более сладостное занятие, чем глубокое, непрерывное размышление?

— Санта-Мария! — взвизгнул опять Хосе Фелипе. Взгляд его оторвался от огромного лица и скользнул в бездну, разверзшуюся за краем ладони. С такой высоты мул показался ему не больше мыши. Стараясь держаться поближе к пальцам, Хосе Фелипе заполз в ямочку в центре ладони. Его драные, мокрые от пота штаны плотно облепили ноги.

— Только размышление спасает от нестерпимой пытки бесконечной вереницы лет, — продолжал Мыслитель. — Постоянная, напряженная работа мысли, решение сложнейших проблем — вот единственный источник истинного наслаждения. — Колосс согнул палец, оглушив Хосе Фелипе скрежетом, и легонько толкнул его в бок: — Верно, а?

— Нет! — завопил Хосе Фелипе, не понимая, что го-

ворит, и не слыша слов ужасного собеседника. — Да, да, — поспешил он поправиться на всякий случай, зажмурившись, чтобы не видеть ни чудовищного лица, ни бездонной пропасти.

— Увы, — продолжал мрачно Мыслитель, — я только что решил увлекательнейшую проблему: задачу попарно вращающихся девяти тел, одно из которых вращается в противоположном направлении. Решение этой задачи доставило мне ни с чем не сравнимое блаженство — мыслить семьдесят тысяч лет. — Чудовище на секунду задумалось. — Или, может, семь тысяч? Не знаю. Не стоит и голову ломать над этой пустяковой задачей. — Мыслитель резко качнул ладонь. — Но для тебя, козявка, мне думается, даже такая задача была бы неразрешимой.

От толчка язык у несчастного Хосе отлип от гортани, и он поспешил воспользоваться вновь обретенным даром речи.

— Опусти меня на землю! Опусти! Я оставлю твою тень в покое! Клянусь, я больше никогда не буду...

— Молчи! — ладонь опять закачалась. — И вот я безумно страдаю. Мне нужна новая проблема, чтобы я опять замолчал на тысячелетие. Силикоид без пищи для размышления — самое жалкое на свете существо!

Большой палец огромной руки успел задержать Хосе Фелипе, который, беспомощно барахтаясь, покатился было к краю бездны.

— Ты крохотная козявка, жизнь твоя короче промежутка между двумя ударами моего пульса, и, по всей вероятности, любая придуманная тобой задача будет столь же ничтожна и столь же незамысловата. А я ищу проблему, для решения которой потребовалась бы вечность.

— Клянусь моим отцом и моей матерью, я никогда больше и близко не подойду к твоему подножию, не наступлю на твою тень, если только...

— Тише, козявка, не мешай мне. Я думаю, нельзя ли обратить тебя в хорошенькую задачку.

Каменная голова приблизилась к Хосе Фелипе и долго глядела на него пустыми каменными шарами.

— Допустим, я раздавлю тебя. Ты, конечно, умрешь. И, конечно, рано или поздно твои сородичи придут сюда на поиски. Я их тоже раздавлю. И чем выше вырастет гора трупов, тем загадочнее будет их гибель. Молва об этом разойдется, как расходятся по воде круги от брошенного камня. В конце концов другие козявки, посообразительнее, чем ты, придут сюда и займутся расследованием. И если я вовремя не остановлюсь, то отыщется умник, который разгадает тайну, и уж тогда найдут способ стереть меня в порошок.

— Я не хочу умирать, — завывал Хосе Фелипе, — я ничем не заслужил безвременной смерти.

В джунглях между тем возобновилась жизнь, где-то в отдалении, точно сочувствуя ему, защелбетали попугаи.

— А впрочем, это тоже проблема, — размышлял вслух колосс, пропуская мимо ушей мольбы пленника. — Она не потребует долгих размышлений, но зато сдобрена риском. И это придает ей особую прелесть. Пусть я брошу камень, тогда я должен высчитать скорость распространения волн, их частоту и расстояние, на котором они затухнут. Интересно, смогу ли я вовремя проснуться с готовым решением, чтобы отвратить собственную гибель? — Колосс опять усмехнулся. — В этом, несомненно, есть что-то оригинальное, что-то совсем новое. Ничего себе задача, от решения которой зависит вся моя жизнь! Она всерьез увлекает меня. Да, да, увлекает!

Каменные пальцы, хрустнув, стали сгибаться, приближаясь к Хосе Фелипе.

— Сжался надо мной, — закричал человек, едва дыша в каменных объятиях.

— Сжалиться? — пальцы немного ослабили хватку. — Жалость? Что за туманное понятие! Заключена ли в нем имманентно какая-нибудь проблема? — Мыслитель помолчал. — Нет, ничего не вырисовывается. — Опять молча-

ние. — Но я понимаю тебя, козявка. Допустим, я подарю тебе крупицу жалости, тогда, пожалуй, можно будет немного развлечься. Хорошо, я пойду на это. Так и быть, пожалею тебя. Сыграю с тобой в одну маленькую игру.

— Опустит меня на землю! Освободи меня!

— погоди. Еще не время. Сначала поиграем. — Гранитные шары глядели на него, но взгляд их был пуст, безнадежно пуст. — Игра заключается в следующем: я пощажу тебя, если ты докажешь, что твой ум не уступает моему. Сумей обратить меня снова в камень, и ты получишь свободу. Так что думай, козявка, напряги свои жалкие мозги. Итак, начинаем: ты против силикоида!

— Обратит тебя в камень?

Для Хосе Фелипе эти слова были лишены всякого смысла. Страх все еще не покидал его, но в нем вдруг стала закипать злость, разъедающая страх.

— Да, придумай что-нибудь. Не какую-то пустяковую проблему, решить которую ничего не стоит в промежутке между ударами моего пульса. Мне нужна проблема одних со мной временных масштабов. — Каменная рука чуть наклонилась. — Ну, думай, изобретай, как погрузить меня в каменный сон и спасти себе жизнь.

Хосе Фелипе в отчаянии прижался к каменному пальцу, соскользнул вниз, уцепился, снова соскользнул. Стиснув зубы, тщетно заставлял мозг работать. Он не умел думать, и это ему было известно лучше других. Он был человеком храбрым, при обычных обстоятельствах, разумеется. Но мыслителем не был. Еще никто никогда не хвалил его за оригинальную мысль. Даже кроткий, безобидный брат Бенедиктус, и тот однажды сказал, что Хосе Фелипе так глуп, что ему и жить-то незачем. По-видимому, пренеподобный отец был прав, ибо конец его близок.

Брат Бенедиктус...

Сказал, что он глуп.

Почему?

Брат...

— Скорее! — Рука еще сильнее наклонилась. — Только безмозглые идиоты так медленно думают!

Съехав на самый край, Хосе Фелипе невероятным усилием воли заставил себя не разжать рук, обхвативших каменный палец. Ноги его уже болтались в воздухе. Мысленным взором увидел он внизу мула величиной с мышь, а рядом исковерканный труп — начало длинной цепи убийств, первое звено адской затеи. Руки у него побелели от напряжения. Только бы не сорваться, только бы...

— Скорее!

Ладонь наклонилась еще.

Вдруг безумная ярость захлестнула все существо Хосе Фелипе, подавив страх, умножив стократ силы. Ловко изогнувшись, он одним махом перебросил тело на огромный палец, выпрямился во весь рост. Его яркие черные глаза горели от гнева, он потрясал перед каменной физиономией до смешного крошечным кулаком, первый раз открыто глядя в лицо врагу.

Сильным, звенящим от волнения голосом он крикнул, бросая истукану вызов:

— Ответь, кому сказал бог: «Да будет свет!»

Кому?

И не заботясь о том, было ли это для человека проблемой, каменный монстр принял посылку, почувяв в ней возможность тысячелетней работы мысли. Его огромная длань медленно выпрямилась и стала опускаться. Она опускалась все ниже и ниже, странно подрагивая. В полутора метрах от земли Хосе Фелипе сорвался с нее. Он упал на колени, тяжело поднялся на ноги, пробежал шагов двадцать и потерял сознание. Откуда-то сверху, глухо, как сквозь сон, послышался скрежещущий голос:

— Кому?!

Небесный купол над Чиapasом по-прежнему пылал зноем, когда к Хосе Фелипе вернулось сознание, и он, шатаясь, поднялся на ноги. Мул, целый и невредимый, стоял как обычно на четырех ногах, глядя на него большими пе-

чальными глазами. Хосе Фелипе припал щекой к его теплой шее, радуясь присутствию живого существа. Он не хотел смотреть назад. Но взгляд его, как магнитом, притягивало туда, где высился колосс. Он не выдержал и обернулся. Привычная, знакомая во всех подробностях картина открылась ему: высокий крутой холм с вершиной, одетой лесом, утес причудливых очертаний, разительно похожий на гиганта, погруженного в вековечное размышление.

Какое-то время он ошеломленно смотрел на скалу, чувствуя, что страх отпускает его. Потом принялся ругать себя на чем свет стоит. Где же твоя хваленая храбрость, о которой известно даже в Вилье-Эрмосе? Горький ты пьяница и больше никто. Протираешь штаны в кабачке. Безмозглый чурбан, такому и жить-то незачем. Сколько было мозгов, и те проквасил вечером в кувшине с текилой. Не удивительно, что наутро упал за плугом и в беспомощности сражался с ожившей горой.

Задумавшись, он взял в руки сбрую и вдруг увидел, что она порвана. Поискал глазами обрывки. Они были разбросаны по полю на расстоянии мили к северу от того места, где он стоял. Повсюду тут и там торчали валуны, которых утром не было, по обе стороны от Мыслителя выросли свежие бугры камней, а у подножия белело его, Хосе Фелипе, сомбреро. Он вскинул глаза вверх — большой обломок скалы сорвался с кручи, полетел вниз и с грохотом исчез в расщелине. Эхо дважды повторило грохот и Хосе Фелипе различил в нем мощное, приглушенное бормотание:

— Кому сказал? Кому?

— О боже, — прошептал Хосе Фелипе. Трясаясь всем телом, он кое-как сел на мула и, понукая, погнал его в сторону Паленке. Пот лил с него ручьями; москиты тучей вились над головой, он не замечал ничего, колотя пятками бока своего мула, пока тот, наконец, не затрусил ровной легкой рысцой.

— Н-но, мул, но, но!

Небольшой магазинчик в узком переулке не привлекал внимания. Можно было тысячу раз пройти мимо, не остановив на нем взгляда. Но на окне, над зелеными занавесками, было написано небольшими буквами: «Продажа мутантов».

Глаза у Дженсена от удивления полезли на лоб. Дженсен вошел внутрь.

— Беру шесть, — сказал он.

— Не жадничайте, — сказал укоризненно человек за прилавком.

У человечка была грива белых волос, водянистые глаза и багровый нос, которым он беспрестанно шмыгал. Его братья (если они у него были) наверняка околачивались где-нибудь около Белоснежки.

— Послушайте, — сказал Дженсен, обводя магазинчик пристальным взглядом, — давайте поговорим серьезно, а? Ну как, спустимся с небес на землю?

— А я и так на земле, — и в доказательство этого человек топнул ногой.

— Хотелось бы верить, — допустил Дженсен. Он навалился на прилавок и уставился коротышке в лицо. — Эти ваши мутанты — они какие?

— Худые и толстые, — ответил хозяин. — А также длинные и короткие. А еще — нормальные и чокнутые. Может, у мутаций и есть границы, но только мне они не известны.

— Я знаю, кто чокнутый, — хмыкнул Дженсен.

— Кому и знать, как не вам, — подтвердил человек.

— Я ведь газетчик, фельетонист, — многозначительно сказал Дженсен.

— Оно и видно, — согласился коротышка.

— Что видно?

— Кто чокнутый.

— Подходяще, — признал Дженсен. — Люблю находчивых, даже если у них не все дома.

— Таких невежливых газетчиков я еще не встречал, — заметил человек. Он вытер глаза, высморкался и посмотрел, моргая, на посетителя.

— Ну, в моем положении это допускается. Ведь я возможный покупатель. А покупатель всегда прав.

— Не обязательно.

— Придется вам это понять, если не хотите разориться, — уверил Дженсен и начал разглядывать полки по ту сторону прилавка. Они были заставлены разными, самой диковинной формы банками и склянками. — Так вот, на счет этих мутантов.

— Да?

— Что это за махинация?

— Я продаю их — это махинация?

— Еще бы! — сказал Дженсен. — Вы хоть знаете, что такое мутант?

— Должен бы знать.

— Конечно, должны. Но знаете?

— Безусловно.

— Тогда что такое мутант?

— Ха! — Человек дернул носом, который после этого еще больше побагровел. — Так вы сами не знаете?

— Развожу их десятками. Я в этих делах крупный специалист.

— Правда? — усомнился человек. — Как ваше имя?

— Дженсен. Альберт Эдвард Мэлакай Дженсен из «Морнинг колл».

— Никогда о вас не слышал.

— И не могли — ведь для этого надо уметь читать. — Дженсен набрал воздуха и продолжал: — Мутант — это урод, который получается в одном случае из миллиона. Тяжелая частица — ну, какой-нибудь космический луч —

бьет по гену, и когда приходит срок, на руках у мамыши нечто для показа в цирке. Так что...

— Неверно! — резко оборвал его человек. — Мутант — это организм с коренными изменениями душевного или физического склада, передающимися потомству независимо от того, искусственными или естественными причинами вызваны эти изменения. Свойства всех моих мутантов передаются их потомству, из чего следует, что мои мутанты настоящие.

— Значит, вы изменяете любые живые существа и даете гарантию, что приплод будет такой же, как и родители?

— Вот именно.

— Тогда вы, наверно, бог, — сказал Дженсен.

— Ваше кощунство ничем не оправдано, — с негодованием отозвался человек.

Будто не слыша, Дженсен снова обвел пристальным взглядом ряды банок и склянок.

— Что это?

— Сосуды.

— Это я вижу сам. А что в сосудах — растворенные мутанты?

— Не говорите глупости.

— Я никогда не говорю глупости, — заверил Дженсен. — Вы торгуете мутантами — должны же вы где-нибудь их хранить.

— Да, торгую.

— Так написано на окне. Что это за махинация?

— Я же говорил вам — никакой махинации нет.

— Прекрасно. Я покупатель. Покажите мне несколько мутантов помодней. Что-нибудь вечернее и сногсшибательное.

— У меня не магазин одежды, — отозвался человек. — Вам нужно платье с глубоким вырезом. Вы бы выглядели в нем убийственно.

— Пусть это вас не волнует. Мутанта, пожалуйста, — больше я ничего у вас не прошу.

— Что-нибудь определенное? — спросил хозяин.

Дженсен задумался.

— Да. Я хочу купить голубого носорога в семнадцать дюймов длиной и весом не больше девяти фунтов.

— В серийном производстве такого нет. Придется делать специально.

— Вы знаете, почему-то я этого ожидал. Чувствовал как-то, что эта просьба не совсем обычная.

— Нужно две, а может быть, даже три недели, — предупредил человек.

— В этом я не сомневаюсь. Месяцы и годы. Да что там — жизни!

— Я мог бы предложить вам розового слона, — продолжал хозяин. — Примерно такой же величины.

— Слонов никто не берет. В любой лавчонке их завались.

— Да, их довольно много. — Он пригладил белые волосы, вздохнул. — Похоже, что я ничем не могу быть вам полезен.

— Покажите мне мутанта! Любого! Самого дешевого! — почти прокричал Дженсен.

— Ради бога, пожалуйста!

Человечек вытер глаза, шмыгнул раза два носом и скрылся за дверью, которая вела в подсобные помещения магазина.

Перегнувшись через прилавок, Дженсен дотянулся до небольшой, необычной по форме стеклянной банки. Она была наполнена до половины какой-то оранжевой жидкостью. Дженсен отвинтил крышку и понюхал. Запах навел на мысль о фантастически концентрированном перво-сортном виски. Он с грустью поставил банку на место.

Хозяин вернулся. На руках у него был белый щенок с черным пятном вокруг одного глаза. Он почти бросил его на прилавок.

— Пожалуйста — дешево и сердито.

— Ясно, — сказал Дженсен. — На вас надо подать в суд.

— Почему?

— Какой это мутант?

— Вам лучше знать, — с оскорбленным видом сказал человек, — ведь вы крупный специалист в этой области.

Подхватив щенка, он повернулся к двери.

— Какой умник нашелся! — презрительно ухмыльнувшись, проговорил щенок, прежде чем дверь за ними хлопнулась.

Когда хозяин появился снова, Дженсен сказал:

— Я слышал, как он говорит. Это же самое проделывает Чарли Маккарти¹, да и другие куклы.

— Вполне возможно.

Человечек чихнул и, звеня банками, стал искать что-то на полках.

— Это вам проделает любой эстрадный чревоушатель, — не унимался Дженсен, — только с бóльшим блеском и оригинальностью.

— Вполне возможно, — повторил хозяин.

— Я человек дотошный, — продолжал Дженсен. — Когда попадается что-нибудь интересное для газеты, меня за уши не оттащишь. С места не сдвинусь, пока не будет полной ясности, — вот я какой.

— В этом я не сомневаюсь.

— Вот и хорошо. Взгляните на дело по-другому: вы продаете мутантов, во всяком случае, так утверждаете. Тут новостей на несколько строчек, но строчка оттуда, строчка отсюда — и, пожалуйста, фельетон готов.

— Серьезно? В самом деле?

Человечек поднял белые брови, судя по всему, ошеломленный этим сообщением.

---

* Чарли Маккарти — большая деревянная кукла, с которой выступал популярный американский комик и чревоушатель Эдгар Берген. — *Прим. перев.*

— В хорошем фельетоне, — зловеще продолжал Дженсен, — написанном опытным фельетонистом, много всякого интересного. Его читают. Иногда в нем рассказывается о приятном, иногда о неприятном. Полиция читает неприятное и благодарна, что я обратил на это ее внимание. Обычно, правда, она запаздывает: чаще герой моего произведения прочитывает его раньше и успевает смыться. Понятно?

— Нет, не понятно.

Дженсен хлопнул по прилавку ладонью.

— Вы только что пытались всучить мне щенка. Он сказал: «Какой умник нашелся!» Я слышал это собственными ушами. Это обман. Приобретение денег нечестным путем. Мошенничество.

— Но ведь я никаких денег не приобрел. — Человек пренебрежительно махнул рукой. — Деньги! К чему они мне? Я никогда не беру денег.

— Вот как, не берете? Тогда что вы хотите за своего трепливого щенка?

Опасливо оглядевшись, человек перегнулся через прилавок и еле слышно прошептал что-то.

Дженсен вытаращил глаза и сказал:

— Вот теперь я окончательно убедился, что вы псих.

— Некоторых материалов мне очень не хватает, — извинился человек. — Неорганических сколько угодно, а вот животной плазмы нет. Столько сил и времени надо потратить, чтобы все приготовить самому!

— Могу себе представить. — Дженсен посмотрел на часы. — Покажите мне одного настоящего, подлинного мутанта, и я вас прославлю в воскресном номере. В противном случае...

— Да я сам мутант, — скромно сказал хозяин.

— Вот как? И что же это вы такое можете делать?

— Все могу. — И, помолчав, добавил: — Ну, если не все, так почти все.

Дженсен оскорбительно хихикнул.

— И вы можете делать других мутантов?

— Могу.

— Тогда валяйте, делайте. Мне нужен голубой носорог в семнадцать дюймов длиной, весом не больше девяти фунтов.

— Я не могу сделать носорога в один миг — нужно время.

— Это мы уже слышали. Бесконечные отговорки! — Дженсен нахмурился. — Ну, а розовый, чистой воды алмаз величиной с ведро вы могли бы сделать?

— Если бы он на что-нибудь годился. — Человек с ожесточением откашлялся и вдвинул какую-то банку туда, где ей надлежало быть. — Драгоценный камень такой величины ничего бы не стоил. И понадобилось бы немало времени, чтобы его изготовить.

— Ну вот, опять! — Дженсен со значением посмотрел на заставленные склянками полки. — Сколько они вам платят?

— Кто?

— Поставщики наркотиков.

— Не понимаю.

— Да уж куда там! — Дженсен почти вплотную приблизился к собеседнику. Лицо его было циничным, как у человека, хорошо знакомого с изнанкой жизни. — Надпись на окне — это для отвода глаз. У этих слов другой смысл. Ваши трехнудые клиенты называют «мутантом» сосуд с зельем, от которого они на седьмом небе.

— В сосудах растворы, — сказал хозяин.

— Кто в этом сомневается? — подхватил Дженсен. — Деньги наркоманов растворяются в банках пачками. — Он показал на ту, которую нюхал в отсутствие хозяина: — Сколько за эту?

— Нисколько, — ответил, протягивая ему банку, человек. — Но посуду верните обязательно.

Взяв банку, Дженсен снова открыл ее и понюхал. Оку-

нув палец, с опаской лизнул его. На лице у него появилось выражение блаженства.

— Беру назад треп про наркотики. Я все понял. — Мягко, чтобы не пролить ни капли, он взмахнул рукой, которая сжимала склянку. — Незаконная торговля спиртным — девяносто шесть градусов и никакого налога. — Он обсосал палец. — Какая мне разница? Кто-то — большой специалист в этом деле, а также большой специалист по увилчанию от налогообложения. Считайте меня своим клиентом — буду наведываться регулярно.

Дженсен сделал глоток. Будто факельное шествие проследовало через его глотку.

— Ух!

Он перевел дыхание и с нескрываемым уважением оглядел банку. Она была невелика, вмещала не больше одной пятой пинты. Жаль. Он снова поднес ее ко рту.

— Ваш должник. Пью за беззаконие!

— Вы вели себя очень грубо, — сказал человек. — Запомните это.

Насмешливо улыбаясь, Дженсен запрокинул голову и проглотил остаток. В животе у него будто что-то взорвалось. Стены магазина широко раздвинулись, снова сдвинулись. В течение пяти секунд, пока ноги его слабели, он шатался, а потом словно сломался в поясе и уже не сопротивлялся, когда пол ударил его в лицо.

Одна за другой пронеслись вечности, долгие, туманные, полные глухих звуков. Кончились. Медленно, как после страшного сна, Дженсен возвращался к действительности.

Он стоял на четвереньках на листе льда или чего-то похожего на лед. Совсем как собака. Тело его одеревенело. Голова была свинцовая, словно после похмелья, перед глазами все расплывалось. Чтобы прийти в себя, он потряс головой.

С трудом, но мысли начали к нему возвращаться. Тай-

ная продажа наркотиков. Он наткнулся на нее случайно и стал любопытничать. Кто-то подкрался сзади и оглушил его. Вот как бывает, когда распустишь язык и начинаешь задавать никому не нужные вопросы.

«Вы вели себя очень грубо. Запомните это!»

Подумаешь, грубо! Скоро он совсем очухается, вернется силы, и тогда он поведет себя не то что грубо, а просто до предела вульгарно. Разберет мозгляка на части и раскидает их по окрестностям.

Глаза теперь более или менее видят — скорее менее чем более. Странные какие-то и жутко близорукие. Зато нос работает великолепно — чует бог знает сколько всяких запахов, даже запах перегретого мотора где-то ярдах в пятидесяти. Но глаза — просто никуда.

И все-таки он увидел, что лед на самом деле вовсе не лед. Скорее это было листовое стекло, толстое и холодное. Далеко внизу виднелся другой такой же лист, под ним — еще один, а прямо перед его глазами была крепкая проволочная сетка.

Он попытался встать на ноги, но спина будто окаменела и отказывалась разогнуться. Ноги не повиновались. Ну и двинули же его! По-прежнему на четвереньках, словно во сне, он неуклюже переместился к преграждавшей ему путь сетке. Совсем близко слышались голоса, хотя говорящих он не видел.

— Она просит аравийскую гончую — салуки — с телепатическими способностями. Надо как-то достать.

— Потребуется десять дней, — ответил голос человека.

— Ее день рождения в следующую субботу. У вас будет готово к этому времени? Точно?

— Совершенно точно.

— Прекрасно, беритесь за дело. Я вас хорошо отблагодарю, когда приду за покупкой.

Дженсен прищурился и близоруко посмотрел через сетку на какую-то блестящую поверхность напротив. Тоже

стекло, а перед ним другой ряд затянутых сеткой пустых полок. На стекле какие-то неясные, исчезающие тени. Будто далекое окно, и на нем надпись. Слова надписи перевернуты, буквы неясные. Он очень долго в них вглядывался, пока не разобрал наконец: «Продажа мутантов».

Он посмотрел прямо перед собой и увидел какое-то отражение, гораздо более четкое. Он отодвинулся в сторону. Отражение отодвинулось тоже. Он тряхнул головой. Оно тоже тряхнуло. Он открыл рот — отражение открыло свой.

Тогда он закричал, словно его резали, но слышался только тихий всхрап. Отражение захрапело тоже.

Оно было голубое, в семнадцать дюймов длиной, и на его безобразном носу торчал рог.

Тримбл опустил дрожащую ложку, мигая водянистыми виноватыми глазами.

— Ну, Марта, Марта! Не надо так.

Положив мясистую руку на свой конец столика, за которым они завтракали, Марта, багровая и осипшая от злости, говорила медленно и ядовито:

— Пятнадцать лет я наставляла тебя, учила уму-разуму. Семьсот восемьдесят недель — по семи дней каждая — я старалась исполнить свой долг жены и сделать мужчину из тебя, тряпки, — она хлопнула широкой мозолистой ладонью по столу так, что молоко в молочнике заплескало. — И чего я добилась?

— Марта, ну будет же!

— Ровнехонько ничего! — кричала она. — Ты все такой же: ползучий, плюгавый, бесхребетный, трусливый заяц и слизняк!

— Нет, я все-таки не такой, — слабо запротестовал Тримбл.

— Докажи! — загремела она. — Докажи это! Пойди и сделай то, на что у тебя все пятнадцать лет не хватало духу! Пойди и скажи этому своему директору, что тебе полагается прибавка.

— Сказать ему? — Тримбл в ужасе заморгал. — Ты имеешь в виду — попросить его?

— Нет, сказать! — В ее голосе прозвучал жгучий сарказм. Она по-прежнему кричала.

— Он меня уволит.

— Так я и знала! — И ладонь снова хлопнула об стол. Молоко выпрыгнуло из молочника и расплескалось по столу. — Пусть увольняет. Тем лучше. Скажи ему, что ты

этого пятнадцать лет ждал, и пни его в брюхо. Найдешь другое место.

— А вдруг нет? — спросил он чуть ли не со слезами.

— Ну, мест повсюду полно! Десятки! — Марта встала, и при виде ее могучей фигуры он ощутил обычный боязливый трепет, хотя, казалось бы, за пятнадцать лет мог привыкнуть к ее внушительным пропорциям. — Но, к несчастью, они для мужчин!

Тримбл поежился и взял шляпу.

— Ну, я посмотрю, — пробормотал он.

— Ты посмотришь! Ты уже год назад собирался посмотреть. И два года назад...

Он вышел, но ее голос продолжал преследовать его и на улице.

— ...и три года назад, и четыре... Тьфу!

Он увидел свое отражение в витрине: низенький человечек с брюшком, робко горбящийся. Пожалуй, все они правы: сморчок — и ничего больше.

Подожел автобус. Тримбл занес ногу на ступеньку, но его тут же втокнул внутрь подошедший сзади мускулистый детина, а когда он робко протянул шоферу бумажку, детина оттолкнул его, чтобы пройти к свободному сиденью.

Тяжелый жесткий локоть нанес ему чувствительный удар по ребрам, но Тримбл смолчал. Он уже давно свыкся с такими толчками.

Шофер презрительно ссыпал мелочь ему на ладонь, насутился и включил скорость. Тримбл бросил пятицентовик в кассу и побрел по проходу. У окна было свободное место, отгороженное плотной тушей сизоцекого толстяка. Толстяк смерил Тримбла пренебрежительным взглядом и не подумал подвинуться.

Привстав на дыпочки, Тримбл вдел пухлые пальцы в ременную петлю и повис на ней, так ничего и не сказав.

Через десять остановок он слез, перешел улицу, при-

вычно описав крутую петлю, чтобы пройти подальше от крупа полицейского коня, затрусил по тротуару и благополучно добрался до конторы.

Уотсон уже сидел за своим столом и на «доброе утро» Тримбла проворчал «хрр». Это повторялось каждый божий день — «доброе утро» и «хрр».

Потом начали подходить остальные. Кто-то буркнул Тримблу в ответ на его «здравствуйте» что-то вроде «приветик», прочие же хмыкали, фыркали или ехидно усмехались.

В десять прибыл директор. Он никогда не приезжал и не являлся, а только прибывал. И на этот раз тоже. Директор прошествовал к себе в кабинет, точно там ему предстояло заложить первый камень памятника, окрестить линейный корабль или совершить еще какой-нибудь высокопраздничный ритуал. Никто не смел с ним здороваться. Все старались придать себе чрезвычайно почтительный и одновременно чрезвычайно занятый вид. Но Тримбл, как ни тщился, выглядел только ухмыляющимся бездельником.

Подождав около часа, чтобы директор успел справиться с утренней почтой, Тримбл судорожно сглотнул, постучался и вошел.

— Прошу прощения, сэр...

— Э? — Бычья голова вскинулась, свирепые глазки парализовали просителя. — Что вам еще надо?

— Ничего, сэр, ничего, — робко заверил Тримбл, похолодев. — Какой-то пустяк, и я уже забыл...

— Ну, так убирайтесь вон!

Тримбл убрался. В двенадцать он попробовал пробудить в себе стальную решимость, но стали явно не хватило и он со вздохом вновь опустился на стул.

Без десяти час он рискнул сделать еще одну попытку: встал перед директорской дверью, поднес к филенке согнутый указательный палец — и передумал. Лучше попробовать после обеденного перерыва. На сытый желудок он станет смелее.

По дороге в кафетерий ему предстояло пройти мимо бара. Он проходил мимо этого бара тысячи раз, но внутри не бывал никогда. Однако теперь ему пришло в голову, что глоток виски мог бы его подбодрить. Он настороженно огляделся. Если Марта увидит его на пороге этого злачного места, ему придется плохо. Однако Марты в окрестностях не наблюдалось, и, дивясь собственной храбрости, Тримбл вошел в бар.

Клиенты, или завсегдатаи, или как они там называются, проводили его откровенно подозрительными взглядами. Вдоль длинной стойки их сидело шестеро, и все шестеро, несомненно, сразу распознали в нем любителя минеральной воды. Он хотел ретироваться, но было уже поздно.

— Что угодно? — спросил бармен.

— Выпить.

Чей-то хриплый смешок подсказал Тримблу, что его ответ был излишне общим. Требовалось назвать конкретный напиток. Но, кроме пива, он ничего вспомнить не сумел. А пиво ему ничем помочь не могло.

— А что лучше? — находчиво спросил он.

— Смотря для чего.

— Это как же?

— Ну, с радости вы пьете, с горя или просто так.

— С горя! — пылко объявил Тримбл. — Только с горя!

— Один момент, — и, взмахнув салфеткой, бармен отвернулся. Несколько секунд он жонглировал бутылками, а потом поставил перед Тримблом бокал с мутноватой желтой жидкостью. — С вас сорок центов.

Тримбл заплатил и завороченно уставился на бокал. Бокал манил его. И пугал. Он чаровал и внушал ужас, как вставшая на хвост кобра. Тримбл все еще смотрел на желтую жидкость, когда пять минут спустя его сосед, широкоплечий верзила, небрежно протянул волосатую лапу, взял бокал и одним махом осушил его. Только Тримбл мог стать жертвой подобного нарушения кабацкой этики.

— Всегда рад услужить другу, — сладким голосом сказал верзила, а глаза его добавили: «Только пикни у меня!»

Не возразив, не запротестовав, Тримбл понуро вышел из бара. Презрительный взгляд бармена жег ему спину. Хриплый хохот завсегдатаев огнем опалял его затылок и уши.

Благополучно выбравшись на улицу, он предался тоскливым размышлениям. Почему, ну почему все пинки и тычки выпадают на его долю? Разве он виноват, что не родился дюжим хулиганом? Он уж такой, какой есть. И главное, что ему теперь делать?

Конечно, он мог бы обратиться к этим... к психологам. Но ведь они же — доктора. А он смертельно боялся докторов, которые в его сознании ассоциировались с больницами и операциями. К тому же они, наверное, просто его высмеют. Над ним всегда смеялись с тех пор, как он себя помнил. Есть ли хоть что-нибудь в мире, чего он не боялся бы? Хоть что-нибудь?

Рядом кто-то сказал:

— Только не пугайтесь. Я думаю, что смогу вам помочь.

Обернувшись, Тримбл увидел невысокого иссохшего старичка с белоснежными волосами и пергаментным морщинистым лицом. Старик смотрел на него удивительно ясными синими глазами. Одет он был старомодно и чудаковато, но от этого казался только более ласковым и доброжелательным.

— Я видел, что произошло там, — старичок кивнул в сторону бара. — Я вполне понимаю ваше состояние.

— Почему это я вас заинтересовал? — настороженно спросил Тримбл.

— Меня всегда интересуют люди. — Он дружески взял Тримбла под руку, и они пошли по улице. — Люди ведь куда интереснее неодушевленных предметов. — Синие глаза ласково посмеивались. — Существует непреложное правило, что у каждого есть какой-то выдающийся недостаток,

пли, если вам угодно, какая-то главная слабость. И чаще всего это — страх. Человек, не боящийся других людей, может испытывать смертельный ужас перед раком. Многие люди страшатся смерти, а другие, наоборот, пугаются жизни.

— Это верно, — согласился Тримбл, невольно оттаивая.

— Вы — раб собственных страхов, — продолжал старик. — Положение усугубляется еще и тем, что вы отдаете себе в этом полный отчет. Вы слишком ясно сознаете свою слабость.

— Еще как!

— Об этом я и говорю. Вы знаете о ней. Она постоянно присутствует в вашем сознании. Вы неспособны забыть про нее хотя бы на минуту.

— Да, к сожалению, — сказал Тримбл. — Но, возможно, когда-нибудь я сумею ее преодолеть. Может быть, я обрету смелость. Бог свидетель, я сотни раз пробовал...

— Ну, разумеется, — морщинистое лицо расплылось в веселой улыбке. — И вам недоставало только одного — постоянной поддержки верного друга, который никогда не покидал бы вас. Человек нуждается в ободрении, а иной раз и в прямом содействии. И ведь у каждого человека есть такой друг.

— А мой где же? — мрачно осведомился Тримбл. — Сам себе я друг — хуже некуда.

— Вы обретете поддержку, которая дается лишь немногим избранным, — пообещал старец.

Он опасливо оглянулся по сторонам и опустил руку в карман.

— Вам будет дано испытать из источника, скрытого в самых недрах земли.

Он достал узкий длинный флакон, в котором искрилась зеленая жидкость.

— Благодаря вот этому вы обретете уши, способные слышать голос тьмы, и язык, способный говорить с ее порождениями.

— Что-что?

— Возьмите, — настойчиво сказал старец. — Я даю вам этот напиток, ибо высший закон гласит, что милость порождает милость, а из силы рождается сила. — Он вновь ласково улыбнулся. — Вам теперь остается победить только один страх. Страх, который мешает вам осушить этот флакон.

Старец исчез. Тримбл никак не мог сообразить, что, собственно, произошло: только секунду назад его странный собеседник стоял перед ним, и вот уже сгорбленная фигура исчезла среди пешеходов в дальнем конце улицы. Тримбл постоял, посмотрел ему вслед, потом перевел взгляд на свои пухлые пальцы, на зажатый в них флакон. И спрятал его в карман.

Тримбл вышел из кафетерия на десять минут раньше, чем требовалось для того, чтобы вернуться в контору вовремя. Его желудок не был улагодворен, а душу грызла тоска. Ему предстояло выдержать либо объяснение с директором, либо объяснение с Мартой. Он находился между молотом и наковальней, и это обстоятельство совсем лишило его аппетита.

Он свернул с улицы в проулок, заканчивавшийся пустырем, где не было снующих взад-вперед прохожих. Отойдя в дальний конец пустыря, он достал сверкающий флакон и принялся его разглядывать.

Содержимое флакона было ярко-зеленым и на вид маслянистым. Какой-нибудь наркотик, а то и яд. Гангстеры перед тем, как грабить банк, накачиваются наркотиками, так как же подействует такое снадобье на него? А если это яд, то смерть его, быть может, будет тихой и безболезненной? Будет ли плакать Марта, увидев его застывший труп с благодистой улыбкой на восковом лице?

Откупорив флакон, он поднес его к носу и ощутил сладостный, почти неуловимый аромат. Лизнув пробку, он провел кончиком языка по нёбу. Жидкость оказалась креп-

кой, душистой и удивительно приятной. Тримбл поднес флакон к губам и выпил его содержимое до последней капли. Впервые в жизни он решился рискнуть, добровольно сделать шаг в неизвестное.

— Мог бы и не тянуть так! — заметил нечеловеческий голос.

Тримбл оглянулся. На пустыре никого не было. Он бросил флакон, не сомневаясь, что голос ему почудился.

— Смотри вниз! — подсказал голос.

Тримбл оглядел пустырь. Никого. Ну и зелье! У него уже начинаются галлюцинации.

— Смотри вниз! — повторил голос с раздражением. — Себе под ноги, дурак ты круглый! — и после паузы обиженно добавил: — Я же твоя тень!

— О господи! — простонал Тримбл, пряча лицо в ладонях. — Я разговариваю с собственной тенью! С одного раза допился до розовых слонов!

— Пошевели, пошевели мозгами! — негодуяще посоветовала тень. — Черный призрак есть у каждого человека, только не каждый олух говорит на языке тьмы. — Несколько секунд тень размышляла, а потом скомандовала: — Ну ладно, пошли!

— Куда?

— Начнем с того, что вздуем ту мокрицу в баре.

— Что?! — возопил Тримбл. Двое прохожих на тротуаре остановились и стали с удивлением оглядывать пустырь. Но Тримбл этого даже не заметил. Мысли у него мешались, он ничего не сознавал, кроме дикого страха: вот-вот на него наденут смирительную рубашку и запрут в отделение для буйнопомешанных!

— Да перестань ты драть глотку!

Тень поблекла, потому что небольшое облачко заслонило солнце, но вскоре обрела прежнюю черноту.

— Ну, раз уж мы начали разговаривать, я, пожалуй, обзаведусь именем. Можешь звать меня Кларенсом.

— Кл... Кл... Кл...

— А что? Разве плохое имечко? — вопиственно осведомилась тень. — А ну, заткнись. Подойди-ка к стене. Вот так. Видишь, как я поднялся? Видишь, насколько я тебя больше? Согни правую руку. Чудненько. А теперь погляди на мою руку. Хороша, а? Да чемпион мира в тяжелом весе полжизни за нее отдал бы!

— Господи! — простонал Тримбл, напрягая бицепс и умоляюще возводя глаза к небу.

— Мы с тобой можем теперь работать заодно, — продолжал Кларенс. — Ты только прицелься, а уж удар я беру на себя. Только становись против света, так, чтобы я был большим и сильным, а дальше все пойдет как по маслу. Бей в точку и помни, что я с тобой. Только ткни его кулаком, а уж я так ему врежу, что он об потолок треснется. Появл?

— Д-д-да, — еле слышно пробормотал Тримбл. Пугливо покосившись через плечо, он обнаружил, что число зрителей увеличилось до десяти.

— Повернись так, чтобы я был позади, — скомандовала тень. — Сначала сам размахнись, а второй раз я тебя подержу. Вот увидишь, какая будет разница.

Тримбл покорно повернулся к ухмыляющимся зевакам и взмахнул пухлым кулаком. Как он и ожидал, никакого удара не получилось. Он отступил на шаг и снова замахнулся, напрягая все силы. Его рука рванулась вперед, как поршень, увлекая за собой тело, и он еле удержался на ногах. Зрители захохотали.

— Видал? Что я тебе говорил? Не найдется и одного человека на десять, чтобы он знал свою настоящую силу. — Кларенс испустил призрачный смешок. — Ну, вот мы и готовы. Может, пошибаем с ног этих типчиков, чтобы набить руку?

— Нет! — крикнул Тримбл и утер пот с багрового полубезумного лица. К зрителям присоединилось еще пять человек.

— Ладно, как хочешь. А теперь пошли в бар, и помни, что я всегда рядом с тобой.

Все больше и больше замедляя шаг, Тримбл наконец добрался до бара. Он остановился перед входом, чувствуя, как трясутся у него поджилки, а его драчливая тень то-ропливо давала ему последние наставления:

— Меня никто не слышит, кроме тебя. Ты принадлежишь к немногим счастливым, которым открылся язык тьмы. Мы войдем вместе, и ты будешь говорить и делать то, что я тебе скажу. И что бы ни случилось, не дрейфь — я с тобой, а я могу свалить с ног бешеного слона.

— По-понятно, — согласился Тримбл без всякого восторга.

— Ну и чудненько. Так какого же черта ты топчешься на месте?

Тримбл открыл дверь и вошел в бар походкой преступника, поднимающегося на эшафот. Там сидела все та же компания во главе с дюжим верзилой.

Бармен взглянул на вошедшего, гаденько ухмыльнулся и многозначительно ткнул в его сторону большим пальцем. Верзила выпрямился и нахмурил брови. Продолжая ухмыляться, бармен осведомился:

— Чем могу служить?

— Зажги-ка свет, — потусторонним голосом прошипел Тримбл, — и я тебе кое-что покажу.

Ну вот! Он отрезал себе пути к отступлению. И теперь придется претерпеть все до конца, пока санитары не вынесут его отсюда на носилках.

Бармен прикинул. В любом случае шутка обещала выйти занимательной, и он решил исполнить просьбу этого коротышки.

— Будьте любезны! — сказал он и щелкнул выключателем.

Тримбл оглянулся и несколько воспрянул духом. Рядом с ним высился Кларенс, уходя под потолок, точно сказочный джин.

— Валяй, — скомандовала гигантская тень. — Приступай к делу.

Тримбл шагнул вперед, схватил рюмку верзилы и выплеснул содержимое ему в физиономию.

Верзила встал, точно во сне, крикнул, утер лицо и снова крикнул. Потом снял пиджак, аккуратно сложил его и бережно опустил на стойку. Медленно, внятно и очень вежливо он сказал своему противнику:

— Богатым меня не назовешь, но сердце у меня на редкость доброе. Уж я позабочусь, чтобы тебя схоронили поприличнее.

И могучий кулак описал в воздухе стремительную дугу.

— Пригнись! — рявкнул Кларенс.

Тримбл втянул голову в ботинки и почувствовал, как по его волосам промчался экспресс.

— Давай! — иступленно скомандовал Кларенс.

Подпрыгнув, Тримбл выбросил кулак вперед. Он вложил в это движение весь свой вес и всю свою силу, целясь в кадык верзилы. На мгновение ему показалось, что его рука пробила шею противника насквозь. Он снова ударил по шестидесятому этажу небоскреба и результат получился не менее эффектный. Верзила рухнул, как бык под обухом. Ого! И мы кое-что можем!

— Еще раз! — неистовствовал Кларенс. — Дай я ему еще врежу, пусть только встанет!

Верзила пытался подняться на ноги. На его лице было написано недоумение. Он почти выпрямился, неуверенно поводя руками и стараясь разогнуть подгибающиеся ноги.

Тримбл завел правый кулак как мог дальше, так что у него хрустнул сустав. А потом дал волю руке, целясь противнику по сопатке. Раздался чмокающий удар, точно лопнул слишком сильно надутый мяч. Голова верзилы мотнулась, грозя вот-вот отделиться от плеч, он зашатался, упал и прокатился по полу.

Кто-то благоговейно охнул.

Дрожа от возбуждения, Тримбл повернулся спиной к поверженному противнику и направился к стойке. Бармен тотчас подскочил к нему с самым почтительным видом. Тримбл послунил палец и нарисовал на стойке круглую рожицу.

— Ну-ка, подрисуй к ней кудряшки!

Бармен заколебался, поглядел по сторонам с умоляющим видом и судорожно сглотнул. Потом покорно облизал палец и подрисовал кудряшки.

Тримбл выхватил у него салфетку.

— Попробуй еще раз соорудить мне гримасу, и с тобой вот что будет! — энергичным движением он стер рожицу.

— Да ладно вам, мистер, — умоляюще пробормотал бармен.

— А пошел ты... — Тримбл впервые в жизни употребил крепкое выражение. Он швырнул салфетку бармену, оглянулся на свою хрипящую жертву и вышел.

Когда его короткая округлая фигура исчезла за дверью, кто-то из завсегдатаев сказал:

— Это надо же! Набрался наркотиков и теперь, того и гляди, пристукнет кого-нибудь.

— Не скажи, — бармен был напуган и смущен. — По виду разве разберешь? Возьми Улитку Маккифа — он в своем весе мировой чемпион, а с виду мозгляк мозгляком. Мне этот типчик сразу не понравился. Может, он брат Улитки?

— Не исключено, — задумчиво согласился его собеседник.

Верзила на полу перестал хрипеть, икнул, охнул и выругался. Перекатившись на живот, он попробовал встать.

— А теперь к директору! — со смаком сказал Кларенс.

— Нет, нет, нет, только не это! — кроткое лицо Тримбла еще багровело от недавнего напряжения. Он то и дело опасно косился через плечо в ожидании грозной и, как он полагал, неизбежной погони. Ему не верилось, что он

действительно сделал то, что сделал, и он не понимал, как ему удалось выйти из такой передрыги живым.

— Я сказал — к директору, тыква ты ходячая! — раздраженно повторила тень.

— Но не могу же я бить директора! — пронзительно запротестовал Тримбл. — Эдак я за решетку попаду.

— За что бы это? — поинтересовался прохожий, оставившаяся и с любопытством разглядывая толстячка, который рассуждал вслух.

— Ни за что. Я разговаривал сам с собой... — Тримбл умолк, так как его тени очень не понравилось, что их перебили. Ему вовсе не хотелось следовать ее совету, но другого выхода не оставалось.

— Э-эй! — крикнул он вслед отошедшему прохожему. Тот вернулся.

— Не суй нос в чужие дела, ясно? — грубо сказал Тримбл.

— Ладно, ладно, не лезьте в бутылку, — испуганно отозвался прохожий и торопливо зашагал прочь.

— Видал? — буркнул Кларенс. — Ну, а теперь к директору. Зря мы задираться не станем, будь спок.

— Будь спокоен, — поправил Тримбл.

— Будь спок, — не отступал Кларенс. — Сначала мы поговорим. А если он не пойдет нам навстречу, ну, тогда мы прибегнем к силе. — Немного помолчав, он добавил: — Только не забудь включить свет.

— Ладно, не забуду. — Тримбл смирился с тем, что еще до вечера угодит в тюрьму, если не в морг. С мученическим видом он вошел в подъезд и поднялся в контору.

— Добрый день!

— Хрр, — отозвался Уотсон.

Тримбл зажег свет, повернулся, поглядел, где находится его темный союзник, подошел вплотную к Уотсону и сказал очень громко:

— От свиньи я ничего, кроме хрюканья, и не жду.

Разрешите привлечь ваше внимание к тому обстоятельству, что я сказал вам «добрый день».

— А? Что? Э-э... — Уотсон растерялся от неожиданности и испуга. — А-а! Ну конечно. Добрый день!

— То-то! И учтите на будущее.

С трудом волоча непослушные ноги, ничего не соображая, Тримбл направился к директорской двери. Он поднял согнутый палец, готовясь постучать.

— И не думай, — заявил Кларенс.

Тримбл содрогнулся, схватил дверную ручку и деликатно ее повернул. Глубоко вздохнув, он так ударил по двери, что она с оглушительным треском распахнулась, едва не слетев с петель. Директор взвился над своим столом. Тримбл вошел.

— Вы! — взревел директор, трясаясь от ярости. — Вы уволены!

Тримбл повернулся и вышел, аккуратно прикрыв за собой злополучную дверь. Он не произнес ни слова.

— Тримбл! — закричал директор, и голос его громом прокатился по кабинету. — Идите сюда!

Тримбл снова вошел в кабинет. Плотно прикрыв дверь, за которой остались настороженные уши всей конторы, он смерил директора свирепым взглядом, подошел к стене и щелкнул выключателем. Затем описал несколько зигзагов, пока не обнаружил, в каком именно месте Кларенс вырастает до потолка. Директор следил за его маневрами, упершись ладонями в стол. Глаза на его полиловевшем лице совсем вылезли из орбит.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, и тишину нарушало только тяжелое астматическое дыхание директора. Наконец директор просипел:

— Вы напились, Тримбл?

— Мой вкус в отношении освежающих напитков обсуждению не подлежит, — категорическим тоном сказал Тримбл. — Я пришел сообщить, что ухожу от вас.

— Уходите? — директор выговорил это слово так, словно оно было ему незнакомо.

— Вот именно. Я вашей лавочкой сыт по горло. Я намерен предложить свои услуги Робинсону и Флэнагану, — директор вскинулся, как испуганная лошадь, а Тримбл продолжал очертя голову: — Они мне хорошо заплатят за те знания, которыми я располагаю. Мне надоело жить на эти нищенские крохи.

— Послушайте, Тримбл, — сказал директор, с трудом переводя дух. — Мне не хотелось бы терять вас, вы ведь столько лет служите здесь. Мне не хотелось бы, чтобы ваши бесспорно незаурядные способности пропадали зря, а что вам могут предложить такие мелкие мошенники, как Робинсон и Флэнаган? Я прибавлю вам два доллара в неделю.

— Дай я ему съезжу в рыло! — упоенно предложил Кларенс.

— Нет! — крикнул Тримбл.

— Три доллара, — сказал директор.

— Ну, чего тебе стоит! Один разочек! — не отступал Кларенс.

— Нет! — возопил Тримбл, обливаясь потом.

— Ну хорошо, я дам вам пять. — Лицо директора перекосилось. — Но это мое последнее слово.

Тримбл вытер вспотевший лоб. Пот струйками стекал по его спине, ноги подгибались...

— Мне самым наглým образом недоплачивали целых десять лет, и я не соглашусь остаться у вас меньше чем за дополнительных двенадцать долларов в неделю. Вы наживали на мне чистых двадцать, но так уж и быть — я оставлю вам восемь долларов на сигары и обойдусь двенадцатью.

— С-с-сигары?!

— Робинсон и Флэнаган дадут мне на двенадцать больше. Ну, а вы — как хотите. Но без этого я не останусь.

— Двенадцать! — директор растерялся, потом разъярил-

ся, потом задумался. В конце концов он принял решение. — По-видимому, Тримбл, я действительно недооценивал ваши способности. Я вам дам прибавку, которую вы просите... — он перегнулся через стол и свирепо уставился на Тримбла, — но вы подпишете обязательство не уходить от нас.

— Идет. Я, так и быть останусь. — Уже в дверях он добавил: — Весьма обязан.

— Видал? — сказал Кларенс.

Ничего не ответив назойливой тени, Тримбл сел за свой стол. И, повернувшись к Уотсону, сказал голосом, который разнесся по всей комнате:

— А приятная стоит погода.

— Хрр.

— Что? — рявкнул Тримбл.

— Очень, очень приятная, — кротко согласился Уотсон.

До самого конца рабочего дня сердце Тримбла цело, как соловьиная роща. Каким-то образом вся контора узнала подробности его объяснения с директором. И теперь в тоне тех, кто с ним заговаривал, звучало нечто новое. Впервые в жизни — ему даже не верилось! — он чувствовал, что его уважают.

Когда он убрал счетные книги и вышел из конторы, накрапывал дождь. Но это его несколько не смутило. Холодные капли приятно освежали его разгоряченное сияющее лицо, влажный воздух пьянил, как старое вино. Презрев автобус, он бодро зашагал по мокрому тротуару. Ему рисовалось ошеломленное лицо Марты, и он принялся напевать веселый мотивчик.

Из-за угла впереди донесся резкий звук, словно лопнула шина. И еще, и еще, и еще. Раздался топот бегущих ног, и, завернув за угол, Тримбл увидел, что навстречу ему бегут два человека. Один опережал другого шагов на шесть, и оба держали в руках пистолеты. Когда до бегущей-

го впереди оставалось шагов тридцать, Тримбл узнал в нем верзилу из бара!

Он похолодел. Дальше по улице слышались крики, и он сообразил, что эти двое спасаются бегством. Если верзила его узнает, он прикончит его на месте, не замедлив бега. И негде спрятаться. Негде укрыться за остающиеся считанные секунды! Хуже того — небо затягивали черные тучи, и его бесценной тени нигде не было видно.

— Кларенс! — в испуге пискнул он.

Ответа не последовало. Но его вопль привлек внимание верзилы, который, тотчас узнав его, оскалил зубы в мертвящей усмешке и поднял пистолет. От дрожащей жертвы его отделяло не более трех шагов — промахнуться на таком расстоянии было невозможно.

Тримбл ударил верзилу носком ботинка в коленную чашечку.

Он сделал это не под влиянием отчаяния, как загнанная в угол крыса. Нет, его поступок был продиктован логичным выводом, что спастись он может, только если будет действовать так, словно его исчезнувшая тень все еще рядом. И он выбросил вперед ногу, целясь в колено, вкладывая в этот пинок всю свою силу.

Верзила ввинтился головой в тротуар, словно намереваясь поглядеть, что делается в метро. При виде этого приятного зрелища Тримбл заподозрил, что его тень, возможно, все-таки находится где-то поблизости, хотя и остается невидимой. Эта мысль его ободрила.

Тем временем перед ним вырос второй беглец, глядевший на него с таким изумлением, словно он только что видел, как муравей преобразился в льва. Это был высокий долговязый субъект, и Тримблу нечего было и думать дотянуться до его кадыка. Он наклонил голову и боднул его в живот. Субъект ойкнул и услужливо согнулся пополам, а Тримбл ударил его по кадыку. Однако тот не принял ожидаемого горизонтального положения. Его зеленовато-

бледное лицо покраснело от боли и злости, и он замахнулся на Тримбла рукояткой пистолета.

Но Тримбл не стал дожидаться удара. Используя прежний опыт, он втянул голову в плечи, снова выбросил ее вперед и боднул противника в солнечное сплетение. Тот снова согнулся пополам, и Тримбл что было силы ударил его в нос.

Позади него что-то треснуло, и раскаленный вихрь цапнул мочку его левого уха. Но Тримбл не обратил на это внимания, думая только о лице, которое продолжал видеть перед собой. Там, где послышался треск, теперь раздавались грязные ругательства, кругом кричали люди, приближался топот тяжелых ног.

Тримбл ничего не слышал. Он не осознал, что его первый противник очнулся. Для него сейчас существовала только злобно оскаленная рожа перед ним. И он бил по ней что есть мочи, запрокидывал ее, пригибал книзу. Что-то жесткое и шишковатое обрушилось из пустоты на его собственную левую скулу, а затем, казалось, принялось ломать ему ребра. Но Тримбл продолжал молотить по роже, только по роже.

Его сердце плясало в груди, он уже не дышал, а хрипел, но тут между ним и ненавистой рожей мелькнуло что-то черное и продолговатое, опустилось на нее, опрокинуло вниз. Тримбл нанес еще два удара по воздуху и опустил руки, дрожа всем телом и растерянно моргая.

Постепенно у него в глазах прояснилось. Полицейский сказал:

— Мистер, хоть вы ростом и не вышли, но деретесь прямо насмерть.

Осмотревшись, Тримбл увидел, что его недавних противников со всех сторон окружили полицейские.

— Первый — это Хэм Карлотти, — продолжал его собеседник. — Мы за ним давно уже охотились. — Он окинул Тримбла восхищенным взглядом. — Тут мы у вас в долгу. Если вам понадобится от нас помощь, так не стесняйтесь.

Тримбл вытащил платок, прижал его к уху, потом поднес к глазам. Платок покраснел от крови. Господи, да из него кровь фонтаном хлещет! И тут Тримбл почувствовал, что его левый глаз заплыл, скула отчаянно болит, а ребра как будто все переломаны. Ну и вид у него, наверное!

— Вы можете оказать мне услугу теперь же, — сказал он. — Я еще мальчишкой мечтал прокатиться домой в полицейской машине. Так может, сейчас...

— О чем речь! — весело воскликнул полицейский. — С удовольствием. — Он крикнул шоферу подъехавшей машины: — Надо бы подвести этого джентльмена. Он нам здорово помог.

— Куда вам?

Тримбл удобно откинулся на спинку сиденья. Они рванулись с места, завывла сирена, машины на улицах шаркнулись в стороны. Вот это жизнь!

Солнце вырвалось из-за облаков и засияло во всю мочь. Тримбл вдруг увидел, что рядом с ним едет его тень.

— Кларенс!

— Слушаю, господин, — смиренно отозвалась тень.

— В будущем можешь все предоставлять мне.

— Хорошо, господин. Но...

— Заткнись! — скомандовал Тримбл.

— Это вы кому? — спросил шофер, удивленно поглядев на него.

— Жене, — находчиво ответил Тримбл. — Готовлюсь к бою.

Улыбаясь до ушей, шофер лихо остановил машину и проводил своего пассажира до дверей. Когда Марта открыла, он приложил руку к фуражке и сказал:

— Сударыня, ваш муж — герой!

И удалился.

— Герой! — фыркнула Марта. Скрестив могучие руки на пышной груди, она приготовилась разразиться назидательной речью, но тут ее взгляд упал на разбитую физиономию спутника ее жизни. Она выпучила глаза.

— Где это тебя так разукрасили?

Не снизойдя до ответа, Тримбл оттолкнул ее и вошел в переднюю. Он подождал, чтобы она закрыла дверь, а потом упер разбитые костяшки пальцев в бока, набычился и уставился на нее. Он был добрым человеком и не хотел причинять ей боли, но она должна была понять, что имеет дело с мужчиной.

— Марта, я уложил пару гангстеров и вышиб из директора еще двенадцать долларов в неделю. — Он замигал, а она бессильно оперлась о стену. — Много лет я терпеливо сносил твои выходки, но теперь с меня довольно: больше и не пытайся меня пилить.

— Пилить... — тупо повторила она, не веря своим ушам.

— Иначе я так тебе врежу, что ты пожалеешь, что не обзавелась парашютом.

— Гораций! — она, пошатываясь, сделала шаг к нему, вне себя от изумления. — Неужели ты способен ударить женщину?

— Еще как! — ответил он, поплеывая на ноющий кулак.

— Ах, Гораций! — Она стремительно обвила руками его шею и запечатлела на его губах звонкий поцелуй.

Черт, ну кто их разберет, женщин? Одни ценят нежность, а другие — вот как Марта — предпочитают что-нибудь поглубже. Ну, он пойдет ей навстречу!

Ухватив жену за волосы, Тримбл запрокинул ее голову, точно выбрал цель, рассчитал вес и силу и чмокнул ее так, что вокруг все зазвенело.

С торжествующей усмешкой он взглянул через плечо на свою смирившуюся тень — что она теперь скажет? Но Кларенсу было не до него. Ведь у Марты тоже была тень.

Уже давно на борту космического корабля «Бастлер» не было такой тишины. Корабль стоял в космопорту Сириуса с холодными дюзами, корпус его был испещрен многочисленными шрамами — ни дать ни взять измученный бегун после марафонского бега. Впрочем, для такого вида у «Бастлера» были все основания: он только что вернулся из продолжительного полета, где далеко не все шло гладко.

И вот теперь, в космопорту, гигантский корабль обрел заслуженный, хотя и временный покой. Тишина, наконец тишина. Нет больше ни тревог, ни беспокойств, ни огорчений, ни мучительных затруднений, возникающих в свободном полете по крайней мере два раза в сутки. Только тишина, тишина и покой.

Капитан Макнаут сидел в кресле, положив ноги на письменный стол и с наслаждением расслабившись. Атомные двигатели были выключены, и впервые за многие месяцы смолк адский грохот машин. Почти вся команда «Бастлера» — около четырехсот человек, получивших увольнение, — кутила напропалую в соседнем большом городе, залитом лучами яркого солнца. Вечером, как только первый помощник Грегори вернется на борт, капитан Макнаут сам отправится в благоухающие сумерки, чтобы пообщаться к сверкающей неонем цивилизации.

Как приятно наконец ступить на твердую землю! Команда получает возможность развлечься, так сказать, выпустить лишний пар, что каждый делает по-своему. Позади заботы, волнения, обязанности и тревоги. Комфорт и безопасность — награда усталым космическим скитальцам!

Старший радиоофицер Бурман вошел в каюту. Он был одним из шести членов экипажа, вынужденных остаться на борту корабля, и по лицу его было видно, что ему из-

вестно по крайней мере двадцать более приятных способов времяпрепровождения.

— Только что прибыла радиограмма, сэр, — сказал он, протянув листок бумаги, и остановился в ожидании ответа.

Капитан Макнаут взял радиограмму, снял ноги со стола, выпрямился и, заняв приличествующее командиру положение, прочитал вслух:

— ЗЕМЛЯ ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ БАСТЛЕРУ ТЧК
ОСТАВАЙТЕСЬ СИРИПОРТУ ДАЛЬНЕЙШИХ
УКАЗАНИЙ ТЧК КОНТР- АДМИРАЛ ВЭЙН У ТЧК
КЭССИДИ ПРИБЫВАЕТ СЕМНАДЦАТОГО ТЧК
ФЕЛДМАН ОТДЕЛ КОСМИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ
СИРИСЕКТОР

Лицо капитана стало суровым. Он оторвал глаза от бумаги и громко застонал.

— Что-нибудь случилось? — спросил Бурман, чуя неладное. Макнаут указал на три книжечки, лежавшие стопкой на столе.

— Средняя. Страница двадцатая.

Бурман перелистал несколько страниц и нашел нужный параграф: «Вэйн У. Кэссиди, контр-адмирал. Должность — главный инспектор кораблей и складов».

Бурман с трудом сглотнул слюну.

— Значит...

— Да, — недовольно подтвердил Макнаут. — Снова как в военном училище. Красить и драить, чистить и полировать. — Он придал лицу непроницаемое выражение и заговорил до тошноты официальным голосом: — Капитан, у вас в наличии всего семьсот девяносто девять аварийных пайков, а по списку числится восемьсот. Запись в вахтенном журнале о недостающем пайке отсутствует. Где он? Что с ним случилось? Почему у одного из членов экипажа отсутствует официально зарегистрированная пара казенных подтяжек? Вы сообщили об их исчезновении?

— Почему он взялся именно за нас? — спросил Бур-

ман с выражением ужаса на лице. — Ведь никогда раньше он не обращал на нас внимания!

— Именно поэтому, — ответил Макнаут, глядя на стену с видом мученика. — Пришла наша очередь получить взбучку. — Отсутствующий взгляд капитана остановился наконец на календаре. — У нас еще три дня — за это время многое можно исправить. Ну-ка, вызови ко мне второго офицера Пайка.

Опечаленный Бурман ушел. Вскоре в дверях появился Пайк. Несчастное выражение его лица подтверждало старую истину, что плохие новости летят на крыльях.

— Выпиши требование на сто галлонов пластикарки, темно-серой, высшего качества. И второе — на тридцать галлонов белой эмали для внутренних помещений. Немедленно отправь их на склад космопорта и позаботься о том, чтобы краска вместе с необходимым количеством кистей и пульверизаторов была здесь к шести вечера. Прихвати весь протирочный материал, который у них плохо лежит.

— Команде это не понравится, — заметил Пайк, делая слабую попытку к сопротивлению.

— Ничего, стерпится — слюбится, — заверил его Макнаут. — Сверкающий, отдраенный до блеска корабль благотворно влияет на моральное состояние экипажа — именно так записано в Уставе космической службы. А теперь пошевеливайся и быстро отошли требования на краску. Потом принеси мне списки инвентарного имущества. Мы должны произвести инвентаризацию до прибытия Кэссиди. Когда он придет, уже не удастся покрыть недостачу или сбавить предметы, которые окажутся в избытке.

— Есть, сэр, — Пайк повернулся и вышел из каюты, волоча ноги, с таким же траурным выражением лица, как и у Бурмана.

Откинувшись на спинку кресла, Макнаут бормотал что-то себе под нос. Им владело смутное чувство, что в послед-

ную минуту все усилия пойдут прахом. Недостаток табельного имущества — дело достаточно серьезное, если только исчезновение не было отмечено в предыдущем отчете. Избыток — и того хуже. Если первое свидетельствует о небрежности или халатности при хранении, то второе может значить только преднамеренное хищение казенного имущества при попустительстве командира корабля.

Взять, например, случай с Уильямсом, командиром тяжелого космического крейсера «Свифт», — слухом космос полнится. Макнаут узнал об этом, когда «Бастлер» пролетал мимо Бутса. При инвентаризации табельного имущества у Уильямса на борту крейсера «Свифт» нашли одиннадцать катушек проводов для электрифицированных заграждений, тогда как по спискам полагалось только десять. В дело вмешался военный прокурор, и только тогда выяснилось, что этот лишний моток проволоки, которая, между прочим, пользовалась исключительным спросом на некоторых планетах, не был украден из складов космической службы и доставлен (на космическом жаргоне — телепортирован) на корабль. Тем не менее Уильямс получил нагоняй, что мало помогает продвижению по службе.

Макнаут все еще размышлял, ворча себе под нос, когда вернулся Пайк с толстенной папкой в руках.

— Собираетесь начать инвентаризацию немедленно, сэр?

— Ничего другого нам не остается, — вздохнул капитан, посылая последнее «прости» своему отдыху в городе и ярким праздничным огням. — Потребуется уйма времени, чтобы обшарить корабль от носа до кормы, поэтому осмотр личного имущества экипажа проведем напоследок.

Выйдя из каюты, капитан направился к носу «Бастлера»; за ним с видом мученика тащился Пайк.

Когда они проходили мимо главного входного люка, их заметил корабельный пес Пизлейк. В два прыжка Пизлейк взлетел по трапу и замкнул шествие. Этот огромный пес, родители которого обладали неисчерпаемым энтузиазмом,

но мало заботились о чистоте породы, был полноправным членом экипажа и гордо носил ошейник с надписью «Пизлейк — имущество косм. кор. «Бастлер». Основной обязанностью пса, с которой он превосходно справлялся, было не подпускать к трапу корабля местных грызунов и в редких случаях — обнаруживать опасность, незамеченную человеком.

Все трое шествовали по коридору — Макнаут и Пайк с мрачной решимостью людей, которые жертвуют собой во имя долга, а тяжело дышащий Пизлейк был преисполнен готовности начать любую игру, какую бы ему ни предложили.

Войдя в носовое помещение, Макнаут тяжело опустился в кресло пилота и взял папку из рук Пайка.

— Ты знаешь всю эту кухню лучше меня — мое место в штурманской рубке. Поэтому я буду читать, а ты — проверять наличие. — Капитан открыл папку и начал с первого листа:

— К-1. Компас направленного действия, тип Д, один.

— Есть, — сказал Пайк.

— К-2. Индикатор направления и расстояния, электронный, тип Джи-Джи, один.

— Есть.

— К-3. Гравиметрические измерители левого и правого бортов, модель Кэсини, одна пара.

— Есть.

Пизлейк положил голову на колени Макнаута, посмотрел ему в лицо понимающими глазами и негромко завыл. Он начал соображать, чем занимаются эти двое. Нудная переключка была чертовски скучной игрой. Макнаут успокаивающим жестом положил руку на голову Пизлейка и стал играть песьими ушами, протяжно выкликивая предмет за предметом.

— К-187. Подушки из пенорезины, две, на креслах пилота и второго пилота.

— Есть.

К тому времени, когда первый офицер Грегори поднялся на борт корабля, они уже добрались до крохоткой рубки внутренней радиосвязи и копались там в полумраке. Пизлейк, полный невыразимого отвращения, давно покинул их.

— М-24. Запасные громкоговорители, трехдюймовые, тип Т-2, комплект из шести штук, один.

— Есть.

Выпучив от удивления глаза, Грегори заглянул в рубку и спросил:

— Что здесь происходит?

— Скоро нам предстоит генеральная инспекция, — ответил Макнаут, поглядывая на часы. — Пойди-ка проверь, привезли краску или нет и если нет, то почему. А потом приходи сюда и помоги мне с проверкой — Пайку надо заниматься другими делами.

— Значит, увольнение в город отменяется?

— Конечно, до тех пор пока не уберется этот начальник веников и заведующий кухнями. — Капитан повернулся к Пайку. — Когда будешь в городе, постарайся разыскать и отправить на корабль как можно больше ребят. Никакие причины или объяснения во внимание не принимаются. И чтобы без всяких там алиби или задержек. Это приказ!

Лицо Пайка приняло еще более несчастное выражение. Грегори сердито посмотрел на него, вышел, через минуту вернулся и доложил:

— Окрасочные материалы придут через двадцать минут. — С грустью на лице он посмотрел вслед уходящему Пайку.

— М-47. Телефонный кабель, витой, экранированный, три катушки.

— Есть, — сказал Грегори, проклиная себя. И угораздило же его вернуться на корабль именно сейчас!

Работа продолжалась до позднего вечера и возобновилась с восходом солнца. К этому времени уже три четвер-

ти команды трудились в поте лица как внутри, так и снаружи корабля, с видом людей, приговоренных к каторге за преступления — задуманные, но еще не совершенные.

По узким коридорам и переходам пришлось передвигаться по-крабьи, на четвереньках — лишнее доказательство того, что представители высших форм земной жизни испытывают панический страх перед свежей краской. Капитан во всеуслышание объявил, что первый, кто посадит пятно на свежую краску, заплатит за это десятью годами жизни.

На исходе второго дня зловещие предчувствия капитана начали сбываться. Они уже заканчивали девятую страницу очередного инвентарного списка кухонного имущества, а шеф-повар Жан Бланшар подтверждал присутствие и действительное наличие перечисляемых предметов, когда они, пройдя две трети пути, образно говоря, натолкнулись на рифы и стремительно пошли ко дну.

Макнаут пробормотал скучным голосом:

— В-1097. Кувшин для питьевой воды, эмалированный, один.

— Здесь, — ответил Бланшар, постучав по кувшину пальцем.

— В-1098. Капес, один.

— Что? — спросил Бланшар, изумленно выпучив глаза.

— В-1098. Капес, один, — повторил Макнаут. — Ну, что смотришь, будто тебя громом ударило? Это корабельный камбуз, не правда ли? Ты шеф-повар, верно? Кому же еще знать, что находится в камбузе? Ну, где этот капес?

— Первый раз о нем слышу, — решительно заявил повар.

— Быть того не может. Он внесен вот в этот список табельного имущества камбуза, напечатано четко и ясно: капес, один. Список табельного имущества составлялся при приемке корабля четыре года назад. Мы сами проверили наличие капеса и расписались.

— Ни за какой капес я не расписывался, — Бланшар

упрямо покачал головой. — В моем камбузе нет такой штуки.

— Посмотри сам! — с этими словами Макнаут сунул ему под нос инвентарный список.

Бланшар взглянул и презрительно фыркнул.

— У меня здесь есть электрическая печь, одна. Кипятильницы, покрытые кожухами, с мерным устройством, один комплект. Есть сковороды, шесть штук. А вот капеса нет. Я никогда даже не слышал о нем. Представления не имею, что это такое. — Он выразительно развел руками. — Нет у меня капеса!

— Но ведь должен же он где-то быть, — втолковывал ему Макнаут. — Если Кэссиди обнаружит, что капес пропал, поднимется черт знает какой тарарам!

— А вы его сами поищите, — язвительно посоветовал Бланшар.

— Послушай, Жан, у тебя диплом Кулинарной школы Международной ассоциации отелей, у тебя свидетельство Колледжа поваров Кордон Бле; наконец, ты награжден почетным дипломом с тремя похвальными отзывами Центра питания космического флота, — напомнил ему Макнаут. — И как же ты не знаешь, где у тебя капес!

— Черт возьми! — завопил Бланшар, всплеснув руками. — Сотый раз повторяю, что у меня нет никакого капеса. И никогда не было. Сам Эскуафье не смог бы его найти, так как в моем камбузе никакого капеса нет. Что я, волшебник, что ли?

— Этот капес — часть кухонного имущества, — стоял на своем Макнаут. — И он должен быть где-то, потому что он упоминается на девятой странице инвентарного списка камбуза. А это означает, что ему надлежит находиться здесь и что лицом, ответственным за его хранение, является шеф-повар.

— Черта с два! Усилитель внутренней связи, он что, тоже мой? — огрызнулся Бланшар, указывая на металлический ящик в углу под потолком.

Макнаут немного подумал и ответил примирительно:
— Нет, это имущество Бурмана. Его хозяйство расплодилось по всему кораблю.

— Вот и спросите его, куда он дел свой проклятый капес! — заявил Бланшар с нескрываемым триумфом.

— Я так и сделаю. Если капес не твой, он должен принадлежать Бурману. Давай только сначала разделаемся с кухней. Если Кэссиди не заметит в хранении системы и тщательности, он разжалует меня в рядовые. — Капитан опять уткнулся в список. — В-1099. Ошейник собачий с надписью, кожаный, с бронзовыми бляхами, один. Можешь не искать его, Жан. Я только что видел его на собаке. — Макнаут поставил аккуратную птичку около ошейника и продолжал: — В-1100. Корзина для собаки, плетеная, из прутьев, одна.

— Вот она, — сказал повар, пинком отшвыривая ее в угол.

— В-1101. Подушка из пенорезины, комплект с корзиной, одна.

— Половина подушки, — поправил его Бланшар. — За четыре года Пизлейк изжевал вторую половину.

— Может быть, Кэссиди позволит нам выписать со склада новую. Ну ладно, это не имеет значения. Пока налицо хотя бы половина, все в порядке. — Макнаут встал и закрыл палку. — Итак, с кухней покончено. Пойду поговорю с Бурманом насчет исчезнувшего табельного имущества.

Бурман выключил приемник УВЧ, снял наушники и вопросительно посмотрел на капитана.

— При осмотре камбуза выявилась недостача одного капеса, — объяснил Макнаут. — Как ты думаешь, где он может быть?

— Откуда мне знать? Камбуз — царство Бланшара.

— Не совсем так. Твои кабели проходят через камбуз.

Там у тебя два конечных приемника, автоматический переключатель и усилитель внутренней связи. Так где же находится капес?

— В первый раз о нем слышу, — озадаченно проговорил Бурман.

— Перестань болтать глупости! — заорал Макнаут, теряя всяческое терпение. — Хватит с меня бредней Бланшара! Четыре года назад у нас был капес, это точно. Загляни в инвентарные списки! Это — корабельная копия списка, все имущество проверено, и под этим стоит моя подпись. Значит, расписались и за капес. Поэтому он должен где-то быть, и его надо найти до приезда Кэссиди.

— Очень жаль, сэр, — выразил свое сочувствие Бурман, — но я ничем не могу вам помочь.

— Подумай еще, — посоветовал Макнаут. — В носу расположен указатель направления и расстояния. Как вы его называете?

— Напрас, — ответил Бурман, не понимая, куда клонит хитрый капитан.

— А как ты называешь вот эту штуку? — продолжал Макнаут, указывая на пульсовый передатчик.

— Пуль-пуль.

— Ребячьи словечки, а? Напрас и пуль-пуль. А теперь напряги свои извилины и вспомни, как назывался капес четыре года назад!

— Насколько мне известно, — ответил Бурман, подумав, — у нас никогда не было ничего похожего на капес.

— Тогда, — спросил Макнаут, — почему мы за него расписались?

— Я не расписывался. Это вы везде расписывались.

— Да, в то время как все вы проверяли наличие. Четыре года назад, очевидно в камбузе, я произнес: «Капес, один», и кто-то из вас, ты или Бланшар, ответил: «Есть». Я поверил вам на слово. Ведь мне приходится верить начальникам служб. Я специалист по штурманскому делу, знаком со всеми навигационными приборами, а других не

знаю. Значит, мне пришлось положиться на слова кого-то, кто знал или должен был знать, что такое капес.

Внезапно Бурмана осенила превосходная мысль.

— Послушайте, когда производилось переоборудование корабля, множество самых разнообразных приборов и устройств было рассовано по коридорам, около главного входного люка и в кухне. Помните, сколько оборудования мы рассортировали, чтобы установить его в надлежащих местах? Этот самый капес может оказаться теперь где угодно, совсем не обязательно у меня или Бланшара.

— Я поговорю с другими офицерами, — согласился Макнаут. — Он может быть у Грегори, Уорта, Сандерсона или еще у кого-нибудь. Как бы то ни было, а капес должен быть найден. Или, если он отслужил положенный срок и пришел в негодность, об этом должен быть составлен соответствующий акт.

Капитан вышел. Бурман состроил вслед ему гримасу, надел на голову наушники и стал опять копать в радиоприемнике. Примерно через час Макнаут вернулся с хмурым лицом.

— Несомненно, на борту корабля нет такого прибора, — заявил он с заметным раздражением. — Никто о нем не слышал, мало того, никто не может даже предположить, что это такое.

— А вы вычеркните его из инвентарных списков и доложите о его исчезновении, — предложил Бурман.

— Это когда мы находимся в космопорту? Ты знаешь не хуже меня, что обо всех случаях утраты или повреждения казенного имущества докладывают на базу тотчас после происшествия. Если я скажу Кэссиди, что капес был утрачен, когда корабль находился в полете, он сейчас же захочет узнать, где, когда и при каких обстоятельствах это произошло и почему о случившемся не информировали базу. Представь себе, какой будет скандал, если вдруг выяснится, что эта штука стоит полмиллиона. Нет, я не могу так просто избавиться от этого капеса,

— Что же тогда делать? — простодушно спросил Бурман, шагнув прямо в ловушку, поставленную изобретательным капитаном.

— Нам остается только одно! — объявил Макнаут. — Ты должен изготовить капес!

— Кто, я? — испуганно спросил Бурман.

— Ты — и никто другой! Тем более что я почти уверен, что капес — это твое имущество.

— Почему вы так думаете?

— Потому что это типично детское словечко из числа тех, о которых ты мне уже говорил. Готов поспорить на месячный оклад, что капес — это какая-нибудь высоконаучная аламагуса. Может быть, он имеет отношение к туману. Скажем, прибор слепой посадки.

— Прибор слепой посадки называется щупак, — проинформировал капитана радиоофицер.

— Вот видишь! — воскликнул Макнаут, как будто слова Бурмана подтвердили его теорию. — Так что принимайся за работу и состряпай хороший капес. Он должен быть готов завтра к шести часам вечера и доставлен ко мне в каюту для осмотра. И позаботься о том, чтобы капес выглядел убедительно, более того, приятно. То есть я хочу сказать, чтобы он выглядел убедительно в момент работы.

Бурман встал, уронил руки и сказал хриплым голосом:

— Как я могу изготовить капес, когда даже не знаю, как он выглядит?

— Кэссиди тоже не знает этого, — напомнил ему Макнаут с радостной улыбкой. — Он интересуется скорее количеством, чем другими вопросами. Поэтому он считает предметы, смотрит на них, удостоверяет их наличие, соглашается с экспертами относительно степени их изношенности. Нам нужно всего-навсего состряпать убедительную аламагусу и сказать адмиралу, что это и есть капес.

— Святой Моисей! — проникновенно воскликнул Бурман.

— Давай не будем полагаться на сомнительную помощь библейских персонажей, — упрекнул его Макнаут. — Лучше воспользуемся серыми клетками, которыми нас наделил господь бог. Берись сейчас же за свой паяльник и состряпай к завтрашнему дню первоклассный капес. Это приказ!

Капитан отбыл, страшно довольный собой. Бурман, оставшись один в своей каюте, тусклым взглядом вперился в стену и тяжело вздохнул.

Контр-адмирал Вэйн У. Кэссиди прибыл точно в указанное радиограммой время. Это был краснолицый человек с брюшком и глазами снулой рыбы. Он не ходил, а выступал.

— Здравствуйте, капитан, я уверен, что у вас все в полном порядке.

— Как всегда, — заверил его Макнаут, не моргнув глазом. — Это мой долг. — В его голосе звучала непоколебимая уверенность.

— Отлично! — с одобрением отозвался Кэссиди. — Мне нравятся офицеры, серьезно относящиеся к своим хозяйственным обязанностям. К сожалению, некоторые не принадлежат к их числу.

Адмирал торжественно взшел по трапу и прошествовал через главный люк внутрь корабля. Его рыбы глаза сейчас же обратили внимание на свежеекрашенную поверхность.

— С чего вы предпочитаете начать осмотр, капитан, с носа или с кормы?

— Инвентарные списки начинаются с носа и идут к корме, сэр. Поэтому лучше начать с носа, это упростит дело.

— Отлично. — И адмирал, повернувшись, торжественно зашагал к носу. По дороге он остановился потрепать по шее Пизлейка и попутно глянул на ошейник. — Хорошо

ухоженная собака, капитан. Она приносит пользу на корабле?

— Пизлейк спас жизнь пяти членам экипажа на Мардии: он лаем дал сигнал тревоги, сэр.

— Я надеюсь, детали этого происшествия занесены в бортовой журнал?

— Так точно, сэр! Бортовой журнал находится в штурманской рубке в ожидании вашего осмотра.

— Мы проверим его в надлежащее время.

Войдя в носовую рубку, Кэссиди расположился в кресле первого пилота, взял протянутую капитаном папку и начал проверку.

— К-1. Компас направленного действия, тип Д, один.

— Вот он, сэр, — сказал Макнаут, указывая на компас.

— Удовлетворены его работой?

— Так точно, сэр!

Инспекция продолжалась. Адмирал проверил оборудование в рубке внутренней связи, вычислительной рубке и других местах и добрался наконец до камбуза. У плиты в отутюженном ослепительно белом халате стоял Бланшар и смотрел на адмирала с нескрываемым подозрением.

— В-147. Электрическая печь, одна.

— Вот она, — сказал повар, презрительно ткнув пальцем в плиту.

— Довольны ее работой? — спросил Кэссиди, глядя на повара рыбьими глазами.

— Слишком мала, — объявил Бланшар. Он развел руками, как бы охватывая весь камбуз. — Все слишком маленькое. Мало места. Негде повернуться. Этот камбуз похож скорее на чердак в собачьей конуре.

— Это — военный корабль, а не пассажирский лайнер, — огрызнулся Кэссиди. Нахмурившись, он заглянул в инвентарный список. — В-148. Автоматические часы и электрическая печь в единой установке, один комплект.

— Вот они, — фыркнул Бланшар, готовый выбросить

их через ближайший иллюминатор, если, конечно, Кэссиди беретса оплатить их стоимость.

Адмирал продвигался все дальше и дальше, приближаясь к концу списка, и нервное напряжение в кухне постепенно нарастало. Наконец Кэссиди произнес роковую фразу:

— В-1098. Капес, один.

— Черт побери! — в сердцах крикнул Бланшар. — Я уже говорил тысячу раз и снова повторяю, что...

— Капес находится в радиорубке, сэр, — поспешно вставил Макнаут.

— Вот как? — Кэссиди еще раз взглянул в список. — Тогда почему он числится в кухонном оборудовании?

— Во время последнего ремонта капес помещался в камбузе, сэр. Это один из портативных приборов, которые можно установить там, где для них находится местечко.

— Хм! Тогда он должен быть занесен в инвентарный список радиорубки. Почему это не сделано?

— Я хотел получить ваше указание, сэр.

Рыбьи глазки немного оживились, в них промелькнуло одобрение.

— Да, пожалуй, вы правы, капитан. Я сам перенесу капес в другой список. — Адмирал собственноручно вычеркнул прибор из списка номер девять, расписался, внес его в список номер шестнадцать и снова расписался. — Продолжим, капитан. В-1099. Ошейник с надписью, кожаный, с бронзо... Ну ладно, я сам только что видел его. Он был на собаке.

Адмирал поставил галочку возле ошейника. Через час он прошествовал в радиорубку. В середине ее стоял, расправив плечи, Бурман. Несмотря на то, что поза у него была решительной, руки и ноги его мелко дрожали, а выпученные глаза неотступно следовали за Макнаутом. В них читалась немая мольба. Бурман был как на угольях.

— В-1098. Капес, один, — произнес Кэссиди голосом, не терпящим возражения.

Двигаясь с угловатостью плохо отрегулированного робота, Бурман дотронулся до небольшого ящичка с многочисленными шкалами, переключателями и цветными лампочками. По внешнему виду прибор напоминал соковыжималку, созданную радиолюбителем. Радиоофицер щелкнул двумя переключателями. Цветные лампочки ожили и заиграли разнообразными комбинациями огней.

— Вот он, сэр, — с трудом произнес Бурман.

— Aга! — прокаркал Кэссиди и нагнулся к прибору, чтобы рассмотреть его получше. — Что-то я не помню такого прибора. Впрочем, за последнее время наука идет вперед такими шагами, что всего не упомнишь. Он функционирует нормально?

— Так точно, сэр!

— Это один из наиболее нужных приборов на корабле, — прибавил Макнаут для пущей убедительности.

— Каково же его назначение? — спросил адмирал, давая возможность радиоофицеру метнуть перед ним бисер мудрости.

Бурман побледнел.

Макнаут поспешил к нему на помощь.

— Видите ли, адмирал, подробное объяснение потребует слишком много времени, так как прибор исключительно сложен, но вкратце — капес позволяет установить надлежащий баланс между противоположными гравитационными полями. Различные сочетания цветных огней указывают на степень и интенсивность разбалансировки гравитационных полей в любой заданный момент.

— Это очень тонкий прибор, основанный на константе Финагле, — добавил Бурман, внезапно исполнившись отчаянной смелости.

— Понимаю, — кивнул Кэссиди, не поняв ни единого слова. Он устроился поудобнее в кресле, поставил галочку около капеса и продолжил инвентаризацию. — Ц-44. Коммутатор, автоматический, на 40 номеров внутренней связи, один.

— Вот он, сэр.

Адмирал взглянул на коммутатор и опять углубился в список. Офицеры воспользовались этим мгновением, чтобы вытереть пот с лица.

Итак, победа одержана.

Все в порядке.

Контр-адмирал отбыл с к. к. «Бастлер» довольный, наговорив в адрес капитана кучу комплиментов. Не прошло и часа, как вся команда уже снова была в городе, наверстывая потерянное время. Макнаут наслаждался веселыми городскими огнями по очереди с Грегори. В течение следующих пяти дней мир и покой царили на корабле.

На шестой день Бурман принес радиограмму в каюту командира, положил ее на стол и остановился, ожидая реакции Макнаута. Лицо радиоофицера было довольным, как у человека, чью добродетель вознаградили по заслугам.

ШТАБ-КВАРТИРА КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА
НА ЗЕМЛЕ БАСТЛЕРУ ТЧК ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ
НЕМЕДЛЕННО ДЛЯ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА
ПЕРЕОБОРУДОВАНИЯ ТЧК БУДЕТ УСТАНОВЛЕН
НОВЕЙШИЙ ДВИГАТЕЛЬ ТЧК ФЕЛДМАН
УПРАВЛЕНИЕ КОСМИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ
СИРИСЕКТОР

— Назад на Землю, — прокомментировал Макнаут со счастливым лицом. — Капремонт — это по крайней мере месяц отпуска. — Он посмотрел на радиоофицера. — Передай дежурному офицеру мое приказание: немедленно вернуть весь личный состав на борт. Когда узнают причину вызова, они побегут сломя голову.

— Так точно, сэр, — ухмыльнулся Бурман.

Спустя две недели, когда Сирипорт остался далеко позади, а Солнце уже виднелось как крошечная звездочка в

носовом секторе звездного неба, команда еще продолжала улыбаться. Предстояло одиннадцать недель полета, но на этот раз стоило подождать. Летим домой! Ура!

Улыбки исчезли, когда однажды вечером Бурман принес неприятное известие. Он вошел в рубку и остановился посреди комнаты, кусая нижнюю губу в ожидании, когда капитан кончит запись в бортовом журнале.

Наконец Макнаут отложил журнал в сторону, поднял глаза и, увидев Бурмана, нахмурился.

— Что случилось? Живот болит?

— Никак нет, сэр. Я просто думал.

— А что, это так болезненно?

— Я думал, — продолжал Бурман похоронным голосом. — Мы возвращаемся на Землю для капитального ремонта. Вы понимаете, что это значит? Мы уйдем с корабля, и орда экспертов оккупирует его. — Он бросил трагический взгляд на капитана. — Я сказал — экспертов.

— Конечно, экспертов, — согласился Макнаут. — Оборудование не может быть установлено и проверено группой крейзинов.

— Потребуется нечто большее, чем знания и квалификация, чтобы установить и отрегулировать наш капес, — напомнил Бурман. — Для этого нужно быть гением.

Макнаут откинулся назад, как будто к его носу поднесли головешку.

— Боже мой! Я совсем забыл об этой штуке. Да, когда мы вернемся на Землю, вряд ли нам удастся потрясти этих парней своими научными достижениями.

— Нет, сэр, не удастся, — подтвердил Бурман. Он не прибавил слова «больше», но все его лицо красноречиво говорило: «Ты сам впутал меня в эту грязную историю. Теперь сам и выручай».

Он подождал несколько секунд, пока Макнаут что-то лихорадочно обдумывал, затем спросил:

— Так что вы предлагаете, сэр?

Внезапно лицо капитана расплылось в улыбке, и он от-

ветил:

— Разбери этот дьявольский прибор и брось его в дезинтегратор.

— Это не решит проблемы, сэр. Все равно у нас не будет хватать одного капеса.

— Ничего подобного. Я собираюсь сообщить на Землю о его выходе из строя в трудных условиях космического полета. — Он выразительно подмигнул Бурману. — Ведь теперь мы в свободном полете, верно? — С этими словами он потянулся к блокноту радиограмм и начал писать, не замечая ликующего выражения на лице Бурмана:

К. К. БАСТЛЕР ШТАБУ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА
НА ЗЕМЛЕ ТЧК ПРИБОР В-1098 КАПЕС ОДИН
РАСПАЛСЯ НА СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ПОД МОЩНЫМ
ГРАВИТАЦИОННЫМ ДАВЛЕНИЕМ ВО ВРЕМЯ
ПРОХОЖДЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПОЛЕ ДВОЙНЫХ СОЛНЦ
ГЕКТОР МЕЙДЖОР МАЙНОР ТЧК МАТЕРИАЛ БЫЛ
ИСПОЛЬЗОВАН КАК ТОПЛИВО ДЛЯ РЕАКТОРА ТЧК
ПРОСИМ СПИСАТЬ ТЧК МАКНАУТ КОМАНДИР
БАСТЛЕРА

Бурман выбежал из капитанской рубки и немедленно радировал послание на Землю. Два дня прошли в полном спокойствии. На третий день он снова вошел к капитану с озабоченным и встревоженным видом.

— Циркулярная радиограмма, сэр, — объявил он, протягивая листок.

ШТАБ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ
ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ВО ВСЕ СЕКТОРА ТЧК
ВСЕМА СРОЧНО ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ
ВАЖНОСТИ ТЧК ВСЕМ КОРАБЛЯМ НЕМЕДЛЕННО
ПРИЗЕМЛИТЬСЯ БЛИЖАЙШИХ КОСМОПОРТАХ ТЧК
НЕ ВЗЛЕТАТЬ ДО ДАЛЬНЕЙШИХ УКАЗАНИЙ ТЧК
УЭЛЛИНГ КОМАНДИР СПАСАТЕЛЬНОЙ СЛУЖБЫ
ЗЕМЛИ

— Что-то случилось, — заметил Макнаут, впрочем, ничуть не обеспокоенный. Он поплелся в штурманскую рубку, Бурман за ним. Там он сверился с картами и набрал номер внутреннего телефона. Связавшись с Пайком, капитан сказал:

— Слушай, Пайк, принят сигнал тревоги. Всем кораблям немедленно вернуться в ближайшие космопорты. Нам придется сесть в Закстедпорте, примерно в трех летних днях отсюда. Немедленно измени курс, семнадцать градусов на правый борт, наклонение десять. — Он бросил трубку и проворчал. — Мне никогда не нравился Закстедпорт. Вонючая дыра. Пропал наш месячный отпуск. Представляю, какое настроение будет у команды. Впрочем, не могу винить их в этом.

— Как вы думаете, сэр, что случилось? — спросил Бурман. Он выглядел каким-то беспокойным и раздраженным.

— Одному богу известно. Последний раз циркулярная радиограмма была послана семь лет назад, когда «Старейдер» взорвался на полпути между Землей и Марсом. Штаб приказал всем кораблям оставаться в портах, пока не будет выяснена причина катастрофы. — Макнаут потер подбородок, подумал немного и продолжал: — А за год до этого была послана циркулярная радиограмма, когда вся команда к. к. «Блоуган» сошла с ума. В общем, что бы то ни было, это серьезно.

— Это не может быть началом космической войны?

— С кем? — Макнаут презрительно махнул рукой. — Ни у кого нет флота, равного нашему. Нет, это что-то техническое. Рано или поздно нам сообщат причину. Еще до того, как мы сядем в Закстедте.

Действительно, скоро им сообщили. Уже через шесть часов Бурман ворвался в капитанскую рубку с лицом, искаженным от ужаса.

— Ну, а теперь что случилось? — спросил Макнаут, сердито глядя на взволнованного радиоофицера.

— Это капес, — едва выговорил Бурман. Его руки конвульсивно дергались, как будто он сметал невидимых пауков.

— Ну и что?

— Это была опечатка. В инвентарном списке должно было быть написано «каз. пес».

Капитан продолжал смотреть на Бурмана непонимающим взглядом.

— Каз. пес? — переспросил он.

— Смотрите сами! — С этими словами Бурман бросил радиogramму на стол и стремительно выскочил из радиорубки, позабыв закрыть дверь. Макнаут недовольно хмыкнул и уставился на радиogramму:

ШТАБ КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ
БАСТЛЕРУ ТЧК ОТНОСИТЕЛЬНО ВАШЕГО РАПОРТА
ГИБЕЛИ В-1098 КАЗЕННОГО ПСА ПИЗЛЕЙКА ТЧК
НЕМЕДЛЕННО РАДИРУЙТЕ ВСЕ ПОДРОБНОСТИ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРИ КОТОРЫХ ЖИВОТНОЕ
РАСПАЛОСЬ НА СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ
ПОД МОЩНЫМ ГРАВИТАЦИОННЫМ ДАВЛЕНИЕМ ТЧК
ОПРОСИТЕ КОМАНДУ И РАДИРУЙТЕ СИМПТОМЫ
ПОЯВИВШИЕСЯ ЧЛЕНОВ ЭКИПАЖА МОМЕНТ
НЕСЧАСТЬЯ ТЧК ВЕСЬМА СРОЧНО КРАЙНЕ
ВАЖНО УЭЛЛИНГ СПАСАТЕЛЬНАЯ СЛУЖБА
КОСМИЧЕСКОГО ФЛОТА НА ЗЕМЛЕ

Закрывшись в своей каюте, Макнаут начал грызть ногти. Время от времени он, скосив глаза, проверял, сколько осталось, и продолжал грызть.

Все в корабле жужжало, завывало, брэнчало. Нота была низкая, она напоминала звучание большой трубы органа. Она стонала в обшивке корпуса, рыдала в шпангоутах, билась в костях и нервах, ударяла в усталые уши, и не слышать ее было невозможно. Во всяком случае, через неделю, месяц или год. И уж тем более спустя без малого четыре года.

Способа избавиться от шума не было. Он был неизбежен и неустрашим, когда в цилиндр из металла с высокой звукопроводимостью втискивали атомный двигатель.

В первом корабле скрежетание было на сто герц выше, минута за минутой, час за часом — и корабль так и не вернулся. Наверно, еще и теперь, через тридцать лет, он по-прежнему завывает, никем не слышимый, в бесконечных пустынях космоса.

Во втором корабле двигательный отсек был обит толстым слоем войлока, а у дюз было кремниевое покрытие. Низкий звук. Гудение пчелы, усиленное в двадцать тысяч раз. Пчела так и не вернулась в свой улей: восемнадцать лет назад она вылетела в звездное поле и теперь слепо неслась в новую сотню, тысячу или десять тысяч лет.

А третий корабль, сотрясаясь от грохота, летел назад — домой. Нащупывая дорогу к еще невидимой красноватой точке, затерянной в тумане звезд, он, как заблудшая душа, ищущая спасения, был исполнен решимости не погибнуть. Третий по счету — должно же это что-нибудь значить!

У моряков есть свои морские суеверия. У космонавтов — свои космические. В капитанской кабине, где Кинрад сидел, склонившись над бортовым журналом, суеверие воплотилось в плакатик:

| ТРИ — СЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО |

Они верили в это на старте, когда их было девять. Они готовы были верить в это и на финише, хотя теперь их осталось всего шестеро. Но в промежутке были — и могли снова повториться — мгновения горького неверия, когда любой ценой, если потребуется, даже ценою жизни, людям хотелось выбраться с корабля — и провались в преисподнюю весь этот полет! Жестокие мгновения, когда люди, силясь избавиться от мучащих их аудио-, клаустро- и полудюжины других фобий, затевали драки со своими товарищами.

Кинрад писал, а около левой его руки поблескивала вороненая сталь пистолета. Глаза смотрели в бортовой журнал, уши вслушивались в грохот. Шум мог ослабеть, стать прерывистым, прекратиться совсем — и благословение тишины одновременно было бы проклятьем. В наступившем безмолвии могли послышаться совершенно иные звуки — ругательства, выстрелы, крики. Такое уже случилось однажды, когда спятил Вейгарт. Такое могло случиться снова.

Да и у самого Кинрада нервы оставляли желать лучшего: когда неожиданно вошел Бертелли, капитан вздрогнул, а его левая рука инстинктивно дернулась к пистолету. Однако он моментально овладел собой и, повернувшись на вращающемся сиденье, взглянул прямо в печальные серые глаза вошедшего.

— Ну как, появилось?

Вопрос вызвал у Бертелли недоумение. Удлиненное грустное лицо с впалыми щеками еще больше вытянулось. Углы большого рта опустились. Печальные глаза приняли безнадежно-остолбенелое выражение. Он был удивлен и растерян.

Кинрад решил уточнить:

— Солнце на экране видно?

— Солнце?..

Похожие на морковки пальцы рук Бертелли судорожно сплелись.

— Да, наше Солнце, идиот!

— А, Солнце! — наконец-то он понял, и его глаза расширились от восторга. — Я никого не спрашивал.

— А я подумал, вы пришли сказать, что они его увидели.

— Нет, капитан. Просто у меня мелькнула мысль: не могу ли я чем-нибудь вам помочь?

Обычное уныние сменилось на его лице улыбкой простака, горящего желанием услужить во что бы то ни стало. Углы рта поднялись вверх и раздвинулись в стороны — так далеко, что уши оттопырились больше прежнего, а лицо приобрело сходство с разрезанной дыней.

— Спасибо, — немного смягчившись, сказал Кинрад. — Пока не надо.

Мучительное смущение овладело Бертелли с прежней силой. Лицо его молило о милосердии и прощении. Потоптавшись немного на своих огромных неуклюжих ногах, он вышел, поскользнулся на стальном полу узкого коридора и только в самый последний момент, грохоча тяжелыми ботинками, каким-то чудом восстановил равновесие. Не было случая, чтобы кто-нибудь другой поскользнулся на этом месте, но с Бертелли это происходило всегда.

Внезапно Кинрад поймал себя на том, что улыбается, и поспешил сменить выражение лица на озабоченно-хмурое. В сотый раз пробежал он глазами список членов экипажа, но нового почерпнул из него не больше, чем в девятости девяти предшествовавших случаях. Маленький столбик, в котором три имени из девяти вычеркнуты. И та же самая строчка в середине списка: Энрико Бертелли, тридцати двух лет, психолог.

Это последнее не вязалось ни с чем. Если Бертелли психолог или вообще имеет хоть какое-нибудь отношение к науке, тогда он, Роберт Кинрад, — голубой жираф. Почти четыре года провели они взаперти в этом стонущем цилиндре — шесть человек, отобранных из всего огромного человечества, шестеро, которых считали солью Земли, слив-

ками рода человеческого. Но эти шестеро были пятеро плюс дурак.

Здесь скрывалась какая-то загадка. Он размышлял над ней в те минуты, когда мог позволить себе забыть о более серьезных делах. Загадка манила его, заставляла снова и снова рисовать в воображении Бертелли, начиная с его печальных глаз и кончая большими плоскими ступнями. В редкие минуты раздумий он обнаруживал, что снова и снова пытается (совершенно безрезультатно) разобраться в Бертелли, понять, чем тот живет, — пытается, сосредоточивая на нем все мысли и забывая на время об остальных.

Кинрад не упускал случая понаблюдать за ним, неизменно испытывая при этом изумление перед фактом такого умственного убожества — тем более у ученого, специалиста. Наблюдение за Бертелли так захватывало его, что ему даже в голову не приходило понаблюдать за другими и посмотреть, не заняты ли они тем же, чем и он, по тем же или очень похожим причинам.

Когда Кинрад пошел на ленч, Марсден нес вахту у приборов управления, а Вейл — в двигательном отсеке. Остальные трое уже сидели в тесной столовой. Он кивнул им и сел на свое место.

Большой белокурый Нильсен, инженер-атомщик, которому по совместительству пришлось стать ботаником, сказал, смерив его скептическим взглядом:

- Солнца нет.
- Знаю.
- А должно быть.

Кинрад пожал плечами.

- Но его все нет, — не отставал Нильсен.
- Знаю.
- Ну и как, вас это трогает?

— Не валяйте дурака, — и, надорвав пакет с ленчем, Кинрад высыпал содержимое в пластмассовую тарелку с несколькими отделениями.

«Бамм, бамм, бамм», — грохотали пол, потолок, стены.
— Так я, по-вашему, дурака валяю?

Нильсен подался вперед, со злобным ожиданием уставившись на него.

— Давайте поедим, — предложил Арам, худой, черный, нервный космогеолог, сидевший около Нильсена. — И так тошно.

— Нечего зубы заговаривать. Я хочу знать... — снова начал Нильсен.

Он замолчал, потому что Бертелли, пробормотав: «Простите», потянулся перед его носом за солонкой, привинченной к другому концу стола.

Отвинтив ее, Бертелли с солонкой в руке плюхнулся вниз и чуть не свалился на пол. От изумления он вытаращил глаза, вскочил, поставил солонку, выдвинул сиденье вперед, сел снова, сбил солонку со стола. Вспыхнув от стыда, поднял ее с таким видом, будто это не солонка, а большое ведро, посолил пищу и, чтобы привинтить солонку на прежнее место, закрыл телом весь стол. Наконец привинтил ее и, подняв зад, сполз со стола на свое сиденье, но только на этот раз сел мимо. В конце концов он устроился на сиденье, разгладил невидимую салфетку и обвел присутствующих загнанным, виноватым взглядом.

Глубоко вздохнув, Нильсен спросил его:

— Вы уверены, что хорошо посолили?

Трудный вопрос поставил Бертелли в тупик. Он нашел глазами свою тарелку, внимательно оглядел ее содержимое.

— Пожалуй, хорошо, благодарю вас.

Перестав жевать, Нильсен поднял глаза и, встретившись взглядом с Кинрадом, спросил:

— Что такое есть в этом парне, чего нет в других?

Улыбаясь до ушей, Кинрад ответил:

— Сам бы хотел понять, пытаюсь уже давно, но все безуспешно.

Лицо Нильсена осветилось подобием улыбки, и он признался:

— Я тоже.

Бертелли молча, сосредоточенно ел. Жевал он, как всегда, высоко подняв локти, а его рука неуверенно искала рот, мимо которого было просто невозможно пронести ложку.

Дотронувшись до экрана кончиком карандаша, Марсден сказал:

— Вот эта, по-моему, розовая. Но, может, мне это только кажется.

Кинрад нагнулся и стал вглядываться в экран.

— Слишком маленькая, ничего пока сказать нельзя. Прямо с булавочную головку.

— Значит, зря я надеялся.

— Может, и не зря. Возможно, цветовая чувствительность ваших глаз выше моей.

— Давайте спросим нашего Сократа, — предложил Марсден.

Бертелли стал рассматривать едва заметную точку, то приближаясь к экрану, то удаляясь от него, заходя то с одной стороны, то с другой. Наконец он посмотрел на нее, скосив глаза.

— Это наверняка что-то другое, — сообщил он, явно радуясь сделанному им открытию, — потому что наше Солнце оранжево-красное.

— Цвет кажется розовым благодаря флуоресцентному покрытию экрана, — с раздражением объяснил Марсден. — Эта точка — розовая?

— Не разберу, — сокрушенно признал Бертелли.

— Ну и помощничек!

— Тут можно только гадать, она слишком далеко, — сказал Кинрад. — Одного желания здесь мало — придется подождать, пока мы не окажемся немного ближе.

— Я уже сыт по горло ожиданием, — с ненавистью глядя на экран, сказал Марсден.

— Но ведь мы возвращаемся домой, — напомнил Бертелли.

— Я знаю. Это и убивает меня.

— Вы не хотите вернуться? — недоумевающе спросил Бертелли.

— Слишком хочу, — и Марсден с досадой сунул карандаш в карман. — Я думал, обратный путь будет легче хотя бы потому, что это путь домой. Я ошибся. Я хочу зеленой травы, голубого неба и места, где можно свободно двигаться. Я не могу больше ждать.

— А я могу, — гордо сказал Бертелли. — Потому что надо. Если бы я не мог, я бы сошел с ума.

— Да ну? — Марсден окинул Бертелли ироническим взглядом, и его нахмуренное лицо начало понемногу проясняться. Наконец у него вырвался короткий смешок. — Сколько же времени вам бы для этого понадобилось?

Не переставая смеяться, он вышел из кабины управления и направился в столовую. Заворачивая за угол, он расхохотался.

— Что тут смешного? — удивленно спросил Бертелли.

Оторвав взгляд от экрана, Кинрад внимательно посмотрел на него.

— Как это получается, что каждый раз, когда кто-нибудь начинает...

— Да, капитан?

— Нет, ничего.

Корабль мчался вперед, сотрясаясь: все его части и детали издавали стон.

Появился Вейл — его вахта кончилась, он шел в столовую. Он был невысокого роста, широкий в плечах, с длинными сильными руками.

— Ну что?

— Мы не уверены, — и Кинрад показал на точку, сияющую среди множества ей подобных. — Марсден думает, что это оно и есть. Может быть, он прав, а может, и нет.

— Вы не знаете? — спросил Вейл, глядя на Кинрада и не обращая внимания на экран.

— Узнаем, когда придет время. Еще рановато.

— Запели по-новому?

— О чем это вы? — резко спросил Кинрад.

— Три дня назад вы говорили нам, что теперь Солнце может показаться на экране в любой момент. Это подняло нам дух — а мы в этом нуждались. Я не привык распускать нюни, но должен сознаться: что-нибудь в этом роде было мне нужно. — Он смерил Кинрада злым взглядом. — Чем радужней надежды, тем сильнее разочарование.

— А вот я не разочаровываюсь, — сказал Кинрад. — Плюс-минус три дня — пустячная погрешность, если учесть, что обратный путь длится два года.

— Да — если курс правильный. А у меня нет в этом уверенности.

— То есть вы думаете, что я не в состоянии дать правильные координаты?

— Я думаю только, что даже лучшие из нас могут ошибаться, — упорствовал Вейл. — Разве первые два корабля не отправились к праотцам?

— Не из-за навигационных ошибок, — с глубокомысленным видом вставил Бертелли.

Скривившись, Вейл уставился на него:

— Вы-то что смыслите в космической навигации?

— Ничего, — признался Бертелли с гримасой человека, у которого удаляют зуб мудрости, и кивнул на Кинрада. — Но он смыслит.

— Да?

— Обратный маршрут был рассчитан покойным капитаном Сэндерсоном, — сказал Кинрад, лицо которого начала заливать краска. — Я проверял и перепроверял вычисления больше десяти раз, и Марсден тоже. Если вам этого мало, возьмите и проверьте их сами.

— Я не навигатор, — сердито сказал Вейл.

— Тогда закройте рот и помалкивайте, и пусть другие...

— Но я и не открывал его! — неожиданно возмутился вдруг Бертелли.

Переключившись на него, Кинрад спросил:

— Чего вы не открывали?

— Рта, — обиженно сказал Бертелли. — Не знаю, почему вы ко мне придираетесь. Все ко мне придираются.

— Вы ошибаетесь, — сказал Вейл. — Он...

— Вот видите, я ошибаюсь. Я всегда ошибаюсь. Я никогда не бываю прав.

Бертелли громко вздохнул и, тяжело переставляя свои огромные ноги, со страдальческим выражением побрел прочь.

Проводив его изумленным взглядом, Вейл сказал:

— Похоже на манию преследования. И такой, как он, считается психологом! Прямо смех.

Вейл приблизил лицо к экрану и начал внимательно его рассматривать.

— Которая, по мнению Марседена, Солнце?

— Вот эта, — показал Кинрад.

Вейл хищным взглядом вперился в светящуюся точку и наконец сказал:

— Ладно, будем надеяться, что он прав.

И вышел.

Кинрад сел и вперился в экран невидящий взгляд. Его занимала проблема, которая, может быть, имела смысл, а может быть, и не имела: когда наука становится искусством? Или наоборот — когда искусство становится наукой?

На следующий день свихнулся Арам. У него начался приступ «чарли», тот же синдром, который привел к гибели Вейгарта. У болезни этой было и медицинское название, но очень немногие люди его знали и еще меньше могли выговорить. В обиходе же ее стали называть «чарли» — после древней, почти забытой войны, когда, бывало, хвостовой стрелок большого военного самолета, или, как его называли, «Чарли-на-хвосте», слишком много думавший о тяжелом грузе бомб и тысячах галлонов высокооктанового горючего за своей кабиной, похожей на клетку попугая, вдруг начинал выть и биться о стены своей призрачной тюрьмы.

Все началось с эпизода, очень типичного для этой космической болезни. Арам сидел рядом с Нильсеном и спокойно ел, ковыряя вилкой в своей разделенной на отделения пластмассовой тарелке с таким видом, будто у него совсем нет аппетита. Внезапно, не сказав ни слова и не изменившись в лице, он оттолкнул тарелку, вскочил и бросился вон из столовой. Нильсен попытался было задержать его, но не сумел. Арам, как кролик, спасающий свою жизнь, пулей вылетел в коридор и помчался по проходу к люку. Нильсен последовал за ним, а за Нильсеном — Кинрад. Бертелли замер на месте, не донеся вилки до рта, уставившись пустым взглядом в стенку напротив, лоя своими большими ушами доносящиеся из прохода звуки.

Они схватили Арама в тот момент, когда он с лихорадочной поспешностью пытался повернуть винт люка не в ту сторону. Люк он все равно не успел бы открыть, даже если бы поворачивал винт правильно. Его тонкое лицо было бледным, и он задыхался от натуги.

Оказавшись рядом, Нильсен резко повернул его лицом к себе и ударил в челюсть. Удар был сильнее, чем могло показаться со стороны. Арам, маленький и щуплый, покатился и, потеряв сознание, мешком плюхнулся у передней двери прохода. Потирая костяшки пальцев, Нильсен проворчал что-то себе под нос и проверил, хорошо ли закручен винт. Потом он взял Арама за ноги, а Кинрад за плечи, и они отнесли его, провисшего между ними, на койку. Нильсен остался сторожить его, а Кинрад пошел за шприцем. Следующие двенадцать часов Араму предстояло проспять. Это было единственное известное средство для таких случаев — искусственно вызванный сон, дававший возможность взбудораженному мозгу отдохнуть, а взвинченным нервам успокоиться.

Когда они вернулись в столовую, Нильсен сказал Кинраду:

— Хорошо еще, что он не прихватил с собой пистолета.

Кинрад молча кивнул. Он знал, что тот имеет в виду. Вейгарт, готовясь бежать с корабля на пузыре воздуха к иллюзорной свободе, не хотел подпускать их к себе, угрожая пистолетом. Кинуться на него, не рискуя жизнью, они не могли, и им пришлось, отбросив всякую жалость, застрелить его, пока не поздно. Вейгарт погиб первым из экипажа, и случилось это всего через двадцать месяцев после старта.

Они не могли допустить новой потери. Впятером можно было вести корабль, контролировать его движение, совершить посадку. Пять — это был абсолютный минимум. Четверо были бы обречены остаться навечно в огромном металлическом гробу, слепо громыхающем среди звезд.

С этой проблемой была связана и другая, которой Кинрад так и не мог разрешить — во всяком случае, удовлетворительным для себя образом. Следует ли держать выходной люк запертым на замок, ключ к которому у одного капитана? Или же в случае внезапной аварии это могло бы дорого им обойтись? В чем больше риска — в безумной попытке к бегству со стороны одного или в препятствии к спасению всех?

А ну, к черту все, — сейчас они летят домой, а когда прилетят, он сдаст бортовой журнал с подробными записями, и пусть головы поумнее разбираются во всем сами. Это их обязанность, а его — обеспечить благополучное возвращение.

Кинрад перевел взгляд на Нильсена, увидел сосредоточенно-угрюмое выражение его лица и понял, что тот тоже думает о Вейгарте. Ученые и инженеры при всем своем высокоразвитом интеллекте в сущности такие же люди, как все. Несмотря на свои познания и умения, они не могут изолировать себя от остального человечества. Вне круга своих профессиональных интересов это обыкновенные люди с такими же заботами и переживаниями, что и у прочих. Они не могут думать только о своей специальности и позабыть обо всем остальном. Иногда они думают о других

людях, иногда о самих себе. Нильсен обладал высокоразвитым интеллектом, был умен и восприимчив — и тем больше было у него шансов свихнуться. Кинрад чувствовал, что уж Нильсен, если побежит к люку, прихватить с собой пистолет не забудет.

Вынести долгое заточение в огромном стальном цилиндре, по которому день за днем, час за часом без передышки молстит дюжина дьяволов, могли только более тупые, более толстокожие — такие, про кого говорят, что у них коровьи мозги. Тут тоже было над чем задуматься умным головам. Дураки терпеливей и выносливей всех прочих, зато от них мало толку; умники необходимы, чтобы управлять кораблем, зато у них больше шансов свихнуться — хотя бы временно, не насовсем.

Каков же итог? Ответ: идеальный экипаж космического корабля должен состоять из безнадежных тупиц с высоким интеллектом — качества явно взаимоисключающие.

Вдруг его осенило. Не в этом ли скрывается разгадка тайны Бертелли? Те, кто проектировал и строил корабль, а потом подбирали для него экипаж, были люди неслыханной хитрости и прозорливости. Нельзя поверить, чтобы они выбрали такого, как Бертелли, и им было наплевать, что из этого получится. Подбор был целенаправленным и тщательно обдумывался — на этот счет у Кинрада не было никаких сомнений. Быть может, потеря двух кораблей убедила их в том, что, набирая экипаж, следует быть менее строгим? А может, они включили Бертелли, чтобы посмотреть, как покажет себя в полете дурак?

Если это предположение правильно, то кое-чего они достигли — но немногого. Наверняка Бертелли спятит и побежит к люку последним. Однако с точки зрения технических знаний в его пользу нечего было сказать. Из того, что необходимо знать члену космического экипажа, он почти ничего не знал, да и то, что знал, перенял у других. Любое дело, которое ему поручали, оказывалось виртуозно исполненным. Более того: огромные неуклюжие лапы Бертелли,

лежащие на рычагах управления, представляли бы собой настоящую опасность.

Правда, его любили. В известном смысле он даже пользовался популярностью. Он играл на нескольких музыкальных инструментах, пел надтреснутым голосом, был хорошим мимом, с какой-то развинченностью отбивал четку. Когда раздражение, которое он сперва вызывал у них, прошло, Бертелли стал казаться им забавным и достойным жалости; чувствовать свое превосходство над ним было неловко, потому что трудно было представить себе человека, который бы этого превосходства не чувствовал.

«Когда корабль вернется на Землю, руководители пойдут: лучше, если на корабле нет дураков без технического образования», — не совсем уверенно решил Кинрад. Умные головы провели свой эксперимент, и из этого ничего не вышло. Ничего не вышло. Ничего не вышло... Чем больше Кинрад повторял это, тем меньше уверенности ощущал.

В столовую вошел Вейл.

— Я думал, вы уже минут десять как кончили.

— Все в порядке. — Нильсен встал, стряхнул крошки и жестом пригласил Вейла сесть на освободившееся место. — Ну, я пошел к двигателям.

Взяв тарелку и пакет с едой, Вейл сел; поглядев на Кинрада и Нильсена, спросил:

— Что случилось?

— У Арама «чарли», он в постели, — ответил Кинрад.

На лице Вейла не отразилось никаких эмоций. Он резко ткнул вилкой в тарелку и сказал:

— Солнце вывело бы его из этого состояния. Увидеть Солнце — вот что нужно нам всем.

— На свете миллионы солнц, — сказал Бертелли тоном человека, с готовностью предлагающего их все.

Поставив локти на стол, Вейл произнес резко и многозначительно:

— В том-то и дело!

Взгляд Бертелли выразил крайнее замешательство. Он стал беспокойно двигать тарелкой и нечаянно сбросил с нее вилку. Продолжая смотреть на Вейла, нащупал вилку, взял ее за зубцы, не глядя ткнул ручкой в тарелку, потом поднес ручку ко рту.

— А может быть, лучше другим концом? — спросил Вейл, с интересом наблюдая за ним. — Он острее.

Бертелли опустил глаза и стал внимательно рассматривать вилку, постепенно лицо его начало приобретать рассеянно-удивленное выражение. Он по-детски беспомощно развел руками и, одарив собеседников обычной для него извиняющейся улыбкой, одновременно, как бы между прочим, одним движением большого и указательного пальцев положил вилку ручкой к себе в ладонь.

Вейл не увидел этого движения, но Кинрад его заметил — и на миг у него появилось странное, трудно объяснимое чувство, что Бертелли допустил маленькую оплошность, крохотную ошибку, мимо которой могли пройти, не обратив на нее внимания.

Кинрад был уже в своей кабине, когда услышал по системе внутренней связи голос Марседена:

— Арам очнулся. Щека у него распухла, но сам он вроде бы поостыл. По-моему, снова колоть его не нужно — во всяком случае, пока.

— Пусть ходит, но будем за ним присматривать, — решил Кинрад. — Скажи Бертелли, чтобы держался к нему поближе, — хоть при деле будет.

— Хорошо.

Марседен помолчал, потом добавил, понизив голос:

— Что-то Вейл киснет в последнее время — вы заметили?

— По-моему, с ним все в порядке. Иногда нервничает, но не больше, чем все мы.

— Пожалуй.

Голос Марседена прозвучал так, словно ему хотелось добавить еще что-то; но ничего больше он не сказал.

Закончив в журнале последние записи за этот день, Кинрад посмотрел на себя в зеркало и решил, что повременит с бритьем еще немного — маленькая роскошь, которую он мог себе позволить. Процедуру эту он не любил, а отпустить бороду у него не хватало смелости. Разные люди — разные понятия.

Он откинулся в своем вращающемся кресле и задумался — сперва о планете, которая была для них домом, потом о людях, пославших в космос корабль, а потом о людях, летящих в нем вместе с ним. Они, шестеро, первые достигшие другой звезды, прошли подготовку, которая отнюдь не была односторонней. Трое из них (профессиональные космонавты) быстро, но основательно познакомились с какой-то областью науки, а трое других (ученые) прослушали курс атомной техники или космонавигации. Две специальности на каждого. Он подумал еще немного и исключил Бертелли.

Подготовка к полету этим не ограничилась. Лысый старикан, заведовавший желтым домом, с видом знатока наставлял их по части космического этикета. Каждый, объяснил он, будет знать только имя, возраст и специальность своих товарищей. Никто не должен расспрашивать других или пытаться хоть краем глаза заглянуть в их прошлое. Когда жизнь человека неизвестна, говорил он, труднее найти повод для иррациональной вражды, придирок и оскорблений. У «ненаполненных» личностей меньше оснований вступать в конфликт. Было сказано, что ни один из них не должен требовать откровенности от другого.

Таким образом, Кинрад не мог узнать, почему Вейл чрезмерно раздражителен, а Марсден — нетерпеливей остальных. Он не располагал данными о прошлом своих товарищей, которые помогли бы ему понять, почему Нильсен потенциально самый опасный, а Арам наименее устойчивый. И он не мог настаивать на том, чтобы Бертелли объяснил свое присутствие на корабле. До успешного завершения их миссии история каждого оставалась скрытой

за плотным занавесом, сквозь который лишь иногда можно было разглядеть что-то малозначительное.

Прожив бок о бок с ними почти четыре года, он теперь знал их так, как не знал никого, но все же не так, как узнает в один прекрасный день на зеленых лугах Земли, когда полет станет прошлым, табу будет снято и они смогут делиться воспоминаниями.

Он любил размышлять об этих вещах, потому что у него возникла одна идея, которую он по возвращении собирался предложить вниманию специалистов. Идея касалась отбывающих пожизненное заключение. Он не верил, что все преступники глупцы. Наверняка многие из них — умные люди с тонкой душевной организацией, которых что-то столкнуло с так называемого прямого пути. У некоторых из них, когда они оказывались запертыми в четырех стенах, начинался приступ «чарли», они пытались вырваться любой ценой, бросались с кулаками на надзирателя — все, все, что угодно, лишь бы бежать, — и результатом этого было одиночное заключение. Это все равно что лечить отравленного еще более сильной дозой отравившего его яда. Нельзя так, нельзя! Он был твердо убежден в этом. В Кинраде было что-то от реформатора.

На его рабочем столе всегда лежала составленная им, аккуратно написанная от руки программа профилактических мер для тех пожизненно осужденных, которым угрожает помешательство. Программой предусматривалось постоянное индивидуальное наблюдение и своевременное использование трудотерапии. Какова практическая ценность этой программы, Кинрад не знал, но выглядела она конструктивной. Это было его любимое детище. Пусть маситые пенологи¹ рассмотрят его и проверят на практике. Если он окажется стоящим (а Кинрад был склонен думать, что так оно и будет), их полет принесет миру пользу еще

---

* Пенолог — специалист в области пенологии, науки о наказаниях за правонарушения. — *Прим. перев.*

в одном, совершенно непредвиденном отношении. Ради одного этого стоило его предпринять.

Тут его мысли были прерваны неожиданным появлением Нильсена, Вейла и Марсдена. За ними стояли Арам и Бертелли. Кинрад выпрямился, не вставая, и проворчал:

— Замечательно! У пульта управления — ни души.

— Я включил автопилот, — сказал Марсен. — Он поддержит корабль на курсе четыре-пять часов, вы нам это сами говорили.

— Верно. — Он обвел их лица пристальным взглядом. — Ну, так что же означает эта мрачная депутация?

— Кончается четвертый день, — сказал Нильсен. — Скоро начнется пятый. А мы по-прежнему ищем Солнце.

— Ну и что?..

— Я не уверен, что вы знаете, куда мы летим.

— А я уверен.

— Это точно или вы морочите нам голову?

Поднявшись на ноги, Кинрад сказал:

— Хорошо, допустим, я признаюсь, что мы летим вслепую, что тогда вы сделаете?

— На этот вопрос ответить легко, — сказал Нильсен тоном человека, худшие опасения которого оправдываются. — Когда умер Сэндерсон, мы выбрали в капитаны вас. Мы можем отменить решение и выбрать другого.

— А потом?

— Полетим к ближайшей звезде и постараемся найти планету, на которой мы могли бы жить.

— Ближайшая звезда — Солнце.

— Да, если мы идем правильным курсом, — сказал Нильсен.

Выдвинув один из ящиков стола, Кинрад извлек оттуда большой свернутый в трубку лист бумаги и развернул его. Сетку мелких квадратиков, густо усыпанную крестиками и точками, пересекала пологая кривая — жирная черная линия.

— Вот обратный курс.— Он поочередно ткнул пальцем в несколько крестов и точек. — Непосредственно наблюдая эти тела, мы в любой момент можем сказать, правилен ли наш курс. Есть только одно, чего мы не знаем точно.

— Что же? — спросил Вейл, хмуро глядя на карту.

— Наша скорость. Ее можно измерить только с пятипроцентной погрешностью в ту или иную сторону. Я знаю, что наш курс правильный, но не знаю точно, сколько мы прошли. Вот почему мы ожидали увидеть Солнце четыре дня назад, а его все нет. Предупреждаю вас, что это может продлиться и десять дней

Четко выговаривая каждое слово, Нильсен сказал:

— Когда мы улетали с Земли, созвездия были сфотографированы. Мы только что накладывали на экран пленки — не сходится.

— Как же может сойтись? — в голосе Кинрада зазвучало раздражение. — Ведь мы не в той же точке. Обязательно будет периферическое смещение.

— Хотя мы и не получили настоящей штурманской подготовки, но кое-что все-таки сообщаем, — огрызнулся Нильсен. — Да, есть смещение. Но распространяется оно от центра, вовсе не совпадающего с розовой точкой, которая, по вашим словам, и есть Солнце. Центр этот — примерно на полпути между розовой точкой и левым краем экрана. — И, презрительно фыркнув, он добавил: — Интересно, что вы теперь скажете.

Кинрад тяжело вздохнул и провел пальцем по карте.

— Как видите, это кривая. Полет с Земли шел по сходной кривой, только выгнутой в противоположную сторону. Хвостовой фотообъектив сфокусирован по оси корабля. Пока мы были в нескольких тысячах миль от Земли, он был обращен в сторону Солнца, но чем дальше уходил корабль, тем больше отклонялась от этого направления его ось. Ко времени, когда мы пересекли орбиту Плутона, она указывала уже черт-те куда.

Всматриваясь в карту, Нильсен задумался, а потом спросил:

— Допустим, я вам поверю — сколько это может продлиться, самое большее?

— Я уже сказал — десять дней.

— Почти половина срока прошла. Подождем, пока не пройдет вторая.

— Спасибо! — с иронией сказал Кинрад.

— Тогда мы или убедимся, что видим Солнце, или назначим нового капитана и полетим к ближайшей звезде.

— Кому быть капитаном? Надо бросить жребий, — предложил стоявший сзади Бертелли. — Может, и мне удастся покомандовать кораблем!

— Сохрани нас бог! — воскликнул Марсен.

— Мы выберем того, кто подготовлен лучше остальных, — сказал Нильсен.

— Но ведь потому мы и выбрали Кинрада, — напомнил Бертелли.

— Возможно. А теперь выберем кого-нибудь другого.

— Тогда я настаиваю, чтобы рассмотрели и мою кандидатуру. Один дурак может все испортить не хуже другого.

— Ну, гусь свинье не товарищ, — поспешил сказать Нильсен, в глубине души чувствуя, что все его усилия Бертелли незаметно сводит на нет. — Вот когда вы двигаете ушами, тут мне за вами не угнаться.

Он посмотрел на остальных:

— Правильно я говорю?

Они закивали, улыбаясь.

Это не был триумф Нильсена. Это был триумф кого-то другого.

Просто потому, что они улыбались.

Вечером Бертелли устроил очередную пирушку. Поводом для нее опять послужил его день рождения. Каким-то образом он ухитрился отпраздновать за четыре года семь

дней рождения — и почему-то никто не счел нужным их посчитать. Но лучше не перегибать палку, и на этот раз он объявил, что выдвигает на пост капитана свою кандидатуру и поэтому хочет снискать расположение избирателей — повод не хуже любого другого.

Они навели в столовой порядок, как делали уже раз двадцать. Раскупорили бутылку джина, разлили поровну, с угрюмой сосредоточенностью выпили. Арам, как всегда, принялся посвистывать, имитируя птичье пение, и получил обычную порцию вежливых аплодисментов. Марсен прочитал наизусть какие-то стишки о карих глазах маленькой нищенки. К тому времени, когда он кончил, Нильсен оттаял достаточно, чтобы пропеть своим глубоким, звучным басом две песни. На этот раз он обновил репертуар и был вознагражден громкими аплодисментами.

Правда, не было Вейгарта с его фокусами. И в концерте не принимали участия Докинс и Сэндерсон. Но, предвкусывая выступление премьеры, крохотная горстка зрителей на время забыла об отсутствующих.

Премьер? Бертелли, кто же еще! Тут он был вне конкуренции, и именно поэтому к такому недотепе, как он, притерпелись, стали снисходительны и, быть может, даже прониклись любовью.

Когда они устроили пирушку по случаю посадки на незнакомую планету, он почти целый час играл на гобое и проделывал с ним штуки, в возможность которых никто из них раньше не поверил бы. Под конец он изобразил столкновение автомобилей — тревожные гудки, звук удара и яростную перебранку водителей. Нильсен тогда от смеха чуть не скатился со своего сиденья.

На обратном пути они без какого-либо особенного повода устроили еще две-три такие вечеринки. Бертелли вынул челюсти (отчего лицо его стало как резиновое) и начал показывать пантомиму. Руки его извивались как змеи. Он изображал моряка, который, сойдя на берег, ищет себе подругу. Находит, преследует, пытается завязать знакомство,

получает отпор, уговаривает, идет с ней на шоу, провожает домой, задерживается на пороге и зарабатывает синяк под глазом.

В следующий раз он сменил эту роль на противоположную — стал пухлой блондинкой, которую преследует жаждущий любви моряк. Без слов, но жестами, позами и мимикой, по выразительности равными речи или даже превосходящими ее, он показал те же события, завершившиеся оплеухой на крыльце ее дома.

На этот раз он изобразил застенчивого скульптора, валяющего из воображаемой глины статую Венеры Милосской. Создавая несуществующую фигуру, он робко гладил ее, нервно похлопывал, смущенно делал ее почти зримой. Он скатал два шара с пушечное ядро каждый, пришлепнул, зажмурился, ей на грудь, а потом скатал два крошечных шарика, стыдливо прилепил их к большим шарам и мягкими движениями пальцев придал им нужную форму.

Двадцать минут, наполненных весельем, потребовалось Бертелли, чтобы почти вылепить ее, после чего он вдруг заметался в тревоге: стал осматривать горизонт, выглянул за дверь, заглянул под стол, дабы убедиться, что он наедине со статуей. Наконец, успокоенный, но полный смущения, он робко шагнул к Венере, попятился, снова набрался смелости, опять ее лишился, еще раз исполнился отваги, которая затем, в критический момент, его снова покинула.

Вейл давал ему забористые советы, а Нильсен, откинувшись, держался за живот — у него от смеха ныла диафрагма. Собравшись наконец с духом, Бертелли метнулся к невидимой статуе, упал, зацепившись одной ногой за другую, и проехался лицом по стальным листам пола. Нильсен задыхался. Рассвирепев, Бертелли вскочил на ноги, закинул нижнюю губу на кончик своего носа, подвигал ушами, похожими на уши летучей мыши, зажмурил глаза, ткнул в статую пальцем — и у Венеры появился пупок.

В последующие дни, вспоминая пантомиму, они то и дело обводили руками в воздухе невидимые округлости или

тыкали друг друга пальцем в живот. Призрачная Венера веселила их до тех пор, пока не появилось, наконец, долгожданное Солнце.

К концу восьмого дня, во время очередной проверки, Марсден обнаружил, что при наложении одной из пленок на экран звезды на пленке, если принять за центр точку на два дюйма левее розового огонька, ставшего заметно ярче, совпадают со звездами на экране. Он издал вопль, услышав который, все бросились к нему, в носовую часть корабля.

Это действительно было Солнце. Они смотрели на него, облизывали пересохшие от волнения губы, смотрели снова. Когда ты закупорен в бутылке, четыре года в звездных просторах могут показаться за сорок. Один за другим заходили они в кабину Кинрада и, ликуя, перечитывали висящий на стене плакатик:

| ТРИ — СЧАСТЛИВОЕ ЧИСЛО |

Дух экипажа поднялся до небывалых высот. Дрожание и гудение корабля перестали казаться назойливыми — теперь они вселяли надежду.

Новое напряжение, совсем непохожее на то, что было раньше, скрутило в клубок их натянутые до предела нервы — слишком долго ждали они того, чему скоро предстояло свершиться. И наконец они услышали в приемнике чуть различимый голос Земли. Голос крепчал день ото дня — и вот он уже ревел из громкоговорителя, а передний иллюминатор закрыла половина планеты.

— С места, где я стою, я вижу океан лиц, обращенных к небу, — говорил диктор. — Не меньше полумиллиона людей собралось здесь в этот великий для человечества час. Теперь вы уже в любой момент можете услышать рев первого космического корабля, возвращающегося из полета к другой звезде. Нет слов, чтобы передать...

Хуже всего было сразу после приземления. Оглушительная музыка, гром приветствий. Рукопожатия, речи — и

позирование перед фоторепортерами, кинохроникой, телеобъективами, перед бесчисленным множеством любительских кинокамер.

Наконец все позади. Кинрад попрощался с экипажем. Рука его ощутила по-медвежьи мощную хватку Нильсена, мягкое и сердечное рукопожатие Арама, робкое, застенчивое прикосновение Бертелли.

Глядя в его печальные глаза, Кинрад сказал:

— Ну, теперь они как волки набросятся на все данные, которые мы для них собрали. Надеюсь, вы кончили свою книгу?

— Какую книгу?

— Ну-ну, меня не проведешь, — и он многозначительно подмигнул. — Вы ведь были на должности психолога, не так ли?

Ответа он ждать не стал. Забрав бортовые записи, он отправился в Управление.

Ничуть не изменившийся за четыре года, Бэнкрофт грузно уселся за свой стол и с виновато-иронической улыбкой сказал:

— Ты видишь перед собой толстяка, который радуется повышению по службе и прибавке к жалованью.

— Поздравляю.

Кинрад свалил на стол свою ношу и тоже сел.

— И то и другое я с удовольствием отдал бы за молодость и приключения.

Бэнкрофт бросил полный жадного любопытства взгляд на принесенное Кинрадом и продолжал:

— У меня к тебе куча вопросов, но я знаю, что ответы запрятаны где-то среди этих страниц, а ты сейчас, наверное, спешишь домой.

— За мной должен прийти вертолет — если продерется через эту толкотню в воздухе. У меня есть еще минут двадцать.

— Тогда я ими воспользуюсь, — и Бэнкрофт, вперив в

него испытующий взгляд, подался вперед. — Что ты можешь сказать о судьбе первых двух кораблей?

— Мы обыскали семь планет — ничего.

— Не садились, не разбивались?

— Нет.

— Значит, полетели дальше?

— Очевидно.

— Почему, как ты думаешь?

Кинрад заколебался, потом сказал:

— Это всего лишь мое предположение. Я думаю, они потеряли несколько человек — несчастные случаи, болезни и тому подобное. А оставшихся было слишком мало, чтобы управлять кораблем.

Он помолчал и добавил:

— Мы сами потеряли троих.

— Плохо, — помрачнел Бэнкрофт. — Кого именно?

— Вейгарта, Докинса и Сэндерсона. Вейгарт умер еще на пути с Земли. Так и не удалось ему увидеть новое солнце, не говоря уже о своем. Сам прочтешь — там все записано, — кивком головы он показал на бумаги. — Другие двое погибли на четвертой планете, которую я считаю непригодной для заселения людьми.

— Почему?

— Под ее поверхностью живут большие прожорливые существа. Слой почвы в шесть дюймов толщиной, а под ним — пустоты. Сэндерсон ходил, смотрел — и вдруг провалился прямо в красную мокрую пасть размером в четыре на десять футов, которая сразу его проглотила. Докинс бросился на выручку и провалился в другую — такую же. — Сжав переплетенные пальцы, он кончил: — Ничего нельзя было сделать — ничего.

— Жалко их, очень жалко. — Бэнкрофт грустно покачал головой. — А остальные планеты?

— Четыре непригодны. Две — как по заказу.

— Это уже что-то!

Бэнкрофт бросил взгляд на небольшие часы, стоявшие на его столе, и торопливо заговорил:

— Теперь о корабле. Твои докладные наверняка полны критических замечаний. Ничто не совершенно, даже лучшее из того, что нам удалось создать. Какой у него, по-твоему, самый главный недостаток?

— Шум. Он сводит с ума. Его необходимо устранить.

— Не совсем, — возразил Бэнкрофт. — Мертвая тишина вселяет ужас.

— Если не совсем, то хотя бы частично, до переносимого уровня. Поживи с ним недельку, тогда поймешь.

— Прямо скажу — не хотелось бы. Эта проблема решается, хотя и медленно. На испытательном стенде уже новый, не такой шумный тип двигателя. Сам понимаешь, прогресс — как-никак четыре года прошло.

— Это самое необходимое, — сказал Кинрад.

— А что ты скажешь об экипаже? — спросил Бэнкрофт.

— Лучшего еще не было.

— Так и мы думаем. В этот раз мы сняли с человечества сливки — на меньшее согласиться было нельзя. Ни один из них в своей области не знает себе равных.

— Бертелли тоже?

— Я знал, что ты о нем спросишь. — Бэнкрофт улыбнулся чему-то. — Хочешь, чтобы я рассказал?

— Я не могу настаивать, но, конечно, хотелось бы знать, зачем вы включили в экипаж балласт.

Бэнкрофт больше не улыбался.

— Мы потеряли два корабля. Один мог погибнуть случайно. Два не могли. Трудно поверить, чтобы столкновение с метеоритом или какое-нибудь другое событие вроде этого с вероятностью порядка один против миллиона могло произойти два раза подряд.

— Я тоже не верю.

— Мы потратили годы на изучение этой проблемы, — продолжал Бэнкрофт, — и каждый раз получали один и

тот же ответ: дело не в корабле, а только в людях. Проводить четырехлетний эксперимент на живых людях мы не хотели, и нам оставалось только размышлять и строить догадки. И вот однажды, чисто случайно, мы набрали на путь, ведущий к решению проблемы.

— Каким образом?

— Мы сидели здесь и, наверно, в сотый или двухсотый раз ломали голову над проклятой проблемой. Вдруг эти часы остановились, — и он показал на часы, стоявшие перед ним. — Парень по имени Уиттейкер с научно-исследовательской станции космической медицины завел их, встряхнул, и они пошли. И тут Уиттейкера осенило. — Взяв часы со стола, Бэнкрофт поднял заднюю крышку и показал собеседнику механизм. — Что ты видишь?

— Шестеренки и колесики.

— И больше ничего?

— Пару пружин.

— Ты уверен, что это все?

— Во всяком случае, все, что важно, — твердо ответил Кинрад.

— Так только кажется, — сказал Бэнкрофт. — Ты впал в ту же ошибку, в которую впали мы, когда снаряжали первые два корабля. Мы создавали огромные металлические часы, где шестеренками и колесиками были люди. Шестеренками и колесиками из плоти и крови, подобранными с такой же тщательностью, с какой подбирают детали к высокоточному хронометру. Но часы останавливались. Мы проглядели то, о чем внезапно догадался Уиттейкер.

— Что же это было?

— Немного смазки, — улыбнувшись сказал Бэнкрофт.

— Смазки? — выпрямившись в кресле, удивленно спросил Кинрад.

— Упущение наше было вполне понятно. Мы, люди техники, живущие в эру техники, склонны думать, будто мы — все человечество. Но это совсем не так. Возможно, мы составляем значительную его часть, но не более. Непре-

менной принадлежностью цивилизации являются и другие — домохозяйка, водитель такси, продавщица, почтальон, медсестра. Цивилизация была бы настоящим адом, если бы не было мясника, булочника, полицейского, а были бы только люди, нажимающие на кнопки компьютеров. Мы получили урок, в котором кое-кто из нас нуждался.

— Что-то в этом есть, — признал Кинрад, — хотя я не понимаю, что именно.

— Перед нами стояла и другая проблема, — продолжал Бэнкрофт. — Что может служить смазкой для людей — колесиков и шестеренок? Ответ: только люди. Какие люди выполняют роль смазки?

— И тогда вы раскопали Бертелли?

— Да. Его семья была смазкой для двадцати поколений. Он — носитель великой традиции и мировая знаменитость.

— Никогда о нем не слышал. Он летел под чужим именем?

— Под своим собственным.

— Я его не узнал, и никто из остальных тоже — какая же он знаменитость? Может, ему сделали пластическую операцию?

— Никакой операции не потребовалось. — Поднявшись, Бэнкрофт вразвалку подошел к шкафу, открыл его, порылся немного, нашел большую блестящую фотографию и протянул ее Кинраду: — Он просто умылся.

Взяв фото в руки, Кинрад уставился на белое как мел лицо. Он не отрываясь рассматривал колпак, нахлобученный на высокий фальшивый череп, огромные намалеванные брови, выгнутые в вечном изумлении, красные круги, нарисованные вокруг печальных глаз, гротескный нос в форме луковицы, малиновые губы от уха до уха, пышные кружевные брыжи вокруг шеи.

— Коко!

— Двадцатый Коко, осчастлививший своим появлением этот мир, — подтвердил Бэнкрофт.

Взгляд Кинрада снова вернулся к фотографии.

— Можно ее взять?

— Конечно! Я всегда могу достать хоть тысячу таких же.

Кинрад вышел из управления как раз вовремя, чтобы увидеть, как предмет его раздумий гонится за такси.

Вокруг руки Бертелли мячиком плясала сумка с наспех запиханными в нее вещами, а сам он двигался шаржированно развинченными скачками, высоко поднимая ноги в больших тяжелых ботинках. Длинная шея вытянулась вперед, а лицо было уморительно печальное.

Много раз Кинраду чудилось в позах Бертелли что-то смутно знакомое. Теперь, зная то, что он знал, Кинрад понял: он видит классический бег циркового клоуна, что-то ищущего на арене. Если бы Бертелли вдобавок испуганно оглядывался через плечо на скелет, волочащийся за ним на длинной бечевке, картина была бы совсем полной.

Бертелли догнал такси, бессмысленно улыбнулся, и, забросив в машину сумку, влез сам. Такси рванулось с места и умчалось, извергая две струи газа из реактивных двигателей под корпусом.

Кинрад стоял и смотрел невидящим взглядом в небо и на обелиски космических кораблей. А внутренним взором он видел сейчас весь мир, видел его как гигантскую сцену, на которой каждый мужчина, женщина и ребенок играет прекрасную и необходимую для всех роль.

И, доводя до абсурда ненависть, себялюбие и рознь, над актерами царит, связывая их узами смеха, клоун.

Если бы Кинраду пришлось набирать экипаж, он не мог бы выбрать лучшего психолога, чем Бертелли.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Брандис. Э. Ф. Рассел в «галактическая традиция» . . .</i>	5
НИТОЧКА К СЕРДЦУ. <i>Перевод Ю. Жуковой . . . . .</i>	19
НЕБО, НЕБО... <i>Перевод Э. Кабалева . . . . .</i>	29
КРЕСЛО ЗАБВЕНИЯ. <i>Перевод Р. Рыбаковой . . . . .</i>	41
ЭЛ СТОУ. <i>Перевод А. Иорданского . . . . .</i>	69
СВИДЕТЕЛЬСТВУЮ. <i>Перевод Б. Клюевой . . . . .</i>	90
БУДНИЧНАЯ РАБОТА. <i>Перевод И. Гуровой . . . . .</i>	119
КОНЕЦ ДОЛГОЙ НОЧИ. <i>Перевод М. Литвиновой . . . . .</i>	181
МЫСЛИТЕЛЬ. <i>Перевод М. Литвиновой . . . . .</i>	231
ВЫ ВЕЛИ СЕБЯ ОЧЕНЬ ГРУБО. <i>Перевод Р. Рыбкина . . . . .</i>	242
МЫ С МОЕЙ ТЕНЬЮ. <i>Перевод И. Гуровой . . . . .</i>	252
АЛАМАГУСА. <i>Перевод И. Почиталина . . . . .</i>	272
НЕМНОГО СМАЗКИ. <i>Перевод Р. Рыбкина . . . . .</i>	293

ЗАРУБЕЖНАЯ
ФАНТАСТИКА

74 коп.